

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Remember me ...
Remember me when I am gone away,
far away into the silent land;
You can no more hold me by the hand,
I shall turn to go, yet turning stay.
No future that you plann'd:
You understand
I then or pray.

Ты вспоминай меня...
Ты вспоминай меня, когда исчезну я,
Когда с лица земли сотрет меня с
Когда не будет больше рук твоих
Я не вернусь, причин не видя
Не воплотятся в жизнь мечты
О нашем общем будущем
Но поздно плакать.
И для молитвы в

Выпуск 9

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»
Научно-образовательный центр
«Интегративное переводоведение приарктического пространства»
Кафедра перевода и прикладной лингвистики

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Сборник научных статей

Выпуск 9

Архангельск
САФУ
2022

УДК 81'25(08)
ББК 81.2Рус-7я43
Л590

Отв. редакторы-составители: **А.М. Поликарпов, Е.Н. Земцовская**

Редакционная коллегия:

А.М. Поликарпов (отв. ред.), Е.Н.Земцовская (отв. ред.), Н.И. Тарасова

Рецензент:

Л.М.Бондарева, доктор филол. наук, доцент, профессор Института образования Балтийского федерального университета имени И. Канта

Лингвистика и перевод: сб. науч. статей / отв. ред. А.М.Поликарпов, Е.Н. Земцовская. – Архангельск: Сев. (Аркт.) фед. ун-т, 2022. – Вып. 9. – 311 с.

В сборнике представлены материалы всероссийских научно-практических конференций «И. А. Бунин — выдающийся писатель, поэт и переводчик» (10 ноября 2020 г.) и «Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней» (18-20 ноября 2021 г.), организованных и проведенных кафедрой перевода и прикладной лингвистики и НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства» САФУ. Сборник содержит также научные статьи, посвященные различным направлениям прикладной лингвистики и переводоведения и переводы английской поэзии. В нем отражена деятельность научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» и представлены новости научной жизни НОЦ и кафедры перевода и прикладной лингвистики САФУ. Материалы сборника могут быть использованы при написании курсовых и выпускных квалификационных работ студентов, при подготовке лекций и семинарских занятий по теории перевода и лингвистическим дисциплинам при обучении по направлению подготовки «Лингвистика».

УДК 81'25(08)
ББК 81.2Рус-7я43

ISBN 978-5-261-01633-5

© Поликарпов А.М., Земцовская Е.Н.,
составление, 2022
© Северный (Арктический) федеральный
университет, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первый раздел сборника статей вошли материалы всероссийской научно-практической конференции «И. А. Бунин — выдающийся писатель, поэт и переводчик», приуроченной к 150-летию со дня рождения Ивана Бунина, которая проходила в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В.Ломоносова 10 ноября 2020 года. Конференция была посвящена максимально подробному освещению творческой жизни Ивана Алексеевича Бунина. В рамках международной научной конференции на междисциплинарной основе обсуждались следующие темы: 1) литературное творчество И. А. Бунина в контексте традиций русской литературы; 2) переводческая деятельность И. А. Бунина и его творчество в зеркале перевода; 3) личность и творчество Бунина в контексте культурного трансфера.

Второй раздел сборника статей содержит материалы всероссийской научно-практической конференции «Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней», которая проходила в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова 18-20 ноября 2021 года. Мероприятие, приуроченное к 310-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, состоялось в рамках Года науки и технологий в России. Пленарные и секционные доклады были посвящены разным аспектам научного и художественного перевода, а также до этого неизвестным фактам творческой жизни гения. С большим интересом обсуждался вклад М. В. Ломоносова в российскую науку и в развитие научной мысли за рубежом. В выступлениях, как ученых-лингвистов, так и профессоров-литераторов, отмечалась роль великого российского ученого в становлении и развитии переводческой науки.

Кроме материалов научных конференций сборник содержит научные статьи по интегративному переводоведению, а также переводы английской поэзии.

Доктор филологических наук, профессор А.М. Поликарпов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА «ИНТЕГРАТИВНОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ ПРИАРКТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА» В 2021–2022 ГГ.

Реализация программ дополнительного образования

В научно-образовательном центре «Интегративное переводоведение приарктического пространства» высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ реализуются две программы профессиональной переподготовки: «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и «Литературный перевод», первая из которых в 2021 году отметила свое пятидесятилетие. Данная программа позволяет студентам из г. Архангельска и г. Северодвинска существенно повысить шансы при трудоустройстве, а людям, имеющим дипломы о высшем образовании, освоить новые профессиональные области и получить дополнительные возможности на рынке труда.

Программа «Литературный перевод» по сравнению с программой «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» намного «моложе», в 2020 году состоялся лишь второй выпуск слушателей. Тем не менее, выпускники, с успехом защитившие итоговые аттестационные работы, подают большие надежды в области художественного перевода.

Программа профессиональной переподготовки «Литературный перевод» – уникальная программа, реализуемая научно-образовательным центром «Интегративное переводоведение приарктического пространства». Она была разработана и открыта в 2016 году совместно с кафедрой литературы. Уже два выпуска слушателей изучали и смогли успешно усвоить материал по таким дисциплинам, как история русской и зарубежной литературы, основы писательского мастерства, литературное редактирование, перевод художественной прозы, перевод поэзии, киноперевод. Им посчастливилось познакомиться с многими писателями и переводчиками, в том числе с известной переводчицей книги Евгении Фрезер «Дом над Двиной» Татьяной Николаевной Клушиной. Летом 2022 года итоговую аттестацию будут проходить слушатели НОЦ третьего набора по программе.

На осень 2022 года намечен запуск межвузовской программы повышения квалификации «Цифровые практики в прикладной лингвистике». Осуществляется разработка программы профессиональной переподготовки «Преподавание ненецкого языка и культуры ненцев в условиях цифровизации, которая должна стартовать в феврале 2023 года.

Научная деятельность

Всероссийская научно-практическая конференция «И.А. Бунин – выдающийся писатель, поэт и переводчик»

Всероссийская научно-практическая конференция «И. А. Бунин – выдающийся писатель, поэт и переводчик», приуроченная к 150-летию со дня рождения Ивана Бунина, была проведена в САФУ 10 ноября 2020 года в онлайн-режиме в рамках всероссийского фестиваля НАУКА 0+.

Организаторами мероприятия выступили кафедра перевода и прикладной лингвистики, кафедра литературы и НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства» Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, а также Архангельское региональное отделение Союза переводчиков России. В конференции приняли участие лингвисты, переводоведы, литературоведы, историки, специалисты по музейному и библиотечному делу со всей страны. Главная цель мероприятия состояла в изучении и подробном освещении творческой жизни Ивана Алексеевича Бунина. Именно поэтому перечень приглашенных специалистов оказался столь разнообразным.

В рамках пленарного заседания конференции прозвучало пять научных докладов о творчестве Ивана Алексеевича. Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета Нина Алексеевна Дворяшина прочитала доклад «Запахи детства в прозе Ивана Алексеевича Бунина». Исследователь напомнила о галерее детских портретов в произведениях

Бунина, подчеркнула, что интерес к теме детства с годами углублялся в его прозе.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой САФУ имени М. В. Ломоносова Марина Юрьевна Елепова представила в своем докладе творческие связи Ивана Бунина и Михаила Лермонтова.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и русского языка филологического факультета Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина Ольга Александровна Мещерякова рассказала о некоторых особенностях стихотворных переводов Ивана Бунина, о негативном отношении к его наследию в советскую эпоху. Докладчик отметила, что Бунин крайне внимательно относился к своим переводческим работам, в частности к «Песне о Гайавате» Генри Лонгфелло.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы института филологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П.Семенова-Тяншанского Елена Александровна Попова раскрыла в своем докладе, как в творчестве И. А. Бунина отражена малая родина и какую роль она играла в жизни писателя, поэта и переводчика. Большое внимание было уделено специфической лексике, свидетельствующей о том, что Иван Бунин с трепетом относился к своей малой Родине. Показано, что Елец и другие места, связанные с детством и юношеством Ивана Бунина, нашли достойное место в его творчестве.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики САФУ Александр Михайлович Поликарпов познакомил участников конференции с немецкоязычными переводами ранних рассказов И. А. Бунина, опубликованных в 1903 году в Мюнхене. Он представил выявленные в ходе исследования факты о переводчике Георгии Полонском. Показав на примере двух рассказов Бунина «Велга» и «Антоновские яблоки» и их переводов на немецкий язык всю сложность задач, стоявших перед переводчиком, А.М. Поликарпов указал в своем докладе на то, что несмотря на эквивалентность, адекватность и точность передачи содержания в двух представленных переводах многое в текстах переводов осталось непередаанным или

неучтенным. Ведь не зря сам Бунин говорил в свое время, что «не слова нужно переводить, а силу и дух».

После пленарного заседания начали работу три тематические секции. В секции «Литературное творчество И. А. Бунина в контексте традиций русской литературы» приняли участие ученые из Москвы, Липецка, Ельца, Астрахани, Воронежа, Архангельска и Северодвинска, из них три доктора филологических наук, профессора, семь кандидатов наук, доцентов. В докладах участников конференции многомерно осмысливались сложнейшая философско-эстетическая и духовно-нравственная проблематика прозы и поэзии Бунина, картина мира писателя, жанровая специфика и образно-мотивная структура его произведений, особенности поэтики. Сочинения Бунина исследовались и в компаративистском аспекте. Оживленное обсуждение с элементами дискуссии вызвала проблема определения жанра автобиографического романа Бунина «Жизнь Арсеньева» как идиллии. В завершение работы секции литературоведы совместно обсудили спорную и чрезвычайно актуальную для современного буниноведения проблему мировоззренческих ориентиров писателя, характера его духовных исканий и религиозных представлений.

Секция «Переводческая деятельность И. А. Бунина и его творчество в зеркале перевода: история и современность» объединила исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Ельца и Архангельска, интересующихся как переводческим наследием выдающегося писателя, поэта и переводчика, так и тем, как можно оценить переводы его произведений, выполненные на европейские языки. В ходе выступлений и дискуссии, связанной с этими выступлениями, участники конференции сошлись во мнении, что Иван Бунин был одаренным переводчиком, который старался всемерно следовать букве оригинала, но при этом все же проявлял себя как одаренный писатель. На протяжении работы секции постоянно звучали такие переводческие термины как «языковая личность переводчика», «переводческая личность», «переводческое пространство», «языковая картина мира». Особое внимание уделялось оценке качества переводов как самого Бунина, например, «Песни о Гайавате» с английского языка, так и переводов его произведений на другие языки (английский, немецкий, французский) с учетом таких аспектов как адекватность перевода, сенсуализм, метафоричность.

В секции ««Личность и творчество Бунина в контексте культурного трансфера» приняли участие лингвисты, литературоведы, культурологи, библиотекари, а также студенты из Архангельска, Ельца, Калининграда, Липецка. Тематика докладов была очень разнообразной и актуальной: от вопросов, связанных с переводческой деятельностью И. А. Бунина, до рецепции творческого наследия писателя в немецкой критике. Особый интерес вызвали доклады, сделанные специалистами АОНБ имени Н. А. Добролюбова, в которых были представлены новейшие издания из фондов библиотеки, посвященные изучению жизни и творчества Бунина.

По итогам работы секций участники высказали слова благодарности организаторам конференции, отметили высокий уровень докладов и выразили надежду на дальнейшее сотрудничество с коллегами из САФУ. Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и русского языка филологического факультета Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина Ольга Александровна Мещерякова отметила, что благодаря этой конференции она открыла для себя САФУ.

Межрегиональный научно-практический семинар «Переводческое наследие А. А. Фета»

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова 4 декабря 2020 года провел межрегиональный научно-практический семинар «Переводческое наследие А. А. Фета» к 200-летию со дня рождения поэта и переводчика.

Организаторами мероприятия выступили кафедра перевода и прикладной лингвистики высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ, научно-образовательный центр «Интегративное переводоведение приарктического пространства», Архангельское региональное отделение Союза переводчиков России и Архангельская областная научная библиотека имени Н. А. Добролюбова.

«Существует масса публикаций, посвященных творчеству и личности Фета, но молодежи эти труды мало известны. И нам хотелось привлечь внимание молодых исследователей и студентов к переводческим

и поэтическим работам Афанасия Фета. Мы пригласили коллег из Москвы, Санкт-Петербурга и Перми, чтобы обменяться опытом и наработками», — рассказал организатор мероприятия, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики, директор научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» А.М. Поликарпов.

На пленарном заседании семинара с приветственными словами выступили президент Союз переводчиков России, кандидат культурологии Ольга Юрьевна Иванова, заместитель директора Высшей школы социально-гуманитарных наук и международных коммуникаций САФУ Лариса Юрьевна Щипицина и доктор филологических наук, профессор Александр Михайлович Поликарпов. Прозвучал целый ряд пленарных докладов.

Ольга Бодовна Кофанова из АНО ДПО «Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций» представила ранние переводы Афанасия Фета с французского языка на примере элегий Альфонса де Ламартина. О.Б. Кофанова сообщила, что ранние переводы Фета с французского вовсе не были абсолютно совершенными. Но в них уже четко прослеживалось стремление поэта-переводчика сохранить стихотворную форму оригинала. Оратор отметила, что Фет привнес в переводы много своих художественных смыслов.

Людмила Вениаминовна Кушникова, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, представила особенности переводческого метатекста в творческом наследии Афанасия Фета. К переводческому метатексту относятся прежде всего переводческое предисловие и переводческая аннотация к переводному художественному тексту. Исследователь отметила гармоничность и адекватность переводов Афанасия Афанасьевича с французского языка.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедры литературы САФУ Марина Юрьевна Елепова сравнила в своем докладе творчество Афанасия Фета и философа, писателя, публициста, литературного критика Константина Леонтьева, приводила многочисленные примеры из их творческого диалога. М.Ю.Елепова

рассказала о взаимоотношениях Афанасия Фета с литераторами своей эпохи, о дискуссиях вокруг его творчества.

Доктор филологических наук, профессор Александр Михайлович Поликарпов прочитал доклад о Фридрихе Фидлере, переводчике русской поэзии, который подарил стихотворениям Фета новую жизнь на немецком языке. Фидлер перевел многие художественные произведения известных русских поэтов и писателей и издал тридцать сборников своих переводов. Он был педагогом по своей основной профессии и собирателем частного литературного музея. А.М. Поликарпов представил в своем докладе, как Фидлер и Фет общались друг с другом. Они были знакомы, и сам Фет давал Фридриху Фидлеру рекомендации по поводу переводов своих стихотворений. Докладчик отметил, что Фидлер максимально попытался сохранить все нюансы поэзии Фета при переводе на немецкий язык.

В рамках секционной части научно-практического семинара с докладом выступила кандидат филологических наук Юлия Дмитриевна Бурмистрова, преподаватель института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Она представила в докладе основные результаты анализа перевода «Фауста» Гете, выполненного Афанасием Фетом. Исследователь подробно представила сопоставительный анализ текста-перевода и текста-оригинала первой части Фауста. Ю.Д. Бурмистрова отметила, что перевод Фета не является лучшим, но рекомендовала студентам, изучающим литературу, познакомиться с творчеством Гете через перевод русского поэта, поскольку Фет пытался довольно точно сохранять форму оригинала.

Наталья Владимировна Амосова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики САФУ, представила оду Гете «Границы человечества» в переводе Фета. Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики Наталья Владимировна Боровикова попыталась в своем докладе ответить на вопрос, являлся ли Фет сторонником буквального перевода. Она продемонстрировала это на примере переводов античных авторов и отметила, что с латыни Фет переводил довольно близко к оригиналу. Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, директор Германо-Австрийского центра САФУ и руководитель Архангельского центра встреч российских

немцев Елена Поликарпова представила лирику Генриха Гейне в переводах Афанасия Фета. В ее выступлении явно прослеживалось восхищение тем, как Фету удалось перевести тонкую лирику немецкого поэта. Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы САФУ Елена Юрьевна Ваенская представила в своем докладе мотивы музыки в поэзии Афанаси́ф Фета.

**Всероссийская научно-практическая конференция
«Развитие научного и художественного перевода и литературы
народов России: от Ломоносова до наших дней»**

18–20 ноября 2022 года в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М. В. Ломоносова прошла Всероссийская научная конференция «Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней». Мероприятие, приуроченное к 310-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, было проведено в рамках Года науки и технологий в России. Организаторами научного форума выступили: кафедра перевода и прикладной лингвистики, кафедра литературы, научно-образовательный центр «Интегративное переводоведение приарктического пространства», Совет по переводческой деятельности с использованием языков народов России при Правлении Союза переводчиков России, Архангельское региональное отделение Союза переводчиков России, Архангельское региональное отделение Союза писателей России, Архангельское региональное отделение общества «Знание».

Конференция объединила участников из многих уголков России и даже из дальнего зарубежья. В работе Всероссийской научной конференции приняли участие исследователи (профессора, доценты, аспиранты и магистранты) из Германии, Финляндии, Китая и из разных городов России — Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Екатеринбург, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, Калининград, Калуга, Красноярск, Махачкала, Набережные Челны, Нижний Новгород, Пермь, Сыктывкар, Улан-Удэ, Ульяновск, Электроугли.

Участники конференции отмечают масштабность научного мероприятия (более 200 участников, среди которых 25 докторов наук, было прочитано более 100 докладов, присутствовало более 300 слушателей), высокий уровень фундаментальности, качество представленных докладов и неформальный характер развернувшихся научных дискуссий. Просветительская функция и научно-образовательный потенциал проведенного мероприятия неопределимы по вкладу в развитие в ломоносоведение и широкому спектру представленных научных направлений.

Пленарные доклады были посвящены разным аспектам научного и художественного перевода, а также до этого неизвестным фактам творческой жизни гения. С большим интересом обсуждался вклад М. В. Ломоносова в российскую науку и в развитие научной мысли за рубежом. В выступлениях как ученых-лингвистов, так и профессоров-литераторов, отмечалась роль великого русского ученого в становлении и развитии переводческой науки.

Роль М. В. Ломоносова в истории отечественной науки переоценить невозможно. Достаточно сказать, что он первым в России стал разрабатывать такие научные отрасли, как физика, химия, химические технологии, приборостроение, техника горного дела, стекольное и керамическое производства, оптика, астрономия, геология, минералогия, география, исследование Севера. Будучи прежде всего учёным-естественником, М. В. Ломоносов был прекрасно образован и в области гуманитарных наук. Автор многочисленных поэтических произведений (в основном стихотворений и од), а также научных трудов по экономике, истории, теории русского языка, поэтике и риторике, он является знатоком древних языков и классической античной литературы.

Переводческая деятельность Ломоносова направлена на переложение произведений древних поэтов с греческого и латинского языков, а также од и басен поэтов – современников Ломоносова с французского и немецкого языков на русский язык, создание переводов научных и научно-технических текстов (с латинского и немецкого языков на русский и с русского языка на немецкий), поэтических переложений религиозных текстов со славянского языка на «русский», осуществление официально-делового перевода в рамках

профессиональной деятельности, редактирование переводов, созданных академическими переводчиками в Петербургской Академии наук. К переводческой деятельности Ломоносова относятся осуществлённая им научная критика переводных текстов, выполненных академическими переводчиками, в виде рецензий, комментирование собственных переводов, а также участие в регламентировании профессиональной деятельности переводчиков.

На секционных заседаниях обсуждался широкий круг проблем, связанных с переводом текстов различных жанров, поиском эффективных методов формирования переводческой и иноязычной коммуникативной компетенции, а также с изучением творческого наследия М. В. Ломоносова, актуальных вопросов терминоведения.

20 ноября в рамках всероссийской конференции состоялась презентация книжного проекта Издательского отдела Соловецкого монастыря, которую провела кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики САФУ Елена Вакифовна Поликарпова. Именно под ее руководством силами студентов кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ был подготовлен перевод мемуаров Александры Анзеровой (А. С. Арсеньевой), которые составили основу девятого тома «Воспоминаний соловецких узников».

Девятый том серии «Воспоминания соловецких узников» включает в себя ранее не переведившиеся на русский язык книги «Aus dem Land der Stummen» («Из страны Безмолвия») и «Am Weißen Meer» («У Белого моря») А. С. Арсеньевой, которые впервые были опубликованы в Германии в 1936 и 1938 гг. и только сейчас стали доступны для российского читателя. В своих произведениях автор рассказывает о годах жизни, проведённых в местах лишения свободы, в том числе в СЛОНе, где мемуаристка находилась в период с 1923 по 1926 гг. Книга ориентирована на самый широкий круг читателей и специалистов, интересующихся отечественной историей.

Е. В. Поликарпова рассказала в рамках презентации книги об особенностях перевода и историческом контексте издания, значение которого в изучение исторического и культурного наследия России отметили все участники презентации.

При обсуждении итогов конференции в последний день ее проведения участники конференции особо отметили междисциплинарность представленных результатов исследований, позволяющих расширить диапазон мышления и кругозор восприятия окружающего мира. Отработанная технология проведения конференции в цифровом формате, хорошее качество технической связи, высокий уровень профессионализма организаторов и модераторов, а также объективность представленных исследовательских результатов получили высокую оценку научно-образовательной общественности в России и за рубежом.

Научное сотрудничество

Участие во всероссийском сетевом научно-образовательном проекте «Научное взаимодействие федеральных университетов по прикладной лингвистике и педагогике профессионального образования в контексте цифровизации»

В апреле 2018 года после проведения ряда совместных научных мероприятий кафедры перевода и прикладной лингвистики высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова и института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета двумя федеральными университетами (с севера России и с юга нашей страны) был дан старт инновационному научно-образовательному проекту по научному взаимодействию федеральных университетов по прикладной лингвистике в контексте цифровизации.

Если 5 апреля 2018 года в Видеофоруме федеральных университетов «Научное взаимодействие федеральных университетов по прикладной лингвистике в контексте цифровизации», проведенном Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова, приняли участие представители САФУ и Южного федерального университета, то 8 апреля следующего, 2019 года, в рамках второго Видеофорума, прошедшего под названием «Развитие прикладной лингвистики в контексте цифровизации» к научно-образовательному

проекту присоединились Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта и Казанский (Приволжский) федеральный университет.

В апреле 2020 года в рамках Видеофорума «Научное взаимодействие федеральных университетов: переводческая деятельность в условиях цифровизации» сетевой проект поддержал и принял активное участие в Видеофоруме пятый федеральный университет (Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск).

В сентябре 2020 года в рамках Видеофорума федеральных университетов под названием «Научное взаимодействие федеральных университетов по образовательным программам аспирантуры: цифровая коммуникация» число участников сетевого проекта федеральных университетов пополнилось Уральским федеральным университетом имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Видеофорум получил в прошлом году не только федеральный, но и международный статус. Немецкий опыт работы в сфере дистанционного обучения на нем представила лектор ДААД Грекова Полина, ассистент-преподаватель из Южного федерального университета, а в конкурсе научных докладов от САФУ приняла участие аспирант из Китая и старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики и перевода нашего университета Сун Янань.

На Молодежной школе по цифровой лингвистике, проведенной 28 ноября 2020 года Южным федеральным университетом в сотрудничестве с Северным (Арктическим) федеральным университетом, к сетевому проекту присоединились еще три университета: Северо-Кавказский федеральный университет, Дальневосточный федеральный университет и Крымский федеральный университет.

Соруководители проекта профессор А.М.Поликарпова и профессор М.В.Дружининой выступили в феврале 2021 года с пленарными докладами по тематике и представлению сетевого проекта на немецкоязычной международной конференции DAAD под названием «DaF-Unterricht und Übersetzen im digitalen Kontext» (Преподавание немецкого языка как иностранного и перевода в контексте цифровизации), проходившей в Уральском федеральном университете.

В мае 2021 года на очередном Видеофоруме федеральных университетов число участников сетевого проекта возросло до десяти

федеральных университетов. К проекту присоединился Сибирский федеральный университет.

С 2018 по 2022 гг. проведено 5 видеофорумов федеральных университетов, организованных САФУ во взаимодействии с федеральными университетами. На видеофорумах федеральных университетов были представлены пленарные выступления представителей университетов, проходили пленарные дискуссии по прикладной лингвистике и педагогике профессионального образования в условиях цифровизации, проводились конкурсы научных докладов студентов по проблемам цифровой лингвистики, прикладной лингвистики и педагогике профессионального образования в аспекте цифровизации.

В течение двух последних лет участниками проводится Молодежная школа по цифровой лингвистике для студентов и аспирантов федеральных университетов (организаторы: Южный федеральный университет и Северный (Арктический) федеральный университет).

Осуществляется взаимодействие с международным Консорциумом «Netzwerk D» по изучению немецкого языка и культуры на основе совместно используемой электронной платформы LSI-online Deutsch Института интенсивного обучения иностранным языкам Земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете (г.Бохум, Германия). Директор института Рурского университета, руководитель международного проекта Клаус Вашик был приглашен и выступил с научным докладом вместе с профессором С.М.Кибариной из Вологодского государственного университета на Видеофоруме федеральных университетов в мае 2021 года.

2 июня 2021 года состоялось очередное научное мероприятие в формате онлайн-мастерской «От классической методики к цифровой лингводидактике». Организаторами онлайн-мастерской стали преподаватели Северо-Кавказского федерального университета. В онлайн-мастерской прозвучали выступления с глубокими теоретическими обзорами, были представлены современные прикладные разработки. Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета Н. Л. Московская представила идеи когнитивно-концептуального подхода к преподаванию

иностранных языков и показала на многочисленных примерах перспективность исследований в области лингвоконцептологии для дальнейшего развития прикладной лингвистики и педагогики профессионального образования в условиях цифровизации. Доктор филологических наук, профессор СКФУ М. В. Каменский «погрузил» участников онлайн-мастерской в возможности современного программного обеспечения как в целях обучения иностранным языкам и переводу, так и в целях проведения исследований в области цифровой лингвистики. В его выступлении четко прозвучали основные принципы отбора программного обеспечения, которыми он руководствуется в своей профессиональной деятельности. Коллеги из СКФУ актуализировали также проблему преподавания русского языка как иностранного языка в условиях цифровизации и проанализировали трудности в реализации курсов РКИ в университете. Прикладным продуктом мастерской следует считать модель бизнес-симуляции, ее компоненты и этапы реализации в обучении студентов гостиничному сервису, туризму и бизнес-коммуникации на английском языке. В ходе работы появились новые идеи, которые в ближайшее время будут обсуждаться на очередном совещании в рамках сетевого всероссийского проекта всех федеральных университетов России, которое проводит САФУ.

20 октября 2021 года состоялся очередной Видеофорум федеральных университетов России «Научное взаимодействие федеральных университетов в сфере образовательных программ аспирантуры». Тема виртуальной встречи – «Методология научного исследования и цифровой формат знания» (для преподавателей, молодых ученых и аспирантов федеральных университетов) (САФУ, КФУ и др. федеральные университеты – участники сетевого проекта).

24 ноября 2021 года для представителей всех десяти федеральных университетов преподавателями Северо-Кавказского федерального университета был проведен научно-методический семинар «Критическое мышление в условиях цифровых практик».

18 мая 2022 года прошел Видеофорум федеральных университетов «Научное взаимодействие федеральных университетов по образовательным программам бакалавриата и магистратуры в сфере прикладной лингвистики в условиях цифровизации». В рамках

Видеофорума были проведены мастер-класс по цифровой лингводидактике для преподавателей и молодых ученых федеральных университетов «Цифровой инструментарий в лингвистике и лингводидактике в условиях современных санкционных ограничений» (организатор – СКФУ) и олимпиада студенческих научных докладов.

Обзор онлайн выставки «Виртуалика»

14 февраля 2022 года на сайте Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова открылась онлайн-выставка «Виртуалика». Ее целью стала цифровая презентация новых научных трудов и актуальной учебной литературы по прикладной лингвистике и профессиональной.

Идея создать и реализовать данный сетевой научно-образовательный проект принадлежит доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой перевода и прикладной лингвистики Александру Михайловичу Поликарпову и доктору педагогических наук, профессору этой же кафедры Марии Вячеславовне Дружининой.

Выставка проводится в рамках более широкого всероссийского сетевого проекта «Научное взаимодействие федеральных университетов по прикладной лингвистике и профессиональной педагогике в контексте цифровизации», в котором в нем задействованы все десять федеральных университетов России.

Предлагаем краткий обзор «экспонатов» этой выставки.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта представлен аннотированной библиографией работ, выполненных российскими учеными с 2011 по 2016 год в русле переводоведения. Эта огромная работа проведена студентами 4 курса бакалавриата совместно с преподавателями направления подготовки «Лингвистика» Института гуманитарных наук БФУ в рамках научного семинара «Когниция, коммуникация, культура и перевод» под руководством Ива Гамбье. Библиография насчитывает более 200 работ. Ее особая ценность – в том, что она выполнена на английском языке, что значительно расширяет круг заинтересованных лиц, которые могут с ней работать.

Дальневосточный федеральный университет демонстрирует разнообразные научные и прикладные продукты. Прежде всего, это две коллективные монографии – «Межкультурная коммуникация в интердискурсивном аспекте» (2021 года издания, под редакцией доктора филологических наук Е.М. Бутениной) и «Русский вариант английского языка: история, функционирование и характеристики» (Russian English: History, Functions, and Features). Это первое в мире масштабное исследование, посвященное особенностям английского языка русскоговорящих носителей. Оно стало результатом многолетней работы научной школы лингвоконтактологии на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ-ШРМИ ДВФУ, монография опубликована в Cambridge University Press в 2016 году.

Несколько учебных пособий ДВФУ ориентированы на формирование теоретических и практических компетенций студентов-бакалавров. Это, в частности, методические указания «Практическая лексикография». Актуальность данного издания определяется важностью усвоения студентами основ терминологии и практической лексикографии в русле компетентностного подхода подготовки будущих лингвистов. Публикация представлена в электронном виде в формате PDF-файла, размещенного в информационно-коммуникационной сети Интернет.

На студентов младших курсов, изучающих английский язык, ориентированы два продукта – учебное пособие «Звуковой строй английского языка: вводно-фонетический курс (2020 г., под общей редакцией В. Л. Завьяловой) и компьютерная система тестирования для контроля сформированности слухопроизводительных навыков у русских учащихся. Также в этом блоке представлен и студенческий дипломный проект, предлагающий комплекс упражнений для вводно-фонетического курса.

Особый интерес представляет учебник для вузов «Практикум по межкультурной коммуникации» (издан в Москве в 2021 г.) Авторами являются преподаватели кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации. Уникальность учебника состоит в том, что он создан на основе многолетнего опыта научного исследования литературных (Е. М. Бутенина) и лингвистических (Т. А. Иванкова) контактов стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также с учетом практики преподавания в

мультикультурных студенческих аудиториях, ставших реальностью современного образовательного пространства. Практикум позволит студентам приобрести уникальные знания о контактах культур в данном регионе, с тем чтобы они могли уверенно и взаимовыгодно строить деловые и личные отношения с их представителями в сфере образования, бизнеса, искусства и др.

В методическом блоке размещена также книга Translation Challenges (English and Russian languages, 2020 г.) – учебное пособие по теории перевода, а именно сборник упражнений по переводу с английского языка на русский и с русского языка на английский, нацеленных на преодоление сложностей, возникающих в результате типологических различий в данной паре языков.

Преподаватели кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации представили также две игры-викторины. Обе из них разработаны для курса «История английского языка и культурно-языковые контакты». Первая – по теме «Глубина и формы скандинавского влияния на английский язык». Это игра-викторина, выполненная в PowerPoint. Вторая игра касается темы «Фонетические изменения в древнеанглийский период», она выполнена по образцу «Кто хочет стать миллионером» на платформе SuperTeacherTools.

Казанский федеральный университет предоставил на выставку лишь один продукт, но крайне интересный. Это «Проект КомПас КФУ: компетентностный профиль переводчика». Целая команда преподавателей работает над созданием компетентностных профилей переводчиков (в различных областях перевода) для более целенаправленного обучения, аттестации, повышения квалификации и т.д. в области перевода в РФ. Цель — создание единой системы описания и измерения в цифре (валидации) компетенций переводчиков согласно их компетентностному профилю. Создатели проекта полагают, что университетское образование нацелено только на формирование hard skills. В проекте представляются 54 гибких компетенций (soft skills), необходимых профессионалу в самом общем плане. Продукт КФУ на выставке представлен в форме видео, знакомство с которым показывает, что КомПас в результате позволит создать индивидуальные траектории подготовки переводчика. Сегодня уже выстроено компетентностное поле личности – это база КомПаса как

платформы для диагностики и измерения в цифре компетентностного капитала и обнаружения ресурса личности, команды, организации. Этот проект задуман для ответа на запросы потребителей, в частности, переводческих услуг (предприятий, организаций). КомПас создает компетентностные профили по специализации и должности и тестирует по ним абитуриентов, студентов, выпускников, а также работающих переводчиков, чтобы ответить на вопрос, насколько данная личность соответствует профилю, и предложить в случае необходимости корректировку. Как видим, это глубоко систематизированная программа для компетентностного анализа личности.

Проект находится в стадии реализации. Планы КФУ на 2022 г – собрать и проанализировать запросы рынка, изучить российские и зарубежные стандарты (профессиональные и образовательные). Будут сделаны выводы о soft skills, необходимых для каждой специализации. К концу 2022 г. КФУ надеется уже запустить тестирование. Аналогов данного проекта на рынке труда и образования сегодня нет, в этом – неопровержимая новизна проекта. Преподаватели КФУ работают вместе с российской компанией Product Vision.

Крымский федеральный университет представил несколько публикаций: две коллективных монографии «Концепция лингвистической коннотологии (когнитивно-дискурсивный аспект)» (2022г.) и «Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы)» (2018г.). В Крымском ФУ работает научная школа социофонетики и фоностилистики профессора А.Д. Петренко. Изложенные в монографии разработки способствуют дальнейшему развитию и совершенствованию языковых норм на основе изучения характера связей социальных и языковых структур, динамики языковой системы в синхронии и ее диахронных трансформаций, демонстрируют методику исследований современной социолингвистики в тематических разделах социофонетики и фоностилистики.

Секция Северного (Арктического) федерального университета представляет прежде всего значительный спектр научно-образовательной деятельности НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства»:

- сборник научных статей «Лингвистика и перевод» (8-й выпуск),

- международный конкурс письменного перевода «Digital Arctic Transfer» (проводится регулярно с 2015 года),

- долгосрочный международный проект «Больше узнаем о море. От Севера к Северу: порт, судоходство, судостроение, рыболовство, переработка водорослей» (руководители проекта: д.ф.н., проф. А.М. Поликарпов, д.п.н., проф. М.В. Дружинина)

- Трехязычный глоссарий по цифровой лингвистике – студенческий научно-образовательный проект под руководством доцента Н.И. Тарасовой. Глоссарий представляет собой электронный документ, созданный в программе Excel и состоящий из нескольких рубрик: термины на английском и французском языках и их перевод, а также источники, в которых эти термины были найдены (для каждого термина на английском, французском и русском — источник на соответствующем языке).

Также среди экспонатов САФУ представлена монография профессора М.В. Дружиной «Педагогический дизайн в профессиональном образовании» (2021 г.).

Кафедра перевода и прикладной лингвистики САФУ представляет на выставке множество учебных пособий:

- «Немецкий язык для молодых ученых и аспирантов» (авторы – профессор М.В. Дружинина, профессор Г. Цитен),

- «Культура на Севере. Педагогика многоязычия» (профессор М.В. Дружинина, 2018 г.). Материалы о культуре Русского Севера (Архангельск, Архангельская область) основаны на инновационных идеях лингводидактики, культуросообразия и многоязычия; мини-темы и задания к ним изложены на 6 языках),

- «Социолингвистические аспекты переводческой деятельности» (авторы – профессор А.М. Поликарпов, доцент А.С. Епимахова, доцент М.М. Лютянская)

- «Специальный перевод: французский – русский языки» (авторы-составители – доцент А.С. Епимахова и доцент Н.И. Тарасова),

- «Перевод с русского языка на английский» (авторы – доцент Ж.Е. Гостева и преподаватель Е.Н. Земцовская),

- «Перевод в сфере нефти и газа» (авторы – доцент Н.В. Амосова, старший преподаватель Н.А. Баранова и преподаватель Е.Н. Земцовская)

Изюминкой страницы САФУ является переводческий проект «Литературный перевод как ключ к малоизвестным страницам истории России». Это студенческий научно-прикладной образовательный проект, заключающийся в том, что в 2021 году студенты вышеназванной кафедры выступили командой переводчиков и под руководством и редакцией доцента Елены Поликарповой перевели с немецкого языка на русский два романа эмигрантки 30-х годов Анны Сергеевны Арсеньевой, изданных под псевдонимом Александры Анзеровой в 1936 и 1938 гг. в Германии. Данный перевод в настоящее время опубликован как 9-й том известной серии «Воспоминания узников соловецких лагерей» (отв. редактор – канд. филол. наук, иерей Вячеслав Умнягин) Спасо-Преображенским Соловецким ставропигиальным мужским монастырем, высоко оценившим работу начинающих переводчиков как особый вклад в историю России.

Экспонаты Северо-Кавказского федерального университета включают несколько коллективных монографий по актуальным вопросам прикладной лингвистики, опубликованных за последние годы:

- «Формализация исследовательских процедур анализа семантики языковых единиц» (2016 г.),
- «Методические аспекты коммуникативного поведения в международном деловом взаимодействии» (2017 г.),
- «Эволюция и современное состояние базовых лингвистических исследований в академической среде университета г. Йорка» (2018 г.).

Особый интерес в плане образовательных инноваций представляет учебное пособие (лабораторный практикум) «Развитие критического мышления на основе чтения текстов». Авторы – профессор Н.Л. Московская, доцент В.П. Старичкова, доцент Е.А. Калиновская. Особенности авторского подхода к изложению учебного материала (использование рисунков, фотографий, схем, таблиц, задания для работы над творческими проектами) способствуют стимулированию активности студентов, повышению их интереса к проблеме развития критического мышления, а также систематизации, углублению и обобщению полученных знаний, совершенствованию умений и навыков, переносу сформированных компетенций в среду самостоятельной деятельности.

Уральский федеральный университет представил информационную систему экспертного анализа «Лингвистика» (разработчики: д.ф.н., проф. кафедры ЛиПКИЯ УрФУ Ю.В. Богоявленская, С.А. Александров). ИСЭА — это электронная среда, открытая некоммерческая платформа, которая позволяет пользователям создавать научно-исследовательские проекты, что предполагает следующие операции:

- загружать и хранить тексты разных типов на любых языках;
- выстраивать классификационные деревья для анализа объекта исследования;
- проводить анализ объекта по параметрам классификационного дерева;
- генерировать статистические отчеты, в том числе по заданным фильтрам;
- сопоставлять отчеты в полиязыковых проектах;
- получать выборки по заданным параметрам;
- «клонировать» проекты;
- сохранять данные при помощи сторонних приложений.

Также секция Уральского ФУ включает электронные лексикографические продукты Уральской семантической школы (основатель и руководитель школы — Людмила Григорьевна Бабенко, доктор филологических наук, профессор):

- «Словарь-тезаурус синонимов русского языка» (под общ. ред. Л. Г. Бабенко, Москва, 2021), включающий 600 ключевых понятий, около 7300 синонимических рядов, 40000 слов-синонимов. В словаре впервые показано, сколько синонимических рядов (и какие именно) входят в ту или иную смысловую (идеографическую) группу. Синонимические ряды с учетом иерархии отображаемых понятий распределены по 16 семантическим сферам, 430 идеографическим группам и подгруппам. Алфавитный указатель слов, включенных в синонимические ряды, помогает быстро найти не только синонимы искомого слова, но и те синонимические ряды, которые соотносятся с найденным рядом по общему идеографическому признаку (понятию),

- словарь «Алфавит эмоций. Словарь-тезаурус эмотивной лексики» (Л.Г. Бабенко, 2021 г.). Это принципиально новый по концепции и структуре авторский словарь-тезаурус, отображающий картину мира

эмоций. Он включает две части – идеографическую и алфавитную. В первой вся рассматриваемая эмотивная лексика русского языка дается в составе денотативно-идеографических групп, в которые она объединяется по смыслу с учетом отображаемых эмоций. Во второй части вся лексика располагается по алфавиту с указанием номера группы для каждого слова. Словарь можно использовать в фундаментальных исследованиях, в учебных курсах, связанных с изучением внутреннего мира человека, в экспериментальной научной и профессионально-педагогической деятельности.

- «Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов» (под общ. ред. Л. Г. Бабенко, Москва, 2021 г.). Впервые синонимы и антонимы русского языка описываются во взаимодействии как единые комплексы. Используется идеографический принцип их расположения в словаре – по смыслу, а не по алфавиту. Приведены словарные материалы из 10 объемных денотативных сфер: 53 группы и подгруппы, в которых описано 747 антонимических оппозиций, включающих 5 770 лексем – синонимов и антонимов.

Экспозиция УФУ дополняется монографией доктора культурологии и кандидата филологических наук Н.А. Завьяловой «Цивилизационные картины мира в контексте культурно-коммуникативных формул» (2021 г.). Монография посвящена описанию коммуникативных стратегий, составивших основу народного пласта культуры Китая и Японии. Она может быть полезна всем, чьи интересы сопряжены с изучением стран Дальнего Востока. Страничка отсылает к видео презентации автора.

Южный федеральный университет представил три учебных пособия по практическому курсу английского языка для различных ступеней изучения:

- учебное пособие *The English language in use: everyday life communication* – для студентов 1 курса, обучающихся по направлению 45.03.02 Лингвистика (авторы Е.В. Манжелевская и О.А. Пархоменко),

- учебное пособие *The English matters for university students: practical and theoretical issues* – для студентов 2-3 курсов, обучающихся по направлению 45.03.02 Лингвистика (автор Е.В. Манжелевская),

- учебное пособие The course of English for university students (Step 3) (автор – Е.Ю. Стратийчук)

Наибольшее количество электронных продуктов представил Северо-Восточный федеральный университет.

Прежде всего – это научные труды, учебники и учебные пособия Института языков и культуры народов и филологического факультета имени М.К. Аммосова. Сюда входит большое количество публикаций за последнее десятилетие, их можно сгруппировать по нескольким направлениям:

- научные и учебно-методические труды, связанные с мультинациональной спецификой региона:

«Теория и практика саморазвития личности в поликультурной образовательной среде РС». Монография. Авторы – Нелунова Е.Д., Артемьев И.Т. Якутск, 2014 г.

«Преподавание иностранных языков в многоязычной поликультурной среде». Монография. Авторы – Фомин М.М., Нелунова Е.Д., Григорьева В.В., Гуляева В.Н., Артемьев И.Т. Якутск, 2011 г.

«Концептуальные основы развития учебной самостоятельности студентов при обучении иностранному языку в регионально-этническом контексте» [Электронный ресурс]. Монография, 2019 г.

«Теоретико-методологические аспекты формирования иноязычной коммуникативной компетенции при обучении второму иностранному языку студентов в условиях национального региона». Монография. [Электронный ресурс]. Автор – С. Н. Павлова, 2021 г.

«Методика обучения английскому языку в регионально-этническом контексте: учебное пособие» [Электронный ресурс], 2019 г.

«Фольклор и национальная литературная классика: методология и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию классика якутской литературы, просветителя, фольклориста Николая Денисовича [Электронный ресурс], 2020 г.

- публикации, посвященные японскому языку:

«Основы японского иероглифического письма: теория и практика». Учебное пособие» (авторы Т.Н. Пермякова, С.К. Ефимова, 2019 г.).

«Обучение студентов-билингвов японскому языку в языковом вузе Республики Саха (Якутия)». [Электронный ресурс]. Монография. Автор – С. К. Ефимова, 2021 г.

«Коммуникативный курс японского языка: лексика и грамматика (Маругото А1, 1-10 уроки)». Онлайн-курс.

«Японский язык: практикум по развитию навыков чтения и перевода к «Minna no nihongo II». Учебно-методическое пособие. Составители – М. Н. Апашеева, Т. Н. Пермякова, З. Б. Степанова. 2020 г.

- подборка электронных изданий по обучению якутскому языку и его научному описанию:

«Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации». Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора СВФУ имени М.К. Аммосова, академика Европейской Академии естественных наук, заслуженного работника культуры ЯАССР и РФ, Почетного гражданина г. Якутска Алексеева Ивана Егоровича-Хомус Уйбаан. 2021 г.

«Добро пожаловать в Якутию!» Учебное пособие для студентов направления подготовки бакалавров 45.03.01 Филология вузов региона, изучающих китайский, японский, корейский, английский языки. Авторы – А.А. Васильева, З.Б. Степанова, В.В. Лебедева, А.В. Иванова. 2018 г.

«Особенности обучения иностранному языку якутско-русских билингвов». Научная статья. Авторы – К.Э. Безукладников, Г.М. Парникова.

«Композиционный анализ поэмы (на материале якутской литературы)». Учебное пособие. Авторы – П.В. Максимова, Л.П. Григорьева. 2014 г.

«Д. К. Сивцев-Суорун Омоллоон, патриарх якутской литературы: «Все мы — дети одной матери» Двухязычная хрестоматия на русском и английском языках : опыт перевода». Учебное пособие: в 2 кн. 2021 г.

- труды по переводоведению:

«Зарубежное переводоведение. Антология». Учебное пособие. 2021 г.

«Перевод эпического текста: лингвостилистические и социокультурные аспекты». Коллективная монография. 2018 г.

«Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: проблемы перевода и межкультурного диалога». Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию юбилею СВФУ им. М.К. Аммосова. 2016 г.

Все публикации СВФУ находятся в свободном доступе с сайта Виртуалики!

Сибирский федеральный университет представлен проектом «Междисциплинарные исследования жестовых языков: прагмалингвистика, нейротехнологии и социальная инклюзия» (руководители — Л.В. Куликова, доктор филол. наук, профессор, директор Института филологии и языковой коммуникации СФУ, О.В. Магировская, доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории германских языков и межкультурной коммуникации ИФиЯК СФУ). Проект направлен на научное решение актуальной социальной задачи современного общества по созданию доступной среды для людей с ограниченными возможностями. Он значительно расширяет спектр теоретических и прикладных подходов к рассмотрению достаточно новой для России проблематики, связанной с лингвистическим позиционированием жестового языка как самостоятельной семиотической системы, которая существует наравне с языком звучащим, имеет особую организацию и используется большой социальной группой людей с нарушениями слуха разной степени сложности.

Научное исследование проблемы предполагает объединение интеллектуальных ресурсов лингвистов, специалистов в области IT-технологий и программ искусственного интеллекта. Результатами первого этапа реализации проекта являются изучение современного социолингвистического состояния представленности вариантов русского жестового языка в Восточной Сибири (а именно на территориях Красноярского края, Тывы, Хакасии и Иркутской области) и создание оригинального цифрового ресурса — мультимодальной электронной платформы региональных вариантов русского жестового языка.

В целом, выставка «Виртуалика» представляет широкий спектр цифровых продуктов, разработанных федеральными университетами: уникальные авторские работы, коллективные проекты, теоретические исследования по прикладной лингвистике. Большинство вузов

представило также учебные пособия по преподаваемым дисциплинам. В каждом университете созданы цифровые продукты, так или иначе отражающие специфику региона.

Зарегистрировано уже более полутора тысяч просмотров.

*Обзор подготовила Н.И. Тарасова,
канд. филол. наук, доцент кафедры
перевода и прикладной лингвистики
САФУ имени М.В. Ломоносова*

Регулярные мероприятия по переводу

Международный конкурс письменного перевода «Digital Arctic Transfer»

Конкурс проводится ежегодно с 2015 года с целью совершенствования качества подготовки переводчиков и языковой подготовки специалистов других сфер деятельности, активизации творческой, познавательной, интеллектуальной инициативы студентов.

В 2021 году на конкурс поступило 587 заявок от студентов из университетов Ближнего и Дальнего Зарубежья (Австрии, Беларуси, Германии, Казахстана, Китая, Польши, Франции), а также из 40 вузов России, в том числе федеральных университетов.

Организаторы – кафедра перевода и прикладной лингвистики, научно-образовательный центр «Интегративное переводоведение приарктического пространства» и управление международного сотрудничества Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, а также Архангельское региональное отделение Союза переводчиков России. Участники конкурса проявляют интерес к профессии переводчика и к профессии к арктической тематике, демонстрируют творческий подход при переводе текстов. Важно, что любовь к иностранным языкам и к переводу показывают не только лингвисты и филологи, но и будущие экономисты, инженеры, историки, психологи, журналисты, специалисты различных технических специальностей.

В 2022 году в конкурсные задания международного конкурса «Digital Arctic Transfer» включены номинации «перевод с китайского языка на русский» и с русского языка на китайский.

Переводческая мастерская

В 2021–2022 гг. проходили регулярные заседания научного студенческого объединения «Переводческая мастерская». Формат переводческой мастерской позволил провести творческие мероприятия, встречи с представителями переводческой отрасли, презентации подразделений САФУ, связанных с переводом.

28 апреля 2021 года состоялось очередное заседание Переводческой мастерской. На этот раз студенты и преподаватели кафедры перевода и прикладной лингвистики, а также слушатели научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» встретились с Игорем Валентиновичем Храмовым, членом Союза переводчиков России с 2001 года. В переводе Игоря Храмова с немецкого языка вышли романы Клауса Манна «Благочестивый танец», Зигфрида Ленца «Наследие Арне», рассказы Стефана Гейма «Жены всегда исчезают / Мужья всегда виноваты», протоколы допросов героя группы немецкого сопротивления «Белая роза» Александра Шмореля в гестапо. «Белая роза» — это была подпольная молодежная группа сопротивления фашистскому режиму Германии в годы Второй мировой войны. Ее участники распространяли в Германии листовки, рассказывающие правду о нацистском режиме.

Особое внимание на встрече в рамках переводческой мастерской было уделено жизни и судьбе Александра Шмореля, уроженца Оренбурга. В 2012 году он причислен к лику святых, а Русской православной церковью за границей и Московским патриархатом прославлен как святой Александр Мюнхенский.

Игорь Храмов ярко, интересно и очень подробно рассказал студентам и слушателям о деятельности подпольной группы «Белая роза» в период Второй мировой войны, о своей работе в архивах и беседах с живыми свидетелями тех событий, о том, как незаслуженно мало в нашей стране знают о деятельности активистов сопротивления нацизму. Он поделился

историей становления своей переводческой карьеры. На встрече был продемонстрирован фильм об организации «Белая роза», сопровождаемый комментарием И. В. Храмова.

В дар кафедре перевода и прикладной лингвистики были преподнесены опубликованные переводы Игоря Храмова, а также написанная и изданная им биография Александра Шмореля под названием «Святой Александр Мюнхенский».

14 октября 2021 года кафедра перевода и прикладной лингвистики и НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства» провели очередное заседание переводческой мастерской, которое было посвящено современным тенденциям в переводческой отрасли. Перед будущими переводчиками выступила Елена Викторовна Жданова, генеральный директор ООО Бюро деловой поддержки «Руна». Это предприятие, являющееся крупным поставщиком переводческих услуг в рамках специализированного технического перевода в нашем регионе, давно сотрудничает с кафедрой перевода и прикладной лингвистики. Для коллег кафедры особенно важно поддерживать связь с представителями профессионального сообщества, прислушиваться к их запросам и мнениям о том, каким должен быть сегодня переводчик.

Елена Викторовна в своем обращении к студентам-лингвистам подчеркнула крайнюю востребованность для современного общества профессионалов в сфере коммуникации, умеющих точно выражать свои мысли, грамотно и логично строить речь, любящих родной и иностранные языки.

Елена Викторовна, выпускница факультета иностранных языков нашего вуза, рассказала о том, как строилась ее карьера. Студенты и слушатели узнали, как она создавала и развивала свою компанию. Руководитель переводческого бюро поделилась своим мнением относительно того, что важно при оценке компетентности переводчика.

Она поделилась со студентами опытом работы на рынке переводческих услуг и дала ценнейшие советы. Главный из них — выстраивать уже со студенческой поры собственную профессиональную траекторию. Елена Викторовна призвала будущих переводчиков постоянно двигаться вперед, не теряя стремления к специальным знаниям, расти лично, осваивать новые технологии, а также развивать память. Важно,

по мнению, Елены ВИкторовны не только совершенствоваться в узких областях знаний, но и читать классику. Стремясь к расширению международных контактов, любить свой край. Встреча стала настоящим диалогом профессионалов — настоящих и будущих.

29 декабря 2021 года состоялось традиционное заседание переводческой мастерской «Арктический Новый год и Рождество у переводчиков», посвященное празднованию любимого в нашей стране праздника и новогодним традициям разных стран.

В мастерской принимали участие не только студенты, аспиранты и преподаватели кафедры перевода и прикладной лингвистики, слушатели научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» САФУ, но и зарубежные коллеги, в том числе независимый исследователь Габриэле Цитен из Германии. На протяжении всего заседания переводческой мастерской участники делились друг с другом своими впечатлениями об уходящем 2021 году и демонстрировали свои видеоролики с поздравлениями. Новогодние поздравления звучали на восьми языках. Студенты переводческих групп рассказывали о кулинарных традициях празднования Рождества и Нового года в различных странах Европы, делились своими наблюдениями, загадывали загадки на иностранных языках и переводили их, а также много шутили. В этом году предновогодняя переводческая мастерская проходила в уже привычном для всех онлайн-формате, но несмотря на технические сложности и разделяющие нас расстояния, все участники, несомненно, прониклись веселым предпраздничным настроением!

4 апреля 2022 года заседание переводческой мастерской прошло в необычном формате. В актовом зале Архангельской областной научной библиотеке имени Н.А.Добролюбова состоялся вечер, посвященный 90-летию со дня рождения известного поэта, переводчика и публициста-прозаика Игнатия Михайловича Ивановского мероприятие. На межрегиональном по статусу мероприятии соединились чтение переводов сонетов Шекспира, отрывков из прозаических и публицистических произведений Игнатия Ивановского, исполнение русских романсов на английском языке и воспоминания.

Межрегиональный научный семинар «Поэт и переводчик И.М.Ивановский: жизнь и творчество» был организован НОЦ

«Интегративное переводоведение приарктического пространства», кафедрой перевода и прикладной лингвистики САФУ и Архангельским региональным отделением Союза переводчиков России. А сценарий литературного вечера был с большой любовью подготовлен сотрудниками центра международных информационных ресурсов Областной научной библиотеки имени Н.А.Добролюбова под руководством О.А.Шепуревой. На мероприятии присутствовали не только студенты и слушатели из САФУ, но и любители поэзии и романсов, которые представляли общественность города Архангельска.

Игнатий Михайлович Ивановский является автором стихотворных переводов произведений английских, шотландских, шведских поэтов, таких как Байрон, Китс, Шелли, Вордсворт, Бёрнс, Бельман, Фрёдинг, Андерссон, Ферлин, Транстрёмер. Он опубликовал 15 книг со своими переводами и переложениями, известен в России и за рубежом как поэт и переводчик не только с английского и шведского языков, но и как автор переводов русских романсов на английский язык. В своей книге «Почтовая лошадь: Стихотворные переводы. Размышления. Воспоминания» Игнатий Михайлович пишет: «Чтобы по-настоящему утвердиться в своей профессии, переводчик должен сдать три экзамена: на особую трудность (например, перевести сонеты Шекспира), на масштаб (перевести крупное произведение, в котором счёт строк идёт на тысячи, на литературное открытие (для наших читателей полным открытием стал великий швед Карл Микаэль Бельман)». Именно на этих трех переводческих испытаниях и строился сценарий переводческой мастерской, заседание которой проходило в библиотеке.

Зрители мероприятия узнали, что Игнатий Ивановский мог бы жить, работать и творить в шестидесятых годах в Ленинграде, но выбрал в 1962 году север. Он приехал на три месяца в Архангельскую область по направлению Союза писателей СССР для изучения литературного материала, но остался в итоге здесь на целых восемь лет. Сначала он работал в течение двух лет учителем английского языка в деревне Кехта, находящейся в сорока километрах от Архангельска, а затем один год занимал должность директора Кехотской школы. После трех лет учительства в Кехте Ивановский работал ещё в четырех районах Архангельской области, в том числе в Едемской восьмилетней школе.

Он занимался, помимо работы в школе, редакторской деятельностью в районных газетах и даже в областной газете «Северный комсомолец». В своих воспоминаниях И.М. Ивановский писал о том, что он приехал на Север, чтобы слушать, как говорят северяне, и поучиться у окружающих его простых людей, которых он называл мастерами слова, сохранившемся на Севере настоящему русскому языку. Именно в этот «северный» период жизни и творчества Игнатий Ивановский писал рассказы, героями которых становились реальные люди северной глубинки.

Научно-образовательным центром «Интегративное переводоведение приарктического пространства» и кафедрой перевода и прикладной лингвистики САФУ была проведена большая работа, чтобы собрать обширную информацию об этом выдающемся человеке. На вечере памяти звучали «Сонеты Шекспира» в переводе Игнатия Ивановского, которые читали ведущие вечера: доктор филологических наук, профессор Александр Михайлович Поликарпов и Анастасия Шорохова-Волкова, сотрудник Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А.Добролюбова. Рассказы писателя были прочитаны на вечере вслух очень выразительно доктором филологических наук, профессором кафедры речевой культуры САФУ Андреем Васильевичем Петровым. Выпускник научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» и известный певец из Архангельска Алексей Карпов исполнил на английском языке романсы, которые перевёл Ивановский с русского языка на английский: «Очи чёрные», «В лунном сиянии» и другие. В комментариях между исполнением романсов Алексей Карпов отметил, что переводить на английский язык тексты русских романсов — это очень сложная задача, но Игнатий Ивановский справился с этим блестяще.

Неожиданной развязкой вечера стало выступление бывшей ученицы Кехотской школы, которая обучалась в Кехте в годы преподавания там Игнатия Ивановского — Галины Николаевны Нечаевой. Очевидец и живой свидетель педагогической и общественной деятельности И.М. Ивановского поделилась ценными для всех присутствующих на мероприятии воспоминаниями и фотографиями о талантливом учителе и друге её отца, бывшего председателя колхоза. Г.Н.Нечаева рассказала

о том, что Игнатий Ивановский организовывал в Кехте шахматный клуб и много полезного сделал для молодёжи севера. Она зачитала строки, написанные Игнатием Михайловичем в отношении северной молодежи, которые очень затронули душу студентов.

РАЗДЕЛ 1. И.А.БУНИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК (МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, 10 НОЯБРЯ 2020 Г.)

С.А. Актуганова

Отражение поэтического наследия И.А.Бунина в его переводе

Имя Ивана Алексеевича Бунина небезызвестно в мировой литературе. Знаковая фигура для русской литературы, один из самых «переводимых» русских писателей, пользующихся популярностью у зарубежных авторов, И.А.Бунин внёс большой вклад в развитие русского литературного творчества и перевода.

Современники И. А. Бунина следующим образом отзывались о его языке: «он завершен и сложен, и цветист, как многокрасочная переливающаяся парча. Читаешь и видишь» [Черный, с. 358], отмечая также и мастерство писателя в описании природы, точность, «благородный тембр художественного дарования» [Степун, с. 365].

Известно, что как переводчик И. Бунин выполнил перевод поэмы «Песни о Гайавате» американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло, признанный художественным совершенством, лучшим в русской переводческой традиции [Захаров, с. 129]. «Песнь о Гайавате» («The Song of Hiawatha») была издана в США в ноябре 1855 года и сразу принята широким кругом читателей. И.Бунин составил словарь слов индейского происхождения, встречающихся в произведении [Ващенко]. Поэма многократно переиздавалась и стала классическим памятником американской литературы.

Особо следует подчеркнуть, что проблема поэтического перевода всегда является актуальной в переводоведении, поскольку перевод поэтических произведений должен соответствовать особым принципам и критериям. Некоторые исследователи заявляют о неперевожимости поэтического текста [Якобсон, с. 20]. Поэтический перевод определяют как литературный талант, искусство, созидание [Любимов, с. 5], «феномен взаимодействия между различными лингвокультурами» [Магомедзагиров, с. 547], особый вид художественного перевода текста, отличающийся от прозы относительно свободным характером [Науменко].

При переводе поэзии мы, как правило, сталкиваемся с целым рядом трудностей и проблем, в том числе и таких, как:

1) сохранение национального своеобразия. Любое произведение отражает определённую реальность, связанную с жизнью конкретного народа, язык данного народа представляет собой основу для воплощения образов. Решение этой проблемы заключается в сохранении гармоничного единства формы и содержания;

2) сохранение духа и времени произведения. Данная проблема объясняется тем, что «фактор времени накладывает определённый отпечаток на произведение», он должен отразиться в переводе. Переводчик всегда помнит про интересы современного читателя, сталкиваясь таким образом с парадоксом: не «осовременивать» текст оригинала, но передать атмосферу прошлого, чтобы читатель смог бы максимально погрузиться в это время;

3) выбор между точностью и красотой перевода. Вечный вопрос переводческого искусства: каким должен быть перевод – точным или естественно звучащим. Переводчику приходится делать выбор между гладкостью и точностью, он преследует цель воссоздания формы и содержание оригинала [Науменко].

При работе над «Песней о Гайавате» (1896-1903 гг.) И. А. Бунин стремился к максимальной близости оригинального и переводного текстов, принимая во внимание тот факт, что основу данной эпической поэмы составляют легенды индейцев: «Я всюду старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов» [Бунин, с. 236]. Так, можно говорить, что переводчик полностью погружается в материал, понимает и передает внутреннее наполнение произведения, его музыку и плавный ритм.

Представляемый текст перевода показывает, что И.А.Бунин учитывает такие доминанты, как метрические соответствия, экспрессивную окраску используемой лексики и организует их совокупность в единое целое. Переводчик всегда принимает во внимание лексические, грамматические и стилистические различия языка оригинала и языка перевода, видит разницу в семантической структуре слова,

производит синтаксические, лексические замены (Through their palisades of pine-trees/ *В неприступных дебрях бора*), опущения или добавления компонентов (How he lived, and toiled, and suffered / *Как трудился Гайавата*; Sang the Song of Hiawatha / *Пел мне Песнь о Гайавате*), Sang his wondrous birth and being / *О его рождение дивном, О его великой жизни*; Love the shadow of the forest / *Сумрак леса, шепот листьев*), использует грамматические трансформации (And the rushing of great rivers / *И стремительные реки*), осуществляет лексические компенсации и реализует контекстуальные добавления для передачи смысла (Listen to these wild traditions, To this song of Haiwatha! / *Вам принес я эти саги, эту песнь о Гайавате!*), предпринимает усиления эмфазы оригинала (Whose innumerable echoes Flap like eagles in their eyries / *Что как хлопанье орлиных Тяжких крыльев раздаются*).

Говоря о высоком мастерстве Бунина-переводчика, следует согласиться с тем, что не все компоненты содержания подлинника возможно передать в переводе. Согласно мнению известных специалистов в области перевода, такие потери неизбежны [Алексеева, с. 262]. Тем не менее, переводчик всегда должен помнить о своей главной задаче – создании контекстуального соответствия, сохранении эмоциональной выразительности оригинала, погружении читателя в иноязычную культуру.

В переводе поэмы нашли отражение эстетические взгляды И.А. Бунина, совершенное чувство стиля, творческая индивидуальность мастера. Большое внимание уделяется поэтом-переводчиком художественным деталям, эмоциональной выразительности оригинала. Выполненный Иваном Буниным перевод признан конгениальным за отличное чувство меры, напевность, хороший русский язык, отточенность формы [Крылова].

Подытоживая, можно констатировать эквивалентность перевода оригиналу – равноценность оригиналу, смысловую близость, общность содержания. Можно утверждать, что безупречное владение родным и иноязычным словом помогло автору перевода передать дух и время произведения, концептуальную и эстетическую информацию, его национальное своеобразие, сохранив художественное равновесие, национальный колорит, гармоничное единство формы и содержания.

Библиографический список

1. *Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2004. 288 с.
2. *Бунин И.А.* Собрание сочинений в четырех томах. М.: Правда, 1988. Т. 4. Темные аллеи. Переводы. С. 236
3. *Ващенко А.* The Song of Haiwatha by Henry W.Longfellow. Part I. Генри Уодсворд Лонгфелло «Песнь о Гайавате» часть I (главы I-IX) на английском и русском языках. Параллельный текст. URL: [www. tania-soleil.com/the-song-of-hiawatha-by-henry-w-longfellow-1/](http://www.tania-soleil.com/the-song-of-hiawatha-by-henry-w-longfellow-1/)
4. *Захаров Н.В.* Бунин-переводчик «Гамлета» Шекспира // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2010. № 2. С. 129-134.
5. *Крылова М.Н.* Сопоставительный анализ текста как средство формирования читательского интереса на уроках литературы. URL: www.urok.1sept.ru.
6. *Любимов Н.М.* Перевод – искусство. М.: Советская Россия, 1982. 128 с.
7. *Магомедзагиров Р.Г.* Специфика и проблематика перевода поэзии на примере перевода французской поэзии эпохи романтизма // Древняя и Новая Романия. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. № 16. С. 546-555.
8. *Науменко О.В.* Особенности поэтического перевода. URL: www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2013/naumenko.html.
9. *Степун Ф.А.* Литературные заметки: И. А. Бунин (по поводу «Митиной любви») // И. А. Бунин: pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб: РХГИ, 2001. С. 365-386.
10. *Черный С.* «Роза Иерихона» // И. А. Бунин: pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб: РХГИ, 2001. С. 367-361.
11. *Якобсон Р.О.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М: Международные отношения, 1978. С. 16-24.

**Образ матери в автобиографической прозе И.А.Бунина и
М.М. Пришвина**

В литературоведении, исследующем творчество И.А.Бунина и М.М. Пришвина, вопрос о биографических и творческих переключках художников рассмотрен достаточно подробно. Тем не менее, фабульно-биографические совпадения, обнаруживаемые в романах «Жизнь Арсеньева» и «Кашеева цепь», служат основой для выявления новых точек соприкосновения двух авторов.

Алексей Арсеньев и Михаил Алпатов – герои автобиографического характера. Через них писатели воссоздают этапы собственного жизненного пути, освещенного образом матери. Образ матери в произведениях Бунина и Пришвина приобретает положительную коннотацию.

На первых страницах романов герои делятся своими детскими впечатлениями и переживаниями. Окруженные заботой и любовью, они растут в родительских гнездах – старинных дворянских усадьбах. Мать и отец участвуют в формировании духовного облика сыновей. Сравнивая воспоминания детских лет главных героев, можно заметить некоторое сходство. Оба писателя видят в отцах людей неординарных, ярких, жадных до радостей жизни. Именно от отцов унаследовали дар воображения и жажду «небывалого», мечтательную и поэтическую натуру Алексей и Михаил. Вместе с тем герои осознают пороки своих отцов и понимают, что те бездумно растратили свои силы. Миша Алпатов признается: *«Как жаль мне отца, не умевшего перейти границу первого наивного счастья и выйти к чему-нибудь более серьезному, чем просто звонкая жизнь»* (Пришвин, с. 13).

В отличие от отцов, матери героев представлены женщинами деловитыми, хозяйственными, твердо стоящими на земле и в то же время не лишенными романтических наклонностей и развитого эстетического чувства. *«Ученная на медные деньги», мать Алпатова «постоянно читала классическую русскую литературу – Достоевского, Тургенева, Толстого, Гончарова, а из иностранных авторов – Шекспира, Диккенса и Сервантеса»* (Пришвин, с. 215). Алеша Арсеньев вспоминает, как мать *«певуче и мечтательно, на старомодный лад, с милой, томной улыбкой»*

(Бунин, с. 109) читала ему наизусть Пушкина. Впрочем, женщины не могли позволить себе надолго абстрагироваться от домашних хлопот и ведения хозяйства.

Отец Алпатова проиграл в карты крупную сумму денег, после чего вынужден был продать завод и заложить имение. Михаил Дмитриевич рано умирает, а Марии Ивановне впоследствии приходится много и долго работать, чтобы поднять пятерых детей и выкупить имение. Жизнь матери Алпатова далека от праздного времяпрепровождения в «дворянском гнезде»: она ездит в поля, ведет дела, улаживает недоразумения с крестьянами. Маленькому Мише мать видится *«могучей»* (Пришвин, с. 16), *«высокой, загорелой»*, *«всемогущей женщиной»* (Пришвин, с. 38), находящейся в *«вечном движении в хозяйстве»* (Пришвин, с. 197).

Образ матери обростаёт конкретными, реально-бытовыми чертами и в романе Бунина. Мать Алексея Арсеньева – это прежде всего хранительница домашнего очага, верная жена, защитница интересов семьи. Её жизнь, как и жизнь Марии Ивановны, складывается непросто: муж, беспечный, недальновидный человек, растратил наследство, но от привычки жить на широкую ногу не отказывается. Арсеньев с детских лет знает, что семья обеднела, но у него *«от тех дней все-таки сохранилось чувство довольства, благополучия»* (Бунин, с. 22). Стараниями матери организовывался домашний быт, и в памяти героя запечатлелись *«веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги»* (Бунин, с. 22).

Вопреки жизненным сложностям, матери дарят сыновьям внимание и любовь. Изображая мать, Алпатов подмечает её ежедневную внимательность и чуткость к своим детям, беспокойство за них: *«И обычное: рука на голове»* (Пришвин, с. 51). Так мать проверяет самочувствие каждого ребенка. В семье маленькому Мише дают ласковое прозвище Курымушка, памятуя о том, что в старинном кресле, носившем название Курым, он родился.

Для Алексея Арсеньева мать стала олицетворением доброты, любви и жертвенности. Будучи ребенком, он почувствовал, что из любви *«состояла вся ее душа»* (Бунин, с. 14). В сознании мальчика мать запечатлелась молящейся перед иконами кроткой и нежной женщиной, которая выбрала путь самоотречения во имя родных людей. Растворившись в заботах о

близких, она испытывала неподдельную радость только тогда, когда *«вся наша семья была в сборе»* (Бунин, с. 38).

Михаил Алпатов испытывает чувство глубокой благодарности по отношению к матери. Именно Мария Ивановна, ее образ жизни и поведение, отзывчивость и добросердечность, отношение к природе и земле заложили нравственные основы личности героя. Когда Арсеньев собирается уезжать из дома в гимназию, он рассуждает о том, что может забыть свою семью, родные места: *«вот как забуду я, верно, и Баскакова, и Олю, и даже, может быть, отца, которого я сейчас так люблю, с которым такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю Каменку, где мне знаком и дорог каждый уголок...»* (Бунин, с. 42). Герой упоминает всех членов семьи, кроме матери, потому что её Алексей точно никогда не сможет забыть. Образ самого родного человека навсегда останется в памяти, время и расстояние не в силах его стереть.

Исследователь М.В. Мелексян отмечает: «можно выделить три главных ипостаси образа матери – реально-бытовой, связанный с личной матерью каждого, высший идеальный аспект, восходящий к образу Богоматери, и – особенно значимый в русской поэзии образ матери как родины, восходящий к святому на Руси образу матери-земли» [Мелексян]. Думается, это наблюдение имеет отношение и к образу матери в произведениях Бунина и Пришвина. В романах писателей тема матери имеет, несомненно, ярко выраженное биографическое начало. Прототипом матери Алпатова выступает Мария Ивановна Пришвина, а матери Алексея Арсеньева – Людмила Александровна Бунина.

Пришвинский герой идеализирует образ земной матери, преклоняясь перед ее силой воли, жизнелюбием, светлым, радостным отношением к окружающему, и говорит: *«Мать моя святая»* (Пришвин, с. 145). В восприятии бунинского героя образ матери связан с образом Богоматери. Будучи глубоко верующим человеком, его мать подолгу молилась перед темными большими иконами, ночью простаивала часами на коленях, часто плакала, грустила. В матери ребенок видел идеал, чистую душу: *«душа ее была в непрестанном и высоком напряжении, царство Божие она полагала не от мира сего и верила всем существом своим, что милая, недолгая и печальная земная жизнь есть только приуготовленье к иной, вечной и блаженной»* (Бунин, с. 37). Активно-жертвенное начало проявляется в

желании матери защитить детей от жизненных невзгод. Сила материнской любви и веры была столь велика, что спасла старшего сына от ареста и ссылки. Арсеньев вспоминает о подвижническом подвиге матери во имя ребенка: *«Мать в это время дала богу, за спасение брата, обет вечного поста, который она и держала всю жизнь, вплоть до самой смерти, с великой строгостью»* (Бунин, с. 80).

Пришвин осмысливает образ матери в контексте вечных основ бытия: «материнский комплекс тесно связан с землей, власть которой Пришвин чувствовал всю жизнь» [Борисова, с. 85]. Земля с ее ярко выраженным материнским началом связана в романе Пришвина со стихией цветения, рождения и плодородия. «Страстное чувство земли», «мистика земли», желание проникнуть в тайны природной стихии – это наследство героини писателя получил от матери. Алпатов признается, что ему *«даже и жить не нужно долго в каком-нибудь краю, мне довольно взглянуть на любой ландшафт с тем страстным чувством земли, какое было у моей матери, чтобы эта земля стала мне родиной»* (Пришвин, с. 456). В творчестве Пришвина земной образ личной матери начинает возвышаться до общезначимого уровня образа родины.

Сопоставление художественных произведений И.А.Бунина и М.М.Пришвина убеждает нас в том, что писатели интерпретируют образ матери в едином ключе. В их романах нарисован идеальный образ матери, что во многом обусловлено фактами личной биографии авторов. Именно святая материнская любовь, понятая как терпение и жертва, дает плоды любви-творчества, дарит сыновьям ощущение полноты бытия.

Библиографический список

1. Борисова Н.В. Женщины в судьбе и творчестве М. Пришвина // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 83–93.
2. Мелексян М.В. История развития и значение образа матери в русской поэзии. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/2985>.

Список источников примеров

1. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). М.: Воскресенье, 2006. 480 с.
2. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 483 с.

А.В. Давыдова

Мотив движения времени в лирике И.А. Бунина для детей (на материале анализа сборника «Под открытым небом»)

Поэзия И.А. Бунина для детей исследована сегодня недостаточно полно. Большинство его поэтических текстов, адресованных ребенку, – это пейзажная лирика, в которой автор особо внимателен к описательным деталям, составляющим картины природы.

Сборник «Под открытым небом» с поэтическими произведениями И.А. Бунина вышел в 1898 году в издательстве «Детское время» в Москве. В него вошли 24 поэтических текста, которые могут быть одновременно отнесены к пейзажной и философской лирике, поскольку для Бунина, как и для его предшественников, поэтов школы Чистого искусства, разговор о природе – только повод поразмышлять о человеке. Кроме того, одним из центральных философских мотивов в текстах этого сборника является мотив движения времени.

Художественное время в лирике И. А. Бунина, представленной в книге «Под открытым небом», для удобства анализа можно условно разделить на время года, время суток, прошлое и настоящее, мгновение и вечность.

Первая категория календарного времени представлена в композиции сборника тем, что стихотворения сгруппированы автором по принципу перехода от одного времени года к другому: от осени через зиму к весне и лету, и вновь – к осени и зиме. Автор использует циклическую композицию, чтобы передать бесконечное движение времени, вечную

мудрую природную повторяемость жизни. Однако повторяемость не означает рутинность: для И. Бунина каждый сезон неповторим.

Образ осени рисует поэт в стихах «Вечерняя молитва», «Начало осени», «Лес в сентябре», «Октябрьский рассвет», «На хуторе», «Осенняя ночь». Уже сами эти названия указывают на то, что осень в восприятии Бунина неоднозначна. Так, в стихотворении «Начало осени» явно слышатся отзвуки тютчевского «Есть в осени первоначальной...»:

*За днями серыми и тёмными ночами
Настала светлая прощальная пора.
Спокойно дремлет день над тихими полями,
И веют прелестью раздумий вечера* (Бунин, с. 41).

Поэт подмечает и неподвижность природы («*Глубоко степь молчит – ни звука, ни движенья...*» (Там же) и прозрачность воздуха, и «*ярким золотом пылающий костёр*» (Там же) леса... Интересно, что кроме ярких эпитетов автор использует выразительные сравнения, как бы помогая читателю лучше представить себе красоту осени: опадающие листья берез автор сравнивает с бабочками, «*узоры туч*» с «*прозрачною фатою*» (Там же). Частотной в рассматриваемом сборнике является и метафора «костёр леса» (можно обнаружить ее, например, в стихотворении «Лес в сентябре»): создавая устойчивые образы, поэт словно пытается нарисовать узнаваемый ребенком образ русской природы.

Это мир полнокровный, живой, он дышит, двигается, пахнет, звучит. Так, в стихотворении «Лес в сентябре» читатель-ребенок может услышать, как «*гудят*» верхушки деревьев, качаясь на ветру; почувствовать, как «*крепко пахнет дымком от костра*» и «*поблекшей травой*» (Бунин, с. 43).

В октябре блекнут краски («*сонный туман на лугах серебрится*», «*чёрный камыш отсырел*» (Бунин, с. 44), становится холодней («*сумрак озябшего сада*», «*льётся со степи волнами прохлады*» (Там же)). В ноябре холод усиливается:

*...Ноябрь идёт,
Пруд застывает – и с плотин
Листва поблекшая лозин
Уныло сыплется на лёд* (Бунин, с. 45).

Лирический герой признается в непроходящей любви к родине в стихотворении «На хуторе»: даже таким серым, проникнутым «*грустною*

красой» он любит *«невесёлый край родной»* и сравнивает его с *«другом юности далёкой»*, с которым ему будет легче пережить зиму.

Поэтические тексты о зиме в начале сборника открываются стихотворением «В феврале», где изображен конец зимы, а в финале продолжаются произведениями «Первый снег», «Звёзды», «Мать», «На родине».

В первом названном выше тексте Бунин изображает переход от зимы к весне: *«Сдаётся, наконец, седым ветрам февраль, / И потемнел в лощинах снег наносный»*. В конце зимы лирический герой преисполнен ожиданием весны, он сравнивает первую с тюрьмой (*«Жду, как в тюрьме, давно желанной воли»*). Интересно, что в стихотворении «Первый снег» приход зимы порождает в герое детские воспоминания, в которых лето является спасением, не только от холодов, но и от болезни: мать предлагает вспомнить хворающему сыну *«тихий шёпот леса»* и *«полдневный летний зной»* (Бунин, с. 53), и эта мечта-сон спасает от вьюги и зимней хандры:

*Вместе с тихим сном сливалось
Убаюкиванье грёз –
Шёпот зреющих колосьев
И невнятный шум берёз...* (Бунин, с. 54).

Зима в сборнике И. Бунина – это бушующие метели, *«бешеный ветер»* (Бунин, с. 57), *«немая жуткая тишина»* (Бунин, с. 55), *«стынувшая цепенеющая земля»* (Бунин, с. 55) и воспоминания... Последние в «зимних стихах» чаще всего связаны с образом матери («Первый снег», «Мать»), словно в стужу мысли о ней, о ее любви и тепле родного дома особенно согревают лирического героя.

Тексты о весне – это «Весенняя сказка», «Бушуют полая вода», «Три ночи», «Христос воскрес! – Опять...», «Догорал апрельский светлый вечер...». В первом стихотворении использованы фольклорные аллегии: Бунин повествует о том, как Апрель-красавец пробуждает сказочную Весну, до поры спящую *«в белоснежном саркофаге»* (Бунин, с. 9). При описании весны самым частотным у поэта является прием олицетворения: *«Весна, весна! И всё ей радо...»*; *«А ветер, мягкий и сырой, / Глаза тихонько закрывает...»* (Бунин, с. 12); *«А Весна в зазеленевшей роще / Ждёт зари, дыханье затая»* (Бунин, с. 20). Так автор пытается передать

возрождение жизни весной, что соответствует традиционным фольклорным представлениям.

Триптих «Три ночи» по-особому актуализирует мотив движения времени. словно пытаюсь остановить мгновение, лирический герой описывает, как за три ночи приходит весна. Неслучайно, видимо, автор акцентирует внимание на ночи: она самое таинственное время суток, и приход весны – тоже чудо.

«Летние» тексты сборника – «После дождя», «На пруде», «В поезде», «На просёлке», «Соловьи», «Не пугай меня грозой», «В Крыму», «В темнеющих полях, как...», «Перед зарёй», «Летнее утро» – наиболее разнообразны. В них, как и в стихах об осени, много звуковых, цветовых, тактильных и кинетических образов: «Тепло и влажный блеск» (Бунин, с. 21), «запахли мёдом ржи» (Там же), «ветер приносит с полей аромат» (Бунин, с. 23), «пахнет черёмухой» (Там же), «туман лёг нежной фатой» (Там же). В этом живом полнокровном мире особенно слышно птичье пение: «беспечно иволги болтают» (Бунин, с. 22), ласточки «на лету... звонко поют» (Бунин, с. 24), «Лились и в чащах отдавались/ Всё ярче песни соловьёв» (Бунин, с. 32), «В лазури жаворонки реют/ Поют про степь наперебой» (Бунин, с. 39). Кроме того, пространство «летних» стихов часто расширено: лирический герой видит его либо с высоты птичьего полета («На пруде»), либо из окна несущегося поезда («В поезде»), либо с просторов поля («На просёлке»). Он словно стремится охватить большую часть прекрасного мира летом, зафиксировать его, чтобы потом вспоминать зимой.

Кроме того, в «летних» стихах заметны традиции предшествующей литературы: умиротворение, которое чувствует лирический герой в стихотворении «На просёлке» созвучно ощущениям, переданным в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» («Элегия»). Душистый ветерок в зеленеющих полях «вливает отраду» в грудь лирического героя и «свевает с души тревоги» (Бунин, с. 29). В стихотворении «Не пугай меня грозой» герой признается, что летом, особенно полно чувствуя жизнь, он боится, что «она пройдет/ И без горя, и без счастья, / В суетах дневных забот / Что увянут жизни силы / Без борьбы и без труда» (Бунин, с. 33). Лето вдохновляет лирического героя на жизнь.

Такой своеобразной вечной метафорой жизни является в сборнике образ моря, возникающий в стоящих особняком стихотворениях «Из В. Чайченко», «В океане», «Северное море». Бушующее и бурное, оно влечет героя, так как является символом самого бытия, неукротимого и вечного.

Мотив вечности вводится в сборник «Под открытым небом» с помощью христианских мотивов, органично соединенных с пейзажем. В начало книги И. Бунин помещает стихотворение «Вечерняя молитва», состоящее из четырех самостоятельных частей. В первой части лирический герой наблюдает приход вечера: солнце прощается с землей, которая погружается в «*сумрак ночной*». Во второй части наблюдается образ леса, в котором «*поднимается последний смутный гул*», сливающийся в «*торжественные хоры*». Третья часть – молитва природного мира, обращенная к Господу. Деревья благодарят Бога за красоту «*светлых*» и «*огнистых*» зорь, за свою собственную «*благоухающую*» жизнь, за покой. В четвертой части «*смолкает весь мир*»: гаснет заря, а песня-молитва природы летит ввысь, через звезды к «*Божьему престолу*» (Бунин, с. 6).

Другим примером ассоциативного использования мотива вечности является стихотворение «Христос воскрес! Опять с зарёю», которое располагается после поэтического текста «В Гефсиманском саду». Праздник Светлой Пасхи, на который указывает художественное время произведений – символ радости возрождения, победы над смертью – в художественном мире стихотворений соединяется с образами весны и утра: «*Опять зажгётся над землёю/ Для новой жизни новый день!*» (Бунин, с. 17). И вновь здесь присутствует образ расширяющейся выси, автор как бы связывает вечность и небеса: «*Они в выси пока сияют/ Недостижимой, как мечта, / Где голоса земли смолкают/ И непорочна красота*» (Бунин, с. 18). Интересно, что и в стихотворении «Вечерняя молитва», и в стихотворении «Христос воскрес! – Опять с зарёю...» центральным является образ солнечных лучей, зари, только в первом тексте – вечерней, а во втором – утренней. Солнечный свет для Бунина – своеобразный мост между Богом и человеком, небом и землей.

Таким образом, мотив движения времени в сборнике И. А. Бунина «Под открытым небом», предназначенном для детского чтения, является своеобразным связующим звеном, соединяющим различные элементы

художественной картины мира поэта: настоящее и прошлое (воспоминания о детстве и матери, современность и библейские времена); природу и человека, тепло и холод, жизнь (возрождение, весну, лето) и смерть (умирание, осень, зима); тайну (ночь) и понятный мир (утро), мгновение, выраженное в стремлении запечатлеть детали окружающего мира природы, и вечность... Бунин в своей лирике показывает ребенку живую, меняющуюся прекрасную жизнь, влюбляет юного читателя в мир, которым сам уже давно очарован.

Список источников примеров

1. Бунин И.А. Под открытым небом. М.: Детское время, 1898. 64 с.

С.А. Джанумов

Жанры русского фольклора в творчестве И.А. Бунина

В своём творчестве Бунин использовал почти все фольклорные жанры. Его влечёт к себе архаический фольклор, в своих стихах и прозе Бунин часто обращается к приметам, гаданиям, колдовству, заговорам, к календарно-обрядовой и семейно-обрядовой поэзии. Так, в стихотворении «Отрава» (1913) невестка прибегает к помощи колдуна, чтобы отравить свою «свекровь-госпожу»:

Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала,

Питьё на меду да на сладком корню развела (Бунин, с. 359).

В конце стихотворения героиня, чтобы отвести от себя подозрения в отравлении своей свекрови, прибегает к старинному обычаю голосить по покойнику, т.е. к народным причитаниям: «*Уж как же я буду за церковью выть, голосить!..*» (Бунин, с. 359).

Изображая в своей повести «Суходол» (1912) жизнь предков, столбовых дворян Хрущёвых, показывая былое очарование помещичьих усадеб и вместе с тем рисуя безотрадные картины современных «дворянских гнёзд», Бунин широко использует различные жанры восточнославянского фольклора – от древних легенд и преданий, в том числе легенды о святом Меркурии Смоленском, до русских и украинских

песен, народных пословиц и поговорок. В этом жанровом разнообразии устного народного творчества обращает на себя внимание устойчивый интерес писателя к магическому фольклору, к колдовству, старинным заговорам и заклинаниям.

Большое место в повести занимает образ «... колдуна из села Чермашного, знаменитого Клима Ерохина <...>, очень дельного хозяина и очень разумного, простого в речах обычно, но преобразавшегося в волхва возле болящих» (Бунин, с. 174–175), подробно изображается процесс исцеления барышни при помощи заклинаний, заговоров от тоски: «Тоска, тоска! – восклицал он (Клим. – С.Д.) с внезапной силой и грозной властью. – Ты иди, тоска, во тёмные леса, – там твои мяста! На море, на окяне, – бормотал он глухой зловещей скороговоркой, – на море, на окяне, на острове Буяне лежит сучница, на ей серая руница...» (Там же, с. 175).

Об интересе Бунина к народным заговорам свидетельствуют сделанные им примерно в 1911–1913 годах выписки из различных фольклорных сборников (Е.В. Барсова, П.Н. Рыбникова) и особенно из сборника «Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия». Вот как озаглавливает писатель одну из этих выписок – текст заговора свадебного дружки: «Уроки – заклинания от порчи, произносит дружка в бане, чтобы оберечь жениха». И далее Бунин приводит самый текст заговора, в котором, как и в повести «Суходол», встречаются те же заклинательные формулы (они, кстати, часто повторяются и в традиционных присказках народных волшебных сказок): «И лежиць на мыре, на кіане, на острове на Буяне бел латырь камень...» (орфография выписок Бунина. – С.Д.) [Бабореко, с. 402].

Нередки в творчестве Бунина обращения к календарно-обрядовой поэзии. Так, в стихотворении с характерным названием «Петров день» (1906) приводятся народные приметы («Жарко в небе солнце Божье / На Петров играет день, / До Ильи сулит бездожье, / Пыль, сухмень...») (Бунин, с. 265), изображаются обряды, поверья, связанные с солнцем, с мифологическими персонажами.

Всё изображённое в этом стихотворении Бунина этнографически точно и выполнено в полном соответствии с календарными обрядами Петрова дня, или «Петровками», как их ещё называют в некоторых местностях России. Народные приметы приводятся довольно часто в

рассказе «Антоновские яблоки» (1900). Размышляя о судьбах помещичьего дворянства в «Антоновских яблоках», где лирическое начало доминирует в повествовании, Бунин создаёт особое настроение за счёт широкого привлечения фольклора. А поскольку у народа свой календарь, то органично и естественно присутствие в рассказе народных примет: *«осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия»* (как отмечает сам Бунин в начале рассказа, праздник святого Лаврентия приходился на середину августа и сопровождался «тёплыми дождиками». – С. Д.) *вода тиха и дождик»* (Бунин, с. 179) (ср. у В.И. Даля: *«На Лаврентия смотрят в полдни на воду: коли тиха, то осень будет тихая, а зима без вьюг»* (Даль, с. 891); *«Много тенетника»* (как поясняет выше сам Бунин, слово «тенетник» означает паутину. – С.Д.) *на бабье лето – осень ядрёная»*... (Бунин, с. 179) (ср. у В.И. Даля: *«Много тенетника на бабье лето, к ясной осени и холодной зиме»* (Даль, с. 893). И, наконец, в начале второй главки рассказа ещё одна примета, определяющая тональность произведения: *«Ядрёная антоновка – к весёлому году»* (Бунин, с. 182).

Большое место уделяется в произведениях Бунина семейной обрядовой поэзии, в частности, свадебному и похоронному обрядам.

О старинном обычае заплетания косы невесте, косы, которая осознавалась как символ девичьей жизни, говорится в повести «Деревня» (1910): *«Носят дурновские бабы «рога» на голове: как только из-под венца, косы кладутся на макушке, покрываются платком и образуют нечто дикое, коровье»* (Бунин, с. 31).

В конце повести Бунин даже воспроизводит основные моменты свадебного обряда, сопровождаемые народными песнями, свадебными причитаниями и присловиями – от сватовства до свадебного пира. Причём весь обряд мы видим как бы глазами Кузьмы Красова, поскольку именно Кузьма является носителем близких и дорогих Бунину нравственных качеств.

В повести Бунина песни и причитания сопровождают поэтическую и эмоциональную часть свадебного обряда – девичник: *«...Домашка, хромая девка с тёмным, злым и умным лицом, <...> затянула грубым и сильным голосом старинную величальную песню:*

*Как у нас при вечеру-вечеру,
При последнем конце вечера,*

При Авдотьином девишнику...

Девки дружным и нестройным хором подхватили её последние слова – и все обернулись к невесте: она сидела, по обычаю, возле печки, неубранная, с головой накрытая тёмной шалью, и должна была ответить песне громким плачем и причитаниями: «Родный мой батюшка, родимая матушка, как мне век вековать, замужем горе горевать?». Но невеста молчала. И девки, кончив песню, недовольно покосились на неё. Потом пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запели сиротскую:

Растопися, банюшка,

Ты ударь, звонкий колокол!» (Бунин, с. 129).

Бунин этнографически точен в подборке песен и причитаний, исполнявшихся именно на девичнике. Ср., например, соответствующие строки в песне, записанной П.Н. Рыбниковым в Олонецкой губернии:

Растопись, моя банюшка,

Разгорись, сыра каменка! (Народные лирические песни, с. 268).

Как на традиционном девичнике, где перемежались песни и причитания, достигавшие особенного эмоционального накала к концу этой части свадебного обряда, так и в «Деревне» от эпизода к эпизоду (особенно в конце повести) чувствуется нагнетание драматизма. И это передаётся через соответствующее восприятие главными персонажами повести трагических мотивов песен и причитаний: *«И у Кузьмы задрожали крепко сжатые челюсти, пошёл мороз по голове и по голням, сладостно заломило скулы, и глаза налились, помутились слезами. Невеста завернулась в шаль и вдруг вся затряслась от рыданий.*

– Будя, девки! – крикнул кто–то.

Но девки не слушали:

Ты ударь, звонкий колокол,

Разбуди мово батюшку...

И невеста со стоном стала падать лицом на свои колени, на руки, захлёбываясь от слёз...» (Даль, с. 129).

Ярким контрастом к этим причитаниям невесты и девушек служит в повести сцена «выкупа» невесты, которую Бунин воспроизводит в точном соответствии с этой частью свадебного обряда.

Венчает описание свадебного обряда в «Деревне» исполнение популярнейшей величальной песни женой Ваньки Красного: *«Вьюга в*

сумерках была ещё страшнее. И домой гнали лошадей особенно шибко, и горластая жена Ваньки Красного стояла в передних санях, плясала, как шаман, махала платочком и орала на ветер, в буйную тёмную муть, в снег, летевший ей в губы и заглушавший её волчий голос:

У голубя, у сизого

Золотая голова!» (Даль, с. 132).

Тревожная атмосфера последних эпизодов повести передаётся через изображение пейзажа: вьюги, метели, буйного ветра, под аккомпанемент которых происходит свадебное действо.

В «Деревне» Бунина наряду со свадебными причитаниями встречаются и похоронные, которые также являются частью семейно-обрядовой поэзии.

Но если в «Деревне» передано только впечатление от похоронного причитания, то в рассказе «Худая трава» (1913) приводится целый фрагмент народного плача дочери по отцу. Умиравшему герою рассказа Аверкию в предсмертном бреду представляется *«...летний день, летний вечер в зелёных полях, косогор за селом и на нём – его могила... Кто это так звонко и так жутко кричит, причитает над нею?*

– Родимый ты мой батюшка, что ж ты себе сдумал, что ты над нами сделал? Кто ж будет нами печалиться, кто будет заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встретил, никто не приветил! Я, бывало, батюшка, иду мимо вас – ты меня встречаешь, ты меня привечаешь! Уж ты грянь, громушек, просветися, молонья, расступися, мать сыра-земля! Уж вы дуньте, ветры буйные, – вы раздуйте золотую гробову парчу, распахните мово батюшку!

«Ах, это дочь!» – подумал Аверкий с радостью, с нежностью, с затрепетавшей в груди сладкой надеждой на что-то...» (Даль, с. 150).

В этом рассказе Бунина народный плач способствует воссозданию русского национального характера, воспринимается не трагически, а просветлённо, с тихой печалью. Прощающийся с жизнью Аверкий не боится смерти и, чувствуя её приближение, подчиняясь общему для людей и природы закону, умирает так же «неслышно», как никнет и увядает старая трава в поле, чтобы дать место новой, молодой, свежей. И эта концовка проясняет для читателя и смысл названия рассказа, и значение

народной пословицы, предпосланной к произведению в качестве эпитафии: «Худая трава из поля вон!» (Там же, с. 131).

В произведениях Бунина и многие другие жанры фольклора – былины, сказки, народные песни, пословицы и поговорки, частушки – используются творчески, широко и разнообразно, с глубоким проникновением в мир народной поэзии. Но это может служить предметом и материалом уже последующих исследований.

Библиографический список

1. Фольклорные записи <И.А. Бунина>. Публикация А.К. Бабореко. Предисловие и примечания Э.В. Померанцевой // «Иван Бунин». Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 399–418.

Список источников примеров

1. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9-ти т. / Под общей редакцией А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965–1967 (в тексте статьи после цитат из произведений Бунина в квадратных скобках римскими цифрами обозначен том этого издания).
2. Народные лирические песни. Вступит. статья, подготовка текста и примечания В.Я. Проппа. Л.: Сов. писатель, 1961. 610 с.
3. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. 991 с.

М.В. Дорофеева

Средства передачи деонтической модальности в переводах на английский язык рассказа И. А. Бунина «Муза»

Модальность как языковая универсалия и один из ключевых элементов коммуникации представляет собой предмет пристального внимания со стороны ученых-языковедов. Лингвистический энциклопедический словарь определяет её как «функционально-

семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [ЛЭС, с. 303]. Многоаспектностью данной языковой категории обусловлено существование множества подходов к ее исследованию, что в свою очередь привело к появлению разветвленной типологии модальности. Существует, например, классификация, разработанная Г. А. Золотовой. Она выделяет три так называемых модальных плана: 1) реальность / ирреальность отношения предикативного признака к действительности; 2) отношение говорящего к высказываемому; 3) отношения волюнтативного характера между носителем признака и предикативным признаком [Золотова, с. 175]. Многие исследователи в попытке классифицировать языковую модальность опираются на модальную логику, заимствуя в тех или иных объемах ее терминологию и трактовки. К числу заимствований из сферы модальной логики относится и понятие деонтической модальности, которое имеет весьма неоднородные толкования. Так, британский лингвист Ф. Палмер определяет данный вид модальности как компонент событийной модальности через его типологические категории, к которым он относит пермиссивы, облигативы и комиссивы, т.е. речевые акты, выражающие разрешение, наложение обязательства на собеседника или третье лицо и, соответственно, прием говорящим обязательства на себя самого [Palmer, p. 10]. В некоторых русскоязычных научных источниках высказывание с деонтической модальностью определяется как «имеющее характер побуждения к действию» [Липина, с. 86] или «предписания» [Мухтаруллина, с. 1050]. Сама по себе деонтическая модальность как вид субъективной модальности может быть представлена в соответствии с критерием функциональной перспективы двумя подгруппами. К первой можно отнести высказывания, функциональная перспектива которых носит личный характер (просьбы, советы, напутствия, приказы, мольба и т.д.). Ко второй подгруппе следует отнести высказывания, в которых источником деонтической модальности является не автор высказывания, а другие лица или социальные договоры. Сюда могут быть отнесены неличные приказы, призывы, морально-этические правила и др. А. Р. Мухтаруллина, ссылаясь на диссертацию Г. А. Баранова «Функционально-прагматическая концепция текста», обозначает высказывания первой

группы как «персональные», а второй как «директивные». [Мухтаруллина, там же]. В дальнейшем будем придерживаться именно данного, двойственного, толкования деонтической модальности.

В рассказе И. А. Бунина «Муза» (1938), рассматриваемом в данной статье, большая часть высказываний, модальность которых носит деонтический характер, относится к первой группе и представляет собой непосредственно побуждение в рамках диалога одним участником акта коммуникации другого к совершению желаемого действия, т.е. просьбу, совет, наставление или приказ, выраженные в тексте оригинала с помощью повелительного наклонения глаголов. В английских переводах, соответственно, деонтический смысл таких высказываний передается с помощью повелительного наклонения, например¹:

Ах, это вы... <i>Входите, входите, пожалуйста...</i> (Бунин, с. 579)	Oh, it's you... <i>Come in, come in please.</i> (Shartse, p. 220)	Ah, it's you... <i>Come in, come in, please do...</i> (Scott, p. 101)	Oh, it's you... <i>Come in, please, come in...</i> (Dugdale, p. 28)
--	---	---	---

Модальность характеризует обычно все высказывание целиком, что обуславливает для переводчиков возможность прибегнуть к значительным трансформациям образующих его лексико-грамматических элементов с целью адекватной передачи функционально-семантического назначения высказывания. Так, например, фразеологический оборот «милости прошу», обозначающий приглашение в гости [БАСРЯ, 2008, с.189], а значит, содержащий в себе деонтическую семантику, в одном из переводов был передан с помощью глагола в повелительном наклонении в сопровождении «please», придающего всему высказыванию характер вежливой просьбы, а в другом был использован восклицательный оборот, подходящий к представляемой ситуации с точки зрения этикета:

Очень польщен, <i>милости прошу.</i> (Бунин, с. 576)	I'm very flattered, <i>come in please.</i> (Shartse, p. 216)	I'm very flattered. <i>Welcome.</i> (Scott, p. 96)	I'm very flattered. (Dugdale, p. 21)
--	--	--	---

¹ Ссылки на источники примеров для переводных изданий приведены по фамилиям переводчиков.

Соответственно, фразы-шаблоны, являющиеся, по сути, служебными элементами речи, могут в процессе перевода утратить или изменить свои модальные свойства. Так, например, в примере ниже вводный оборот «представьте себе», формально представляющий собой побуждение к действию, а на самом деле имеющий своей целью стремление подчеркнуть необычность сообщаемого собеседнику факта [БАСРЯ, 2011, с. 597], во всех трех переводах был заменен вопросительной фразой, формально уточняющей способность собеседника совершить определенное действие, что по классификации Палмера приближает модальность высказывания к динамическому виду. Тем не менее, в представленной коммуникативной ситуации целью данной фразы является выражение удивления, которое говорящий испытывает по отношению к смысловому содержанию сообщения [СҮІ], а значит изменение модальности в данном конкретном случае не снижает адекватность перевода.

<i>Представьте себе, Муза куда-то исчезла...</i> (Бунин, с. 579)	<i>Can you imagine, Muse has disappeared somewhere...</i> (Shartse, p. 220)	<i>Can you imagine? Muza's vanished somewhere...</i> (Scott, p. 102)	<i>Musa's vanished, can you believe it?</i> (Dugdale, p. 28)
---	--	---	---

В рассказе обнаруживаются также примеры присущего деонтической модальности компонента долженствования, которые в рамках текста художественного произведения сложно с однозначной уверенностью отнести к группе персональных или же директивных деонтических высказываний. Можно предположить, что в приведенном ниже примере высказывание является директивным, так как апеллирует к некоторым этическим нормам поведения, принятым в социальном кругу говорящего:

Только <i>должен предупредить</i> , что слухи, дошедшие до вас, вряд ли правильны (Бунин, с. 576)	<i>Only I must warn you that what you heard about me is hardly true</i> (Shartse, p. 216)	<i>Only I must warn you that what you've heard about me is hardly true.</i> (Scott, p. 96)	<i>But I must warn you that the rumours you have heard are hardly true</i> (Dugdale, p. 21)
--	--	---	--

Тот факт, что во всех переводах для отражения краткого прилагательного с модальным значением «должен» используется

модальный глагол «must», свидетельствует об устойчивости семантической аналогии лексических единиц русского и английского языков, выражающих высокую степень долженствования.

Большее разнообразие переводческих интерпретаций наблюдается в следующем случае:

– Ну вот, – сказала она как будто облегченно. Больше пока ничего нельзя. Послезавтра. (Бунин, с. 577)	"Well, then," she said with something like relief. "Can't do more now. The day after tomorrow." (Shartse, p. 217)	"Well, then," she said as if relieved. "No more for now. The day after tomorrow." (Scott, p. 98)	'There,' she said, as if relieved. 'Nothing more now. The day after tomorrow.' (Dugdale, p. 23)
---	---	--	---

В тексте рассказа высказывание имеет деонтическую окраску, хотя нельзя однозначно утверждать, являются источником запрета личные убеждения героини или нормы общественной морали. Переводческое решение, предлагаемое М. Скоттом и С. Дагдейл, можно рассматривать и как имплицитное выражение запрета, и как простую констатацию факта того, что больше в рамках данной встречи между героем и героиней ничего не произойдет. Иначе говоря, деонтический компонент модальности в данных вариантах перевода либо ослаблен, либо вовсе отсутствует. Более близким к оригиналу в данном случае представляется вариант перевода О. Шартце, хотя и он допускает двойственность толкования: из-за смысловой многозначности английского модального глагола «can» эта фраза может быть истолкована и как запрет, и как сообщение героини о невозможности совершения дальнейших действий ввиду дополнительных факторов, например, нехватки времени или физического недомогания, что задает высказыванию уже упомянутую выше модальность динамического вида.

Еще один случай реализации разных подходов к переводу высказывания с имплицитной деонтической модальностью наблюдается в следующем примере:

– Вы со мной говорите уже на «вы», –	Gaspings, I said: "In my presence, at least, you don't	"You're already talking to me as if we were	'You're so cold towards me,' I said, struggling to
--------------------------------------	--	---	--

задыхаясь, казал я, – вы могли бы хоть при мне не говорить с ним на «ты».	<i>have to speak to him in that intimate manner."</i>	strangers," I said, gasping for air. "You could at least not be so intimate with him when I'm here."	breathe. 'Could you not be less familiar with him, at least in front of me?'
(Бунин, с. 579)	(Shartse, p. 221)	(Scott, p. 102)	(Dugdale, p. 29)

Данное высказывание носит характер просьбы с дополнительным указанием на отклонение от нормы представляемого в тексте поведения собеседника. Говорящий просит своего партнера по коммуникации привести свою речь в соответствие с существующими правилами, регулирующими употребление в личных отношениях местоимений «ты» и «вы» (что представляет проблему для переводчиков на английский язык, так как в данном языке эта дихотомия у местоимения второго лица единственного числа отсутствует). Деонтический компонент модальности формируется здесь контекстом экстралингвистической ситуации, в которой порождается данное высказывание, а не за счет семантики его компонентов. В то время, как в переводе М. Скотта сохраняется лексико-грамматическое наполнение предиката и интонационный вид предложения, С. Дагдейл эксплицирует в своем переводе просьбу посредством использования вопросительной формы. О. Шартце, в свою очередь, использует отрицательную форму глагола «have» с модальным значением долженствования, эксплицируя таким образом деонтическую семантику высказывания. Все три варианта перевода верно отражают смысл высказывания и могут быть признаны адекватными в контексте перевода рассказа как структуры, элементы которой связаны в единое целое на всех языковых уровнях.

В заключение необходимо подчеркнуть, что модальность как языковая универсалия, напрямую связанная с восприятием окружающего мира, имеет важное значение для исследований как в области лингвистики, так и в сфере межкультурной коммуникации. Художественный текст и его переводы на иностранные языки представляют большой интерес для исследований такого рода, так как позволяют оценить лингвистическую реализацию одной и той же коммуникативной ситуации средствами разных языков. Особенно высоким потенциалом обладают произведения-

оригиналы, имеющие не один, а несколько переводов на один и тот же язык – такие, например, как рассказ И. А. Бунина «Муза». На основе рассмотренного материала можно сделать вывод о том, что передача высказываний, обладающих деонтической модальностью, на английский язык не вызывает у переводчиков затруднений даже в тех случаях, когда семантика долженствования не эксплицирована лексико-грамматическими средствами, а формируется за счет контекста повествования, что свидетельствует о том, что перевод осуществляется на уровне текста. Определенную сложность представило для переводчиков безличное высказывание с эксплицитным значением запрета «нельзя». В ситуации, когда текст оригинала не указывает однозначно на то, кто является источником запрета, а кто – реципиентом, переводчики предпочли своеобразное смысловое развитие высказывания – вместо констатации запрета на передний план в переводе выходит логическое следствие реализации этого запрета («действие запрещено» – «действие не произойдет / не может произойти»), что приводит к ослаблению деонтического характера его модальности.

Библиографический список

1. *Баранов Г.А.* Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1993. 182 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 10. Москва: Наука, 2008. 571 с.
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 19. Москва: Наука, 2011. 706 с.
4. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва: Наука, 1982. 366 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. 707 с.
6. *Липина Ю.А.* Средства выражения деонтической модальности в коммуникативных ситуациях долженствования, разрешения и запрета (на материале английского подъязыка таможенной деятельности) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 3 (24). С. 86–90.

7. *Мухтаруллина А.Р.* Деонтическая модальность в англоязычном художественном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2011. № 3-1. Т. 16. С. 1049–1051.
8. Can you imagine – Idioms by the Free Dictionary. URL: idioms.thefreedictionary.com/can+you+imagine – 113 b.
9. *Palmer F.R.* Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 236 p.

Список источников примеров

1. *Бунин, И. А.* Муза // Избранные сочинения. Москва: Художественная литература, 1984. С. 575-579.
2. *Bunin, I.* Musa // Moscow Tales. Transl. by S. Dugdale. Oxford: Oxford University Press. P. 19-29.
3. *Bunin, I.* Muse // Light Breathing and Other Stories. Transl. by O. Shartse. Moscow: Raduga Publishers, 1988. P. 215-221.
4. *Bunin, I.* Muza // Wolves & Other Love Stories. Transl. by M. Scott. Santa Barbara: Capra Press, 1989. P. 95-102.

Д.Н. Ишенина

Прижизненные издания переводов И.А. Бунина в фонде Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова

В фонде Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова (АОНБ имени Н.А.Добролюбова) имеется немало прижизненных изданий И.А.Бунина, среди них – издания переводов Д.Г. Байрона и Г.У. Лонгфелло, за которые Иван Алексеевич в свое время был дважды удостоен Пушкинской премии (в 1903 и в 1909 гг.). Данные переводы имеются в фонде библиотеки в нескольких экземплярах, что позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

Начнем с «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло. Бунинский перевод этого произведения стал классическим, считается непревзойденным шедевром и переиздается до сих пор. В фонде АОНБ имени Н.А.

Добролюбова имеются следующие издания «Песни о Гайавате», вышедшие при жизни Бунина: 1899, 1918, 1935 и 1941 гг.

Как известно, «Песнь о Гайавате» была впервые издана в 1896 г. Затем она переиздавалась в 1898, 1899, 1903 – и все это время Бунин продолжал работать над текстом своего перевода, а это значит, тексты всех изданий отличаются друг от друга. Окончательный вид поэма приобретает к 1903 г., когда М. Горький издает ее в издательстве «Знание». Именно за этот перевод Бунин получает свою первую Пушкинскую премию. С этого времени он перестает совершенствовать свой перевод. Все дальнейшие многочисленные переиздания перевода «Гайаваты» в последующие годы изменений в тексте не содержат.

На обложке и титульном листе издания 1918 г. имеется указание на то, что публикуемый перевод удостоен премии имени А.С. Пушкина, присуждаемой Академией наук. Это свидетельствует о том, что данный текст является перепечаткой перевода 1903 г., а значит, текст в издании 1899 г. должен отличаться от текстов остальных имеющихся в библиотеке изданий. И это на самом деле так.

Основное отличие вышеупомянутого издания – исчезновение сносок. Бунин больше не дает переводы индейских слов внизу страницы, в сносках, он придумал, как включить перевод прямо в текст строки. Индейский колорит и звуковая выразительность слова при этом сохраняются, но делается соответствующее переводческое пояснение: *«Шлет к нам ласточку, шлет Шошо, / Шлет Овейсу, трясогузку, / Опечи шлет, реполова, / Гуся, Ваву, шлет на север...»* (Лонгфелло, с. 15). Очевидно, что такой текст воспринимать гораздо легче, он более плавный и поэтичный, читателю не приходится прерываться от чтения и смотреть в сноски.

Значения индейских слов переводчик еще раз дает в «Словаре индейских слов, встречающихся в поэме», который размещен после текста самой поэмы. Его составил сам Бунин. В издании 1899 года такого словаря еще нет, он появляется в издании 1918 года (однако в библиотечном экземпляре листы со словарем утрачены), сохраняется в изданиях 1935 и 1941 гг.

Издания 1935 и 1941 гг. в принципе очень похожи между собой: предназначены для детей, содержат множество иллюстраций, часто

расположенных на одних и тех же листах. Это небольшие иллюстрации прямо в тексте, их автор – американский художник Фредерик Ремингтон (1861-1909), известный своими произведениями на тему Дикого Запада.

В издании Сабашниковых (1918 г.) иллюстрации отсутствуют, а вот в издании 1899 года имеются иллюстрации того же Ремингтона, однако они совсем иначе использованы в оформлении книги. На титульном листе читаем: «С портретом автора, рисунками в тексте и семью отдельными автотипиями американского художника Фр. Ремингтона, исполненными Ангерером и Гешль в Вене» (Лонгфелло, 1899, I). К сожалению, в обнаруженном нами библиотечном экземпляре ни портрет автора, ни отдельные автотипии не сохранились.

Несмотря на то, что дефектность, из четырех имеющихся в АОНБ имени Н.А. Добролюбова прижизненных изданий бунинского перевода «Песни о Гайавате» именно издание 1899 года представляет, на наш взгляд, наибольший интерес для исследователей.

Во-первых, это хронологически самое раннее издание, во-вторых, оно раньше других попало в фонд библиотеки: на титульном листе имеется штампель «Читальный зал краевой научной библиотеки» (название библиотеки в 1931-1936 гг.), а на одной из страниц – штампель Архангельской публичной библиотеки (название библиотеки до 1920 года), т.е. эта книга попала в фонд до 1920 г., еще до бунинской эмиграции.

Но есть и третий момент: в книге сохранилась масса читательских помет. И это не только рисунки, это полноценные отзывы и даже, можно сказать, диалог как минимум двух читателей. Судя по тому, что некоторые комментарии написаны по правилам старой орфографии, эти читатели еще и общаются из разных времен. Первый писал фиолетовым карандашом и был довольно сдержан, а второй, использовавший простой карандаш, не стесняясь в выражениях комментировал мнение первого.

Первый комментатор: «*Гайавата есть чистая поэзия. П. Морин (?)*»; «*Нет! в «Гайавате» много реализма. Л. Снаф...на* » (один почерк; фиолетовый карандаш; с. 119).

На другой странице первый комментатор отмечает: «*А мне «Песнь о Гайавате» не нравится. Л.В.*» (фиолетовый карандаш; с. VII). Тут же следует пометка второго комментатора: «*потому что ты кретин и идиот*» (простой карандаш; с. VII).

В конце книги те же читатели высказываются более развернуто: *«Перевод Бунина ни к черту не годится. Его перевод трудно понять. И он, кроме того, чрезвычайно трудно читается»*; *«- такими глупцами и идиотами (подчеркнуто), как писавший предыдущее. По-моему, наоборот книга очень интересная и весьма понятная. С.Л.»* (разные почерки; фиолетовый и простой карандаш; с. 197).

Таким образом, указанный выше экземпляр «Песни о Гайавате» становится источником для изучения истории бытования книги и истории читателей.

Далее обратимся к бунинским переводам Байрона. В фонде АОНБ имени Н.А. Добролюбова хранятся три прижизненных издания поэм Байрона в переводах Бунина, и каждое из них по-своему интересно.

Первая книга представляет собой издание драматической поэмы «Манфред», выпущенное в 1904 году товариществом «Знание» в Санкт-Петербурге. Данное издание имеется в библиотеке в двух экземплярах, но они так сильно отличаются друг от друга, что выглядят, как две разные книги. Причина кроется, видимо, в том, что они по-разному переплетены: один экземпляр был переплетен в библиотеке в 70-80-е гг. XX в., на переднюю крышку переплета наклеен фрагмент издательской обложки. Другой экземпляр изначально издательской обложки не имел и был переплетен, видимо, вскоре после выхода из печати в Переплетной мастерской Г. Макаровича в Соломбале, о чем сообщает штемпель на форзаце. Штемпель на титульном листе принадлежит Читальне общества трезвости.

Как показывают штемпели на титулах обеих книг («Северная краевая научная библиотека»), в 1931-1936 гг. оба экземпляра «Манфреда» уже находились в фонде архангельской библиотеки. Экземпляр, переплетенный в советское время, существовал в фонде библиотеки и раньше, о чем свидетельствует зачеркнутый штемпель «Архангельская губернская публичная библиотека» (название библиотеки в 1920–1922 гг.). До этого книга принадлежала библиотеке Архангельского губернского статистического комитета, о чем свидетельствует штемпель «А.С.К. Секретариат. Библиотека».

Таким образом, изучение прижизненных изданий переводов И.А. Бунина в фонде АОНБ им. Н.А. Добролюбова наглядно демонстрирует,

сколь велика роль печатей и штемпелей при изучении бытования редких книг и книжных памятников в нашей культуре.

В 1922 г. бунинские переводы драматической поэмы «Манфред» и мистерии «Каин» были изданы в серии «Всемирная литература». Эти издания – словно прощание с уходящей Россией, с культурой рубежа XIX–XX вв. а, может быть, и с иллюзиями построения новой, более справедливой жизни.

В 1921 году один из редакторов книги переводов Гумилев уже расстрелян. Не помогли ходатайства и заступничество Горького. Да и сам Горький, инициатор и главный организатор создания издательства «Всемирная литература», в октябре 1921 года на семь лет уезжает из Советского Союза. Переводчик Бунин в 1922 году уже два года, как находится в эмиграции. А книга в 1922 году все-таки выходит, при этом имена Бунина и Гумилева указаны и на титульном листе, и в оглавлении.

Интересно отметить, что и в фонд библиотеки данное издание книги попало довольно быстро. Об этом можно судить по тому, что на титуле можно видеть штампель «Дом книги имени Ломоносова». Именно так библиотека называлась всего четыре года, с 1925 по 1929. Тот же штампель можно обнаружить на издании перевода «Каина» 1929 г. Драма Байрона напечатана издательством общества «Безбожник» в серии «Художественная антирелигиозная библиотека». Отсюда можно сделать вывод о том, что перед нами не просто издание сочинения Байрона в переводе Бунина, а практически идеологическое оружие! Недаром когда-то книга принадлежала Дому партийного просвещения (один из его штемпелей – на титульном листе; «Дом партийного Просвещения. Архангельский Горрайком В.К.П. (б)»). При этом имени Бунина как переводчика обнаружить на издании 1929 году невозможно. В этом году Бунин уже девять лет как находится в эмиграции, а отношение к писателям-эмигрантам в Советском Союзе в то время становится все хуже и хуже. «Изгой», «гнилые европейцы», «живые мертвецы», – только так советская критика именовала тогда тех, кто предпочел покинуть Россию [Кодзис, с. 76].

Пожалуй, больше всего удивляет тот факт, что в изданиях «Песни о Гайавате» 1935 и 1941 гг. имя Бунина-переводчика на титульном листе все же было указано. Редакционная политика советских издателей требует

отдельного рассмотрения, целью данной статьи была лишь первоначальная фиксация любопытных фактов о прижизненных изданиях переводов Бунина из фонда АОНБ им. Добролюбова. Работа над их изучением может быть продолжена. И очевидно, что она коснется не только истории библиотеки. Рассмотренные издания книг, связанные с именем Ивана Бунина, являются ценным источником для изучения книжной культуры Архангельска в целом, позволяют анализировать читательский репертуар различных городских организаций, а также вносят вклад в исследование читательской культуры архангелогородцев начала XX в.

Библиографический список

1. *Кодзис Б.* Русская литература эмиграции и метрополии: связи и взаимовосприятие в 20-30-х годах // *Еуропа Orientalis*. 22 (2003): 2. С. 71–85.
2. Первая публичная библиотека на Севере: к 175-летию Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова / Гос. учреждение культуры «Арханг. обл. научн. б-ка им. Н. А. Добролюбова»; [редкол.: О.Г. Степина и др.]. Архангельск: Арханг. обл. научн. б-ка им. Н.А. Добролюбова, 2008. 324 с.

Список источников примеров

1. *Байрон Д. Г.* Драмы / Пер. И. А. Бунина, Н. А. Брянского; вступ. ст. В. М. Жирмунского и А. А. Смирнова. Петербург; Москва: Госиздат, 1922. 347 с.
2. *Байрон Д. Г.* Каин / [Пер. И. А. Бунина]; Обложка: И. К[езеньян]; Предисловие: П. С. Коган. Москва: Безбожник, 1929. 93 с.
3. *Байрон Д.Г.* Манфред: драматическая поэма / Пер. с англ. И. А. Бунина. Санкт-Петербург: Знание, 1904. 70 с.
4. *Лонгфелло Г.У.* Песнь о Гайавате / Пер. с англ. И. А. Бунина. Москва: Книжное дело, 1899. VII, 197 с.
5. *Лонгфелло Г.У.* Песнь о Гайавате / Пер. И. А. Бунина, удостоенный акад. наук премии имени А. С. Пушкина. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1918. 190 с.

6. Лонгфелло Г. У. Песнь о Гайавате / Пер. И. А. Бунина; [рис. амер. худож. Ремингтона. 4-е изд. Ленинград]: Гос. изд-во дет. лит., Ленингр. отд-е, 1935. 173 с.

7. Лонгфелло Г. У. Песнь о Гайавате / Пер. И. А. Бунина; [ил. Ремингтона]. Москва; Ленинград: Детиздат, 1941. 180 с.

О. А. Ковырина

Образ дома в автобиографической прозе И.А. Бунина и

М.М. Пришвина

Для романов И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М.М. Пришвина «Кашеева цепь» с их ярко выраженным автобиографическим началом образ дома имеет особое значение. Исследователь Г.П. Климова подчеркивает принципиальную важность этого образа для осознания своеобразия художественного мира писателей: «Дом, понимаемый как Вселенная, существовал еще в народном творчестве. Но в литературе XX века единство и многообразие дома-Вселенной впервые так целостно и художественно совершенно показали Бунин и Пришвин» [Климова, с. 5]. Для юных героев родительский дом, в котором они формируются как личности, становится центром макрокосмоса. Идеальный образ дома, каким они его видят, включает в себя жизнь природы, социально-культурную, семейную сферу земного человеческого бытия.

Дом выступает в роли пространственно-временного континуума, который, как в зеркале, отражает внешний мир. Так возникает хутор Бутырки Елецкого уезда (Каменка) у Бунина и имение Хрущево Елецкого уезда у Пришвина. Основное состояние дореволюционной жизни на макро- и микроуровне характеризуется упорядоченностью, ритмичностью, размеренностью, согласованностью, то есть теми измерениями, которые обеспечивают лад и гармонию, дарят героям ощущение полноты бытия. В изображении Пришвина настолько прочны основания налаженного быта, в том числе и домашнего, что даже смерть государя Александра III не нарушает его привычного ритма: «Царь умер. Будто что-то упало в тихую воду: поверхность заволновалась, а в глубине по-прежнему плавали рыбы и думали о своих червячках» (Пришвин, 1982, с. 214). Человек

оказывается как бы в «середине» жизни, в ее общем потоке, он надежно защищен от внешних разрушительных воздействий.

Дом в автобиографических романах «Жизнь Арсеньева» и «Кашеева цепь» – это не только его физическая материальность и конкретность. Он означает отдельность и суверенность личности, ее защищенность от внешних деструктивных воздействий. Дом в изображении писателей олицетворяет родовую жизнь, основанную на традициях, привычном укладе, заведенном порядке. Он имеет набор традиционных характеристик: это замкнутое, отгороженное от внешнего мира «свое» пространство, символизирующее покой, безопасность, уют, благополучие и согласие в семье, достаток.

Пришвин с благоговением относится к дому детства. В романе «Кашеева цепь» он снова возрождает близкий сердцу образ: *«Мне выпала доля родиться в усадьбе с двумя белыми каменными столбами вместо ворот, с прудом перед усадьбой и за прудом – уходящими в бесконечность черноземными полями. А в другую сторону от белых столбов, в огромном дворе, тесно к садам, стоял серый дом с белым балконом. В этом большом помещичьем доме я и родился»* (Пришвин, 1982, с. 12).

В романе «Жизнь Арсеньева» Бунин создает запоминающийся образ дворянской усадьбы. Это защищенный домашними благими силами мир, в котором живет мальчик Алеша, ощущающий гармонию бытия, еще не знающий страданий и горя. Несмотря на переезды семьи с одного места на другое, ощущение уюта, ритмичности, налаженности жизни проявляется всюду: и на хуторе Каменка, и в Батуристине.

Защищенность Алеши Арсеньева и Миши Алпатова от внешних деструктивных воздействий обеспечивается отцом и матерью. Оба героя любят родителей, чувствуют их, каждого по-своему. Отцы – натуры кипучие, увлекающиеся и страстные, прожившие «звонкую» (по определению Пришвина) жизнь. Однако при всей активности отцовского влияния на героев решающее значение для них имела материнская опека и защита: *«Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого»* (Бунин, с. 13). Дом для пришвинского героя тоже связан с матерью. Волевая, твердая,

уравновешенная, во многом рациональная и в то же время жертвенная натура, Мария Ивановна Игнатова, объединила вокруг себя членов семьи.

Для Ивана Бунина и Михаила Пришвина характерно расширенное понимание дома, включающего в себя, кроме собственно усадьбы, также и двор, огород, окружающую природу. Одни из самых ярких воспоминаний героев о доме детства связаны со старым садом, воспринимающимся как нечто живое. У каждого дерева есть *«свое выражение, свои очертания, своя душа, своя дума»* (Бунин, с. 75). Так, Арсеньев любит бродить по запущенному саду, радуясь одиночеству и безмолвию. Его посещает внезапная мысль о быстротечности жизни и неизбежности смерти, спасительное же успокоение происходит от созерцания гармонии природы: *«Как отрешалась тогда душа от жизни, с какой грустной и благой мудростью, точно из какой-то неземной дали, глядела она на нее, созерцала «вещи и дела» человеческие»* (Бунин, с. 76).

Миша Алпатов после долгого перерыва целый день проводит в саду: *«день в саду – и все вспомнил»* (Пришвин, 1982, с. 171). На чужбине, в далекой Германии, герой, чтобы *«не утратить воспоминания о земле детства... выдумал себе, когда не спится, прогулки по саду»* (Пришвин, 1982, с. 344).

Примечательно, что в 1918 году, переживая разорение и разрушение своего дома, имения Хрущево, Михаил Пришвин воспринимает гибель старого сада как личную драму: *«Завтра погибнет мой сад под ударами мужицких топоров, но сегодня он прекрасен, и я люблю его, и он мой. Прощаюсь с садом и ухожу, я найду где-нибудь сад еще более прекрасный: мой сад не умрет. Но вы, кто рубите, увидите только смерть впереди»* (Пришвин, 1994, с. 81). Сад становится выразительной метафорой утраченного дома. Воображение художника создает символическую картину: *«Земля моя родная! Трава тут стояла высокая, где мы с головой скрывались в детстве, – нет травы! Снег. Дом стоял наш тут – нет дома, а сосед жил – нет ничего: снег, пустыня, крестом восходит солнце...»* (Пришвин, 1994, с. 236). Для писателя очевидно, что задача поиска и обретения дома связана с судьбой России. *«Речь теперь идет не о доме, данном человеку в обжитых пространствах своей родины, как было прежде, а о доме созданном – жизнь поставила задачу обретения, а*

в конечном счете, может быть, спасения дома и родины» (Пришвин, 1994, с. 297).

Дом – это и окружающие героев люди, близкие и родные. Алеша и Курымушка росли в благоприятной для их внутреннего развития среде. Большое влияние на бунинского героя оказал домашний учитель Баскаков, человек странный и сложный в общении, горячо привязавшийся, однако, к своему воспитаннику. Повышенная впечатлительность и страстность натуры роднят учителя с учеником. Именно Баскаков прививает Арсеньеву любовь к чтению и живописи, уводит в мир фантазии, воображения.

Курымушка, как и бунинский Алеша, также растет в окружении прислуги, дворовых людей и крестьян. Это его мир, он в нем себя домашнему чувствует, несмотря на свою принадлежность к купеческому сословию. Велика роль простых людей в познании ребенком действительности. Мужик Гусек, научивший Алпатова пониманию природы, особенно близок ему: *«с этим стариком связывалось все лучшее в детстве, и всегда казалось: из всех людей на свете нет лучше и роднее Гуська»* (Пришвин, 1982, с. 388).

Смысловое противопоставление дома гармоничного – дома, лишенного гармонии, фактически сводится к архетипической бинарной оппозиции «дом» – «антидом». Так, Алеша Арсеньев испытывает безотчетный страх перед гимназией, предчувствуя *«разлуку с матерью, с Олей, с Баскаковым и со всем родным гнездом»* (Бунин, с. 42), думая об одинокой, неизвестной жизни в городе. Миша Алпатов впервые остается один, без опеки и покровительства матери в чужом для него Ельце, и сейчас *«все свое, деревенское, встало неизъяснимо прекрасным и утраченным навсегда»* (Пришвин, 1982, с. 61). *«В слезах, в тоске, в отчаянии показывалась мне прелесть покинутого мира»* (Пришвин, 1982, с. 457), – вспоминает автобиографический герой Пришвина.

Для героев закончилась пора догимназического детства с его беззаботностью, нерегламентированностью, предоставленностью вольной стихии жизни. Елецкая гимназия стала для мальчиков не домом, а чем-то неумолимо убивающим жизнь. Гимназия со всей очевидностью ассоциируется в сознании Миши Алпатова с чуждым, казарменным началом: *«... каменная ограда, каменный двор, большое каменное здание во дворе – все так же казенно, скучно, как когда-то было»* (Пришвин, 1982,

с. 161). Пространство гимназии характеризуется замкнутостью, отсутствием тепла и света. Это некий огромный казенный мир с его холодностью и пустотой.

Курымушка начинает ненавидеть гимназию, учение и ту свою квартиру у доброй немки Вильгельмины, которую нашли для него родители. Пришвинский герой живет бессознательным, но отчетливым стремлением изменить свою жизнь, отправиться в дальние страны в поисках Небывалого. Подросший Арсеньев испытывает какое-то недетское одиночество. Для него, так же как и для Алпатова, Елец, гимназия становятся пространством несвободы: *«... сказочная дорога в город, в котором я не был со времени моего первого знаменитого путешествия, самый город, столь волшебный некогда, – все было теперь уже совсем не то, что прежде, ничем не очаровывало меня»* (Бунин, с. 43).

По мере взросления героев их представление о доме расширяется. Теперь это не только привычные пространственно-географические координаты, дом – вся Россия, родина: *«... я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней»* (Бунин, с. 50). Для Алпатова село Хрущево, *«все, что называется родным, праздники с попами и иконами, русские неудобные телеги, сохи, овраги»* (Пришвин, 1982, с. 348), связано с Россией. В сознании героя ландшафт преобразуется в родину.

В раскрытии темы дома Буниным и Пришвиным намеренно подчеркнута повторяемость пережитого. Этот мотив является сквозным в их повествовании. В процессе взросления чувство дома у героев несколько не угасает. Оба они, и Арсеньев и Алпатов, – духовные *«странники»*, отправляющиеся попытать счастья на новых местах и возвращающиеся в отчий дом, к родному уюту. Алпатов спустя годы узнает *«с детства знакомый таинственный шелест и чудеснейший в мире аромат ржаной соломы»* (Пришвин, 1982, с. 391), которым наполняется родной дом. Он продолжает ощущать себя в тихом пристанище, под надежной защитой благих домашних сил.

Возмужавший Алеша удивляется тому, каким маленьким и старым стал знакомый дом, но вместе с тем арсеньевская старина рождает в его

душе *«что-то обнадеживающее, покорное непреложному и бесконечному течению земных дней»* (Бунин, с. 128). Арсеньев возвращается в отцовский кабинет, памятный с детства *«запущенностью и уютностью, неизменностью своей простой обстановки, столь нераздельной... со всеми моими воспоминаниями»* (Бунин, с. 247). Герои И.А. Бунина и М.М. Пришвина убеждены, что человеческая жизнь, в основе которой заложена идея повторяемости, должна быть ориентирована не на коренное изменение действительности, а на сохранение выработанных веками нравственных ценностей.

Библиографический список

1. Климова Г.П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: автореферат дис. ... доктора филологических наук. М., 1993. 53 с.

Список источников примеров

1. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). М.: Воскресенье, 2006. 480 с.
2. Пришвин М.М. Кащеева цепь // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2 . С. 5–483.
3. Пришвин М.М. Дневники 1918–1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.

Е. И. Меренкова

К вопросу о переводческой деятельности писателя и поэта

И.А. Бунина

Иван Алексеевич Бунин – летописец русской души, и это нашло отражение в его произведениях. Он очень тонко понимал природу и психологию людей, мастерски владел словом, его язык красочен и

мелодичен. Все знают И.А. Бунина как писателя и поэта, но немногим известно о его деятельности как переводчика.

Иван Алексеевич Бунин родился в октябре 1870 года в Воронеже. В 1881 году он поступил в Елецкую мужскую гимназию, в которой был успешен в изучении гуманитарных предметов, в том числе и английского языка, но математика и другие точные науки давались ему с трудом. В 1886 году будущего писателя отчислили за неуплату в необходимое время. И его учителем стал его старший брат Юлий, который был сослан в Озёрки. Именно под влиянием своего брата юный Бунин начал увлекаться литературой и журналистикой, стал писать свои ранние произведения. А далее писатель сам продолжил развиваться, изучать интересные для него предметы, уделял много времени иностранным языкам, к которым имел склонность, а также читал многих английских поэтов, среди которых выделял «Гамлета» Шекспира, уже с ранних лет восхищаясь мастером слова. Именно Шекспир повлиял на его дальнейшее творчество, в том числе и как переводчика.

Самые известные произведения И. Бунина – «Чистый понедельник», «Жизнь Арсеньева», «Митина любовь» – были написаны уже в эмиграции во Франции, куда писатель отправился, не приняв изменившуюся после революции Россию. Среди эмигрировавших писателей И. Бунин был одним из самых известных. Он принадлежал к старинному дворянскому роду и был против изменений в стране.

В характере И.Бунина сочетались две противоположности: подвижность, веселость и творческое восприятие окружающего мира, перенятые от отца, но в то же время меланхоличность и ранимость от матери. Эта двойственность, изменяясь, всегда оставалась в нём [Ильинский, 2018, с. 12]. Писатель мастерски владеет языком в двух так же противоположных друг другу манерах. В своих произведениях он использовал как утонченную манеру русского дворянства XIX века, так и красочную речь простых крестьян [Франк, с. 210].

Прозу и стихи Ивана Алексеевича Бунина до сих пор изучают в школах, в театре ставят спектакли по мотивам его произведений, а его имя находится в одном ряду с самыми известными русскими классиками. Он является неотъемлемой частью русского культурного наследия.

Герои Бунина неоднозначны. Они действительно живые, яркие и прописанные. Примечателен особый реализм Бунина. В его произведениях всегда очень точно отражены краски, звуки и запахи окружающего мира, что позволяет читателю чувствовать природу, к которой он относился с особым трепетом. В его стихотворениях часто встречается большое количество эпитетов. Его реализм не сентиментальный, не идеализированный, а сознательный, поэтому и сами герои максимально приближены к реальности. Им хочется сопереживать, поверить. Как и в жизни, в работах И. Бунина нет исключительно положительных или отрицательных персонажей. Бунин был наделен богатым воображением, позволяющим ему творить. Относительно образов героев в своих многих произведениях он говорил: «Я его выдумал» [Ильинский, 2018, с. 22]. Все эти черты характерны не только для самостоятельных произведений И.Бунина, но и для его переводов.

Сейчас Иван Алексеевич Бунин известен как первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе за знаменитый роман «Жизнь Арсеньева». Это произведение является вершиной творчества писателя. Образы героев узнаваемы, а история является автобиографией, хотя сам писатель это отрицал. На его страницах встречаются места, знакомые каждому жителю Ельца, к которому писатель питал нежные чувства. «Жизнь Арсеньева» – произведение, пропитанное любовью к Родине и тоской по давно ушедшим временам.

Помимо литературного таланта, И.Бунин имел склонность к иностранным языкам. Первые свои работы он начал публиковать моложе двадцати лет, а переводить «Гамлета» начал ещё до своих литературных поисков. Бунин добился успеха, не только идеально передавая смысл и идеи других писателей, но и сохраняя при этом свою уникальность [Захаров, с. 129]. Среди переводов И.Бунина особо выделяют перевод «Песни о Гайавате», Г. Лонгфелло, американского поэта. Когда Бунин работал в «Орловском вестнике» и «Южном обозрении», он публиковал собственные стихи, прозу, переводы, рецензии. В конце сентября в «Орловском вестнике» он впервые напечатал полный текст своего перевода поэмы Г.-У. Лонгфелло

«Песнь о Гайавате». Этой публикацией И. Бунин сделал важный шаг по ступеням восхождения к олимпу поэтической славы [Ильинский, 2019, с. 10]. Данная работа была отмечена Российской академией наук, а талантливый переводчик был награждён Пушкинской премией I степени. Указанное выше произведение Лонгфелло вызвало восхищение у Бунина не только как переводчика, но и как писателя. Он находил интересным сам сюжет, который был основан на преданиях и легендах индейцев Северной Америки. Автор англоязычного произведения собирал фольклор и создал «Песню о Гайавате», вдохновившись им, а обязанность переводчика – придерживаться выбранной тематики, ритма и плавности оригинала [Бабореко, с. 375]. В предисловии к своему переводу И.Бунин сам охарактеризовал свой стиль. Он писал: *«Я всюду старался держаться, возможно, ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов»* [Шаламов, с. 240-243].

Бунин долго работал над данным переводом, и перевод со внесенными поправками неоднократно переиздавался. Эти поправки выполняли сразу несколько задач. Во-первых, основной целью Бунин ставил отработку русской поэтической речи, делая ее плавной, подбирая всё новые и новые рифмы. Во-вторых, он исправлял все неточности и стремился приблизиться к оригиналу. В-третьих, переводчик желал избавиться от наличия английской транскрипции в русском языке. В первой версии встречалось множество английских слов, поддерживающих рифму. Они переводились в сносках. Самая ранняя версия появилась в двадцати пяти номерах «Орловского вестника» в период со второго мая по двадцать четвертое сентября 1896 года. Данный перевод значительно отличается от более позднего издания 1903 года. На каждое новое издание «Песни о Гайавате» критики отзывались все с большим восторгом.

На становление Бунина как переводчика большое влияние оказало прочтение шекспировского «Гамлета», переводами которого он увлекся позже. Будущий писатель ощущал особую красоту стиха, а трудность языка, наоборот, усиливала интерес к нему. Немногие начинающие переводчики справлялись с такой сложной задачей, как интерпретация произведений Шекспира, так как их язык метафоричен, а слова отличаются многозначностью, однако Бунин старался творчески подходить к

поставленной задаче и упорно трудился над ней. Выбор одного из самых сложных произведений в английской литературе для перевода на русский язык сыграл важную роль в развитии навыков И. Бунина. Шекспир стал для Бунина образцом стихосложения и поэтического языка. Поэтому он не раз возвращался к своему переводу и даже предложил С. Станиславскому использовать свой вариант перевода в постановке. К сожалению, «Гамлет» в переводе И. Бунина так и не был опубликован, поскольку текст перевода не был доведен до конца. Незавершенный перевод «Гамлета» до сих пор представляет интерес для филологов, так как именно благодаря ему у Бунина начал формироваться своя собственная манера перевода. После покорения сложного языка Шекспира Бунин достиг особого мастерства владения словом. Он не раз получал хвалебные отзывы. Одним из них был отзыв В. Р. Морфиля, известного переводчика и профессора Оксфордского университета [Захаров, с. 130]. Отдельного внимания заслуживает стихотворение «Псалом жизни», которое было переведено и опубликовано И. А. Буниным в 1901 г. Как автор текста перевода И. А. Бунин ставит своей целью создать насыщенный эмоциями перевод, эстетически воздействующий на читателя.

В переводе «Псалма жизни» И. Бунин доносит мысль о важности труда в жизни путем включения слов «*труд*», «*действовать*», «*работа*». Идею активности подчеркивают фразы, обозначающие целенаправленное движение (*должны идти вперед*), слова с положительной эмоциональной окраской (*бодро, смело*). В кульминационной пятой строфе Бунин усиливает смысл выражения «жизнь – борьба» путем его замены на «жизнь – битва» [Мещерякова, с. 274].

Таким образом, черты языковой личности Бунина определены этнокультурным пространством. Будучи основанным на христианской культуре, этнокультурное пространство для русского человека неотделимо от истории и литературы России, от ее культурной самобытности. Лирический текст произведения в устах переводчика приобретает новое звучание.

Среди переводческих работ И. Бунина известны также переводы поэзии многих стран. Особо выделяют поэмы, мистерии французских

поэтов Франсуа Коппе, Леконте де Лиля, Поля Бурже, стихотворные драмы Байрона, произведения Теннисона, Ф. Гименс, переводы с итальянского Ф. Петрарки и А. Негри.

В переводах И.Бунина нет прямых отсылок к источникам. Работа с исходными текстами выполнялась им настолько тонко, что можно наблюдать, как Бунин воспроизводит идею автора своими художественными средствами. А.Бунин был тесно связан с духовной жизнью России девятнадцатого века, русским менталитетом и средой, поэтому он иногда воспринимал произведения иностранных авторов по-своему, так как имел другое мышление. Буквализм не был его основной целью, и в некоторых переводах Бунина наблюдается отступление от оригинала, однако перевод «Песни о Гайавате» можно считать эталонным.

Таким образом, личность Ивана Алексеевич Бунина неоднозначна. В его характере сочетались противоположности. Он проявил себя не только как талантливый поэт и писатель, но и как выдающийся переводчик. Его переводы неоднократно отмечались критиками, и каждое последующее издание встречалось читателями и критиками с большим восторгом. Бунина отличает стремление к совершенству, так как он находился в постоянном поиске наиболее лучших вариантов. Следует отметить, что И. Бунин выбирал очень сложные произведения для перевода. Бунина интересовал необычный сюжет выбранного произведения, что повлияло на его развитие и становление как художника и переводчика. Метафоричность и хитросплетение языка оригинала только подогревали интерес и желание приобщиться к шедевр мировой литературы. Подобная языковая практика во многом отразилась на творчестве писателя. Его собственные работы и переводы демонстрировали прогресс. При переводе разных произведений Бунин использовал новый метод.

Переводы Бунина представляют собой собрание переводческих навыков Серебряного века. Нельзя не отметить творческий подход к адаптации прозы или поэзии на другой язык. Особый писательский стиль И.Бунина не растворяется в чужом творчестве, а, напротив, выделяется. Ярko представляя себе замысел создателя произведения, переводчик, играя со словом, старался донести его до читателя. Благодаря вкладу Бунина в переводческое пространство, адаптации иностранных произведений улучшались, молодые переводчики вдохновлялись мастерством Бунина.

Владея множеством техник, он не переставал совершенствоваться. С каждым новым переведенным произведением изучалось все больше художественных приёмов. Он достиг больших высот в переводе благодаря практике, начиная с поистине сложных для адаптации произведений.

Своими переводами и собственными произведениями Бунин сохранял традиции русского реализма, которого всегда придерживался. Обычное увлечение переросло у И.Бунина в настоящий труд и любимое занятие. Получение Нобелевской премии заслуженно сделало И.А. Бунина известным во всем мире. Это стало лучшим доказательством его таланта. Сейчас знаменитые писатели, поэты и переводчики из многих стран занимаются чтением и переводами произведений Бунина и восхищаются его творчеством и владением слова. И. Бунин – многогранный писатель и переводчик, который посредством собственного видения и слова не потерял свою индивидуальность.

Библиографический список:

1. *Бабореко А.* И.А. Бунин о переводах. Мастерство перевода // Сборник статей / Ред. кол.: Чуковский К., Гатов А. и др. Выпуск 5. М.: «Советский писатель», 1968. 536 с. URL: <http://padabum.com/d.php?id=22185>
2. *Захаров Н.В.* Бунин – переводчик «Гамлета» Шекспира // Проблемы филологии, культурологи и искусствоведения. М.: 2010. №2. С. 129-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bunin-perevodchik-gamleta-shekspira/viewer>
3. *Ильинский И.М.* Не божий дар, а феномен природы // Российское общество. М.: 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-bozhiy-dar-a-fenomen-prirody>
4. *Ильинский И.М.* И. А. Бунин: Тайны явления и жизни классика // Знание. Понимание. Умение. №2. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-a-bunin-tayny-yavleniya-i-zhizni-klassika>

5. *Ковалев Н.* Бунин-поэт и Бунин-переводчик //Плавучий мост. М.: 2017. №4 URL: <http://журнальныймир.рф/content/bunin-poet-i-bunin-perevodchik>
6. *Мещерякова О.А.* Бунин-переводчик // Вестник ЧГПУ 11, 2019. С. 270-276. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bunin-perevodchik>
7. *Франк С.Л.* Иван Бунин – современный классик русской литературы // Русская философия. С. 209-226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ivan-bunin-sovremennyyu-klassik-russkoy-literatury/viewer>
8. *Шаламов В. Т.* Работа Бунина над переводом «Песни о Гайвате» // Собр. соч. в 7 томах. М., 2013. Т.7. С. 238-245. URL: <https://shalamov.ru/library/21/75.html>

М.В. Никитина

Жанр фрагмента в творчестве И.А. Бунина

Жанр миниатюры в творчестве И.А. Бунина занимает особую нишу. Миниатюры, созданные Буниным в 1930 году, были опубликованы впервые под общим заголовком «Краткие рассказы». С точки зрения содержания и композиции бунинские миниатюры 1930-х годов необыкновенно разнообразны и разноплановы, это диалоги, портретные зарисовки, эпизоды, запечатлевшие переломную эпоху в жизни страны («Канун», «Письмо» и др.).

Известно, что «уже в 1930-е годы критиками В. Ходасевичем и Ф. Степуном была замечена как необычность жанра миниатюры и его новизна в "Кратких рассказах", так и философски-ценностная содержательность всего цикла... Из философии мига, бесконечно-ценного как проявление частицы жизни для Бунина, складывается основной конструктивно-художественный принцип цикла "Краткие рассказы", породивший жанровую модель мира в цикле, где каждая миниатюра – это художественное воплощение жизненного мига» [Проходова, с. 11-12]. Интересно, что в собрании сочинений И.А. Бунина в 6-ти томах, вышедшем в 1988 году, миниатюры уже не выделены в отдельный цикл, а

опубликованы в четвертом томе вместе с другими произведениями, написанными в период с 1914 по 1931 годы.

Наиболее точным жанровым определением многих бунинских «кратких рассказов» 1930-х годов, на наш взгляд, является понятие «фрагмент», указывающее на важнейший жанрообразующий признак данного жанра – его внешнюю незаконченность, «необработанность». Так, например, «Стихотворения в прозе» Тургенева, как и ряд других произведений малого объема, можно назвать миниатюрами, но они не являются фрагментами. Л.А. Левицкий, отмечая, что «жанровые признаки миниатюры весьма относительны, а сам термин в значительной мере условен», определяет миниатюру как «маленькое по объему, но композиционно и содержательно завершенное произведение, обычно заключающее в себе мысль (образ) широкого обобщения или яркой характерности» [Левицкий, с. 844].

Фрагмент можно рассматривать как разновидность миниатюры, для которой характерен очень малый размер (как правило, менее страницы), и отрывочность, внешняя незавершенность. Жанр фрагмента наиболее близок по замыслу поэтическому отрывку: «композиционная форма "отрывка" позволяла поэту обходиться без фабулы, создавая вместе с тем иллюзию принадлежности обособленной части к какому-то сюжетному целому, в котором оно является привычным звеном» [Жирмунский, с. 319-320]. Таким «сюжетным целым», или метасюжетом, является для бунинских миниатюр-фрагментов 1930-х годов русская классическая литература. Неслучайно в последнее время появляются всё новые исследования, вскрывающие интертекстуальную основу прозы Бунина. При этом важно отметить, что фрагмент, как правило, представляет собой внеродовую форму, синтез лирического, эпического и драматического начал. Фрагмент, в отличие от более четко организованной и, как правило, композиционно завершенной миниатюры, абсолютно универсален, «он совмещает в себе завершенность и незавершенность, целое и часть... парадоксальным образом именно фрагмент лучше всего иного выражает целое, поскольку не скрывает, а прямо отсылает к целому: демонстрируя свою неполноту, он наиболее явным образом указывает на него» [Анищенко, Пашкова, с. 36].

О том, что фрагмент постепенно выкристаллизовывался из рассказа в творчестве Бунина, свидетельствует его работа по сокращению текстов рассказов, уже ранее опубликованных. Рассмотрим становление жанра фрагмента на примере сопоставления двух редакций текста рассказа «Третий класс» (1921). В результате сокращения произведение не просто уменьшилось в объеме почти в два раза, но приобрело черты фрагмента, поскольку отсечены были именно начало и патетический финал, обрамлявшие центральный эпизод. Рассказ получил более четко очерченный открытый финал и стал значительно более глубоким и емким по смыслу: *«И на одной из следующих остановок я, как вор, перебегаю в четвертый класс, в вагон, набитый сидящими и стоящими, черными и шоколадными телами, которые только по бедрам повязаны мокрыми от пота тряпичками»* (Бунин, с. 191). В первоначальном варианте рассказ заканчивался совершенно иначе – риторическими восклицаниями: *«Какой бег, какой наглый и чудесный поезд, как властно прорезает он этот Эдем! Горе вам, "презренные дикари"!»* (Бунин, с. 676).

Во втором варианте открытый лиризм уступает место сдержанной недосказанности, при этом главная идея значительно трансформируется. В первом варианте рассказа достаточно резко представлен образ англичанина с *«оскорбительно холодными глазами»*, который неизменно встречается в путешествиях и вызывает нескрываемое возмущение рассказчика. В сокращенном варианте рассказа смысловые акценты смещены, и кассир-англичанин воспринимается лишь как типичный европеец, неукоснительно исполняющий свои обязанности. В своей второй редакции рассказ приобретает более универсальное звучание и обличает уже общечеловеческие пороки – высокомерие и ханжество – на примере отношения европейцев к *«презренным дикарям»*.

В 1930 году Бунин пишет миниатюру-фрагмент «Канун», имеющую сходную композицию с рассказом «Третий класс», хотя действие здесь происходит уже не на Цейлоне, а в предреволюционной России, в вагоне второго класса. Надменность по отношению к простому человеку и абсолютная уверенность в собственном превосходстве, демонстрируемая благородными господами при каждом удобном случае, очень напоминает поведение европейцев по отношению к *«презренным дикарям»*: *«А потом вагон, второй класс. И какой-то сидящий против меня господин лет за*

сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми ноздрями, все встает и, не глядя на меня, - от пренебрежения ко мне, - все поправляет на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и уверенный в себе господин, спокойный за свое благополучие и строгое достоинство...» (Бунин, с. 573).

В 1930 году Буниным была написана миниатюра «Первый класс», в которой также в одном вагоне оказываются люди, принадлежащие разным сословиям, разным мирам. Поезд становится местом неожиданных столкновений, символом предреволюционной эпохи: «...в одном первоклассном вагоне происходит нечто небывалое: кондуктор вталкивает в него какого-то рваного, измазанного глиной мужичишку» (Бунин, с. 572). В одном эпизоде, фрагменте показан весь абсурд и ужас сложившегося положения вещей, который люди привыкли считать нормальным и правильным.

Во фрагментах Бунина представлен «метонимический» образ мира (по Н.Л. Лейдерману). «Метонимический» жанрообразующий принцип характерен, по мнению Н.Л. Лейдермана, для рассказа, баллады, повести и некоторых других жанров. «Суть его состоит в том, что конкретный предметно-образный план произведения представлен здесь как часть большого мира: узловым фрагмент, существеннейший аспект (с точки зрения автора), но все же часть» [Лейдерман, с. 98]. Раскрывая сущность данного принципа «мирообразования» в произведении, Н.Л. Лейдерман подчеркивает, что «в этом случае структура жанра не только организует внутренне сам фрагмент... не только концентрирует его обобщающий смысл, но и содержит целый "пучок" сигналов, которые идут от этого "куска жизни" к "большому миру"... находит место этого фрагмента в бесконечном космосе жизни» [Лейдерман, с. 98]. К таким «сигналам», «которые заставляют видеть историю Николая Иваныча на всю глубину и в свете "общего" смысла жизни» [Лейдерман, с. 100], в рассказе Чехова «Крыжовник» исследователь относит дистанцированные повторы, вводные эпизоды и лирические отступления, образ героя-рассказчика, благодаря которому «история о крыжовнике адресуется вовне – к персонажам-слушателям» [Лейдерман, с. 101], пейзаж.

На примере жанра фрагмента можно увидеть, что Бунин в своем стремлении к краткости и емкости, а также в поиске универсальной

художественной формы идет значительно дальше Чехова. Система «сигналов», выраженная в различных композиционных приемах и авторском присутствии, в бунинских фрагментах 1930-х годов практически отсутствует (ср. «Письмо», «До победного конца», «Стропила», «Коренной», «Свидание», «Петухи», «Муравский шлях», «Пожар» и др.). Обрамлением к этим «кускам жизни» становится сама жизнь – странная и непонятная, пугающая и завораживающая. Так реализуется и установка на активное взаимодействие с читателем, от которого требуется додумать, «дописать» представленный фрагмент. Таким образом, граница между художественным, вымышленным и нехудожественным, документальным стирается. Недоговоренность и нарочитая «неоформленность» фрагмента создает эффект достоверности и документальности, поскольку «получатель должен знать, что текст, к которому он обращается, следует рассматривать как художественный. Следовательно, текст должен быть определенным образом семантически организован и содержать сигналы, обращающие внимание на такую организацию» [Лотман, с. 204–205]. В бунинских фрагментах «сигналы», говорящие читателю о том, что перед ним тексты художественные, отсутствуют, что и создает эффект документальной записи. Например, отсутствие какой бы то ни было композиционной рамки в миниатюре-фрагменте «Письмо», представляющей собой отрывок фронтового письма эпохи Первой Мировой войны, является абсолютно новаторским приемом, передающим непосредственно сам процесс написания письма, которое, кажется, вот-вот будет дописано. Этот фрагмент дает возможность почувствовать весь ужас происходящего на войне и ощутить страх близкой смерти, ее неотвратимость. Бунину удается в столь краткой форме передать необыкновенно сложную информацию.

При этом Бунин создает и миниатюры, в которых система «сигналов» настолько виртуозно вписана в миниатюрный по объему текст, что с полным правом можно говорить о символической природе данных фрагментов. Яркими примерами такого рода произведений являются миниатюры «Канун» и «Идол», в которых буквально каждое слово становится своеобразным «сигналом». В названных миниатюрах установка на художественность более ощутима.

Именно в жанре фрагмента художественный образ воспринимается как необработанный фантазией художника «кусочек реальности». Неслучайно В. Вересаев писал о рассказах Бунина эмигрантского периода: «В текущих альманахах и журналах время от времени появляются рассказы И. Бунина, и каждый из них вызывает бурный восторг критики и именуется шедевром. И верно – истинный шедевр. Но вот что странно: говорить об этих шедеврах решительно нечего» [Мальцев, с. 390]. Анализ многих бунинских миниатюр-фрагментов подчас действительно кажется невыполнимой задачей в силу того, что эти тексты представляются не произведениями, созданными в соответствии с авторским замыслом, а отрывками, эпизодами, выхваченными из потока жизни. В этом и состоит главное художественное открытие Бунина, создавшего миниатюрные по форме и исчерпывающие по содержанию произведения, в которых практически стирается грань между искусством и жизнью. Жанр фрагмента в творчестве Бунина генетически связан с дневниковой прозой, структурированной, как правило, в виде таких отрывочных, неоформленных записей.

Миниатюры Бунина, написанные в форме фрагмента, представляют собой уникальные и новаторские по форме произведения, сочетающие в разных пропорциях не только черты эпоса, лирики и драмы, но и синтезирующие в себе художественное и документальное начала, что позволяет говорить о метажанровой природе данной жанровой формы.

Библиографический список

1. *Анищенко В.В., Пашкова В.В.* Жанр фрагмента в эстетике романтизма // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития. Сборник материалов 17-й международной научно-практической конференции. Махачкала, 2015. С. 35–36.
2. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин // Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л. 1978.
3. *Левицкий Л.А.* Миниатюра // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т./ гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 844.

4. *Лейдерман Н.Л.* Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.
5. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
6. *Мальцев Ю.* Иван Бунин. 1870–1953. М., 1994. 432 с.
7. *Проходова В.П.* Эволюция жанра миниатюры в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 1990. 18 с.

Список источников примеров

1. *Бунин И.А.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 4. Произведения 1914 – 1931. / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; статья-послесловие и комментарии А. Саакянц. М.: Худож. лит., 1988. 703 с.

Е.А. Попова

Малая родина в жизни и творчестве И.А. Бунина

Многие известные писатели, деятели русской культуры и науки имеют прямое отношение к Липецкому краю. На липецкой земле родились и жили П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.А. Бунин, А.П. Бунина, П.И. Бартенев, М.М. Пришвин, А.И. Левитов, Е.И. Замятин, А.И. Эртель и др.; бывали В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, В.И. Немирович-Данченко, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, К.Г. Паустовский, М. Горький, Г.И. Успенский, М.И. Цветаева и др. Этими писателями созданы классические произведения русской литературы, в том числе те, в которых изображается Липецкий край.

В последние годы в лингвистике активно изучаются сверхтексты, образующие культурный фонд нации. Так, выделены и описаны Петербургский, Московский, Провинциальный, Киевский, Лондонский, Американский и другие тексты. Прецедентные тексты региональной

направленности, являющиеся новым аспектом изучения прецедентных текстов и феномена прецедентности в целом и имеющие отношение к Липецкому краю, являются частью Провинциального сверхтекста русской литературы, одним из его локальных ответвлений. Иными словами, данные тексты составляют Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. Определение «Липецкий» в данном случае понимается в широком значении: как связанный с Липецкой областью в целом. В рамках проекта, поддержанного РФФИ, – «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (2018–2019 гг.) – были составлены два выпуска корпуса прецедентных текстов региональной направленности, образующих Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы [Провинциальный (Липецкий) текст..., 2018; 2020]. В данный корпус вошли прецедентные тексты региональной направленности, под которыми понимаются национально-прецедентные тексты и их фрагменты (художественные, публицистические, мемуарные, дневниковые, эпистолярные), созданные родившимися, жившими и/или бывавшими на липецкой земле и писавшими о ней прозаиками, поэтами, драматургами и другими деятелями русской культуры XIX–XXI вв. Региональная принадлежность таких текстов, как правило, определяется по наличию в них региональных топонимов и антропонимов.

Предпринятое нами исследование Липецкого текста русской литературы как одного из локальных ответвлений Провинциального сверхтекста вписывается в общую тенденцию современной филологии, проявляющей большой интерес к изучению феномена русской провинции, русского провинциального пространства, Провинциального текста.

Рассмотрим некоторые материалы из корпуса текстов, которые связаны с личностью и творчеством нашего выдающегося земляка И.А. Бунина. Липецкая земля, прежде всего Елец, села и деревни, лежащие вокруг него и входившие раньше в состав Елецкого уезда Орловской губернии – Бутырки, Озёрки, Васильевское (Глотово), Огнёвка, лермонтовское Кропотово, Измалково, Чернава, Становое и др. (сейчас это территория Липецкой области), являются местом, где жил Бунин и несколько поколений его предков, а также местом действия героев многих его произведений и местом, где они были созданы. Это «Деревня»,

«Антоновские яблоки», «Суходол», «Легкое дыхание», «Жизнь Арсеньева», «Над городом», «Поздний час», «Подснежник», «Аля», «На Базарной», «Подторжье», «Лапти», «Митина любовь», «Последняя весна», «Веселый двор», «Игнат», «Кукушка», «Захар Воробьев» и др. В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин так писал о начале своих дней и предках: *«Прадед мой по отцу был богат. У деда была земля в Орловской губернии (в Елецком уезде), в Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу. Деда братья его обделили. <...> Наследство осталось от него не бог весть какое, отец же и того не пощадил. Беспечен и расточителен он был необыкновенно. А Крымская кампания, в которой он участвовал «охотником», как тогда выражались, и переезд в семидесятом году в Воронеж для воспитания детей, моих старших братьев Юлия и Евгения, способствовали нашему разорению особенно. В Воронеже-то и родился я. Там пошли первые три года моей жизни. <...> Но расти в городе мне не пришлось. Страсть к клубу, к вину и картам заставила отца через три с половиной года возвратиться в Елецкий уезд, где он поселился на своем хуторе Бутырки. Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступающих к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной»* (Бунин, 1988, т. 6, с. 546).

Эта «поэзия» позднее нашла отражение в произведениях писателя, например в следующем фрагменте из «Жизни Арсеньева»: *«Где я родился, рос, что видел? Ни гор, ни рек, ни озер, ни лесов, – только кустарники в лощинах, кое-где перелески и лишь изредка подобие леса, какой-нибудь Заказ, Дубровка, а то все поля, поля, беспредельный океан хлебов. Это не юг, не степь, где пасутся отары в десятки тысяч голов, где по часу едешь по селу, по станции, дивясь их белизне, чистоте, многолюдству, богатству. Это только Подстепье, где поля волнисты, где все буераки да косогоры, неглубокие луга, чаще всего каменистые, где деревушки и лапотные обитатели их кажутся забытыми Богом, – так они неприхотливы, первобытно-просты, родственны своим лозинам и соломе. И вот я расту, познаю мир и жизнь в этом глухом и все же прекрасном краю <...>»* (Бунин, 1988, т. 5, с.15). Находясь в эмиграции, Бунин пишет со щемящей болью и задушевной интонацией о родном крае, о своей и нашей бедной родине, которая часто проигрывает по сравнению с другими

местами, но, несмотря на это, в ней есть свое очарование. Большая роль в этом фрагменте принадлежит антитезе, с помощью которой писатель не только противопоставляет родные места и другие края, но и показывает свою любовь к «глухому и все же прекрасному краю». *Подстепьем* Бунин называет местность, расположенную южнее Москвы, где зона лесов постепенно переходит в зону степей. Эта местность носит официальное название «Черноземье».

Из Бутырок семья Буниных переехала в Озёрки весной 1883 г. Это имение перешло Буниным по наследству от бабушки Чубаровой – матери Людмилы Александровны. В Озёрках началась творческая деятельность Бунина. Отсюда он часто ходил и ездил в Васильевское (Глотова), где находилась усадьба близких родственников Пушешниковых. Из Васильевского в 1917 г. Бунин отправился в изгнание. В Васильевском написаны многие произведения Бунина дореволюционной поры: «Господин из Сан-Франциско», «Суходол», «Сны Чанга» и др., а действие повести «Митина любовь», созданной в эмиграции, разворачивается в Васильевском. И, конечно же, малая родина Бунина включает Елец – бывший уездный город Орловской губернии (ныне районный центр Липецкой области), где будущий писатель учился в гимназии.

Елец принадлежит к числу топонимов высокой культурной значимости, вокруг которого группируется большое количество национально-прецедентных текстов, принадлежащих перу таких известных писателей XIX–XX вв., как Н.С. Лесков («Грабеж»), И.А. Бунин («Деревня», «Легкое дыхание», «Жизнь Арсеньева», «Над городом», «Поздний час», «Подснежник», «Аля», «На Базарной», «Подторжье» и др.), М.М. Пришвин («Кашеева цепь»), К.Г. Паустовский («Золотая роза», глава «Иван Бунин») и др. До сих пор лучшими путеводителями по Ельцу могут считаться произведения И.А. Бунина, особенно автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» и рассказ «Поздний час», несмотря на то, что в них изображен дореволюционный Елец. Легко узнать описанные Буниным елецкие улицы, храмы, монастыри, базары, мужскую и женскую гимназии, городской сад. Жизнь писателя была связана с несколькими провинциальными городами (Воронежем, Ельцом, Орлом, Ефремовом и др.), но в его произведениях наиболее значительное место отводится именно Ельцу, в котором прошли детские и юношеские годы Бунина и

который становится местом действия героев многих его произведений: Алексея Арсеньева («Жизнь Арсеньева»), Оли Мещерской («Легкое дыхание»), Кузьмы Красова («Деревня»), гимназистика Саши («Подснежник»), героев рассказов, написанных от первого лица («Над городом», «Поздний час», «Аля»). Произведения Бунина о Ельце входят в Провинциальный текст русской литературы.

Поскольку Провинциальный текст, как и любой городской текст, группируется вокруг топонима, имеющего высокую культурную значимость, то ядерным концептом этого локального сверткста будет *провинциальный город*. В качестве репрезентанта данного концепта в произведениях Бунина, посвященных Ельцу, выступают топоним *Елец* и нарицательные существительные и согласованные с ними прилагательные и местоимения (*мой, наш, родной, уездный*) *город*, (*уездный старый*) *городишко*, *родина*, (*глухая*) *провинция* и подобные. В произведениях И.А. Бунина чаще всего используется не топоним *Елец*, а нарицательные существительные *город*, *городишко*: «В далеком *уездном городе*, в далекой ранней молодости» («Аля») (Бунин, 1988, т. 5, с. 561); «Была оттепель, стояли теплые и сырые дни, русские, уездные, каких было уже много, много в этом старом степном *городишке* <...>» («Подснежник») (Бунин, 1988, т. 4, с. 97).

Так как «великий человек налагает свой отпечаток на все, к чему он был причастен, на города и веси, по которым ему пришлось пройти» – так писал литературовед Э. Бабаев о станции Астапово – месте, где прошли последние дни жизни Л.Н. Толстого [Бабаев, с. 402], то для многих Елец связан, прежде всего, с именем И.А. Бунина, что объясняет появление у репрезентантов концепта *провинциальный город* эпитета *бунинский*: «*Елец был рядом. Я решил съездить туда, чтобы посмотреть этот бунинский город*» (К.Г. Паустовский. «Золотая роза») (Паустовский, с. 466).

В составляющих Провинциального текста, в том числе в произведениях Бунина о Ельце, проявляется свойственное русскому народу двойственное отношение к провинциальному городу: с одной стороны, это родной любимый город, связанный с домом, детством и молодостью, семьей, первой любовью, с другой – он может предстать перед читателем и как скучное место, захолустье. Обращает на себя внимание способность слов *город*, *местечко* и других, выступающих в

качестве репрезентанта концепта *провинциальный город*, к сочетанию со словами, выражающими как положительную, так и отрицательную оценку: «*Есть нечто совсем особое в теплых и светлых ночах русских уездных городов в конце лета. Какой мир, какое благополучие! Бродит по ночному веселому городу старик с колотушкой <...>*» («Поздний час») (Бунин, 1988, т. 5, с. 279); «*Гимназия и жизнь в Ельце оставили мне впечатления далеко не радостные, – известно, что такое русская, да еще уездная гимназия и что такое уездный русский город!*» («Автобиографическая заметка») (Бунин, 1988, т. 6, с. 549).

В произведениях Бунина о Ельце значительное место занимает концепт *храм*. Его репрезентантами являются нарицательные существительные *церковь, церковка, храм, собор, монастырь, колокольня, колокол, купол, глава, главка, крест, икона* и др.; агнонимы *Михаил Архангел, церковка Воздвиженья* и др.; прилагательные *церковный, соборный, монастырский* и т.д. Например: «*На выезде, слева от шоссе, монастырь времен Алексея Михайловича, крепостные, всегда закрытые ворота и крепостные стены, из-за которых блестят золоченые репы собора*» («Поздний час») (Бунин, 1988, т. 5, с. 281).

В панорамных описаниях Ельца, которые можно найти в произведениях И.А. Бунина, обращают на себя внимание репрезентанты концепта *храм*: «*Чуть не от заставы, откуда еще смутно виден был он со всеми своими несметными церквами, блестевшими вдали в огромной низменности, уже пахло <...>*» («Жизнь Арсеньева») (Бунин, 1988, т. 5, с. 51). Репрезентанты концепта *храм* связаны с такой историко-культурной доминантой Ельца, как «Елец православный» [Трубицина, с. 156].

Другая историко-культурная доминанта Ельца – «Елец купеческий», тоже впервые выделенная в работе Н.А. Трубициной [Трубицина, с. 156], – в языковом плане выражается через концепт *базар*, который репрезентируется с помощью лексем, среди которых есть как имена нарицательные, так и собственные: *базар, ярмарка, рынок, подторжье, ярмарочная площадь, Тихвинская ярмарка, Базарная улица/площадь, купец, купеческий, купечество, барышник, лавка, магазин, раствор* («маленькое торговое помещение, шириною в раствор дверей, в торговых рядах (истор.)») [Толковый словарь..., стб. 1270]), *ряд, покупатель, цена* и др., глаголы *торговать, продать, купить* и др. Например: «*Город ломится от*

своего богатства и многолюдства: от и так богат, круглый год торгует с Москвой, с Волгой, с Ригой, Ревелем, теперь же и того богаче – с утра до вечера везет в него деревня все свои урожаи, с утра до вечера идет по всему городу ссыпка хлеба, базары и площади завалены целыми горами всяких плодов земных» («Жизнь Арсеньева») (Бунин, 1988, т. 5, с. 58); *«На Базарной улице всем торгуют: тут магазины красного товара, часовой магазин, аптекарский магазин, москательные и колониальные лавки, скобяные, посудные, а еще дальше, совсем возле базара, те растворы и сараи, где выставлены наружу метла, гробы, лопаты, грабли, новые, черно-блестящие по втулкам колеса...» («На Базарной»)* (Бунин, 1988, т. 4, с. 557).

О значимости базара в провинциальном городе свидетельствует следующий отрывок из рассказа Бунина «Поздний час»: *«Базар как бы другой город в городе. Очень пахучие ряды. В Обжорном ряду, под навесами над длинными столами и скамьями, сумрачно. В Скобяном висит на цепи над серединой прохода икона большеглазого Спаса в ржавом окладе. В Мучном по утрам всегда бегали, клевали по мостовой целой стаей голуби»* (Бунин, 1988, т. 5, с. 280).

Концепт базар представлен в заглавиях ряда произведений Бунина: «На Базарной», «Подторжье». Устаревшее для современного русского языка слово *подторжье*, вынесенное в заглавие рассказа, означает «канун ярмарки, базара» [Толковый словарь..., стб. 654].

Под пером Бунина Елец предстает как богатый, многолюдный купеческий город, большинство жителей которого занимается торговлей.

Доминанта, или мифологема, «Елец купеческий» выражается и в таком типе героя Елецкого текста, как *купец*. В любом городском сверткесте можно выделить концепты – лингвокультурные типажи [Шурупова, 2017, с. 16]. Так, в рамках Петербургского текста выделяют следующие типы типажей: *самоубийца, ростовщик, чиновник, сумасшедший* [Йэн К. Лилли], а также *молодой человек, старуха* [Шурупова, Коротина, 2016, с. 162]. Елецкие купцы занимались не только торговлей и производством, но и благотворительностью, созданием культурного пространства Ельца (храмов, парков, ботанического сада, учебных заведений, приютов, яслей, пожарной команды и многого другого). Елецкое купечество дало русской культуре писателя М.М.

Пришвина, композитора Т.Н. Хренникова. Как отмечают исследователи, «... мещанско-купеческий класс к началу XX в. прекрасно умел организовать не только производство материальных благ, но и культурное пространство <...> в дикой и непросветленной глуши вряд ли мог сформироваться писательский талант Бунина, Пришвина, Замятина» [Комлик, с. 41].

Один из представителей купеческого сословия – Иван Андреевич Балавин – описан Буниным в романе «Жизнь Арсеньева». Прототипом Балавина, а также Кузьмы Красова из повести «Деревня» был сын обедневшего елецкого купца, поэт-самоучка – Егор Иванович Назаров (1848–1900). Восемнадцатилетний Бунин посвятил Назарову статью «Поэт-самоучка» (1888). Стихи елецкого поэта цитируются в «Жизни Арсеньева» как стихи, сочиненные Балавиным: *«Родился я в глуши степной, / В простой и душевной хате, / Где вместо мебели резной / Качались полаты...»* (Бунин, 1988, т. 5, с. 121).

Исследование, проведенное на материале произведений И.А. Бунина, которые посвящены Ельцу и входят в Провинциальный текст русской литературы, позволило выявить базовые концепты в концептосфере данного сверхтекста: *провинциальный город, храм, базар, купец*. Эти концепты связаны с мифологемами «Елец православный» и «Елец купеческий».

На страницах своих дневников, написанных на чужбине, Бунин постоянно вспоминает Россию, в том числе малую родину (номинации, связанные с Россией, большой и малой родиной, выступают в качестве средства сравнения того, что писателя окружает на чужбине): *«10/23 окт. 22 г. День моего рождения. 52. И уже не особенно сильно чувствую ужас этого. Стал привыкать, притупился.*

День чудесный. Ходил в парк. Солнечно, с шумом деревьев. Шел вверх, в озарении желто-красной листвы, шумящей под ногой. И как в Глотове – щеглы, их звенящий щебет. Что за очаровательное создание!» (Бунин, 1988, т. 6, с. 442).

Изучение прецедентных текстов региональной направленности, образующих Провинциальный сверхтекст, – одно из перспективных направлений современной лингвистики, позволяющих рассматривать языковые факты в тесной связи с культурой носителей языка. Литература,

связанная с родным краем, через понятие малой родины и ее составляющие (тексты региональной направленности, Провинциальный свертхтекст русской литературы, региональные топонимы и антропонимы и др.) поможет современным носителям языка почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную, культурную и гражданскую идентичность, стать устойчивыми к глобальным внешним угрозам национальной безопасности.

Библиографический список

1. *Бабаев Э.* Десять дней из жизни Льва Толстого // Николаев Г.И. Астапово: Роман. М.: Советский писатель, 1990. С. 403–406.
2. *Йэн К. Лилли.* Ростовщики «Петербургского текста» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1. С. 36–42.
3. *Комлик Н.Н.* Был ли ангажемент в Ельце у Нины Заречной? (Театральный контекст провинциального бытия?) // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (17). С. 38–42.
4. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. ред. Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.
5. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие / Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. 662 с.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 712 с.
7. *Трубицина Н.А.* Провинциальный текст: Елец в романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2(18). С. 156–163.
8. *Шурупова О.С.* Концептосфера городских свертхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. н. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. 54 с.

9. Шурупова О.С., Коротина Г.И. Особенности анализа концептосферы городского сверткста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. – № 7(61): в 3 ч. Ч. 1. С. 161–163.

Список источников примеров

1. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М.: Худож. лит., 1988. 703 с.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952 гг. М.: Худож. лит., 1988. 639 с.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. М.: Худож. лит., 1988. 719 с.
4. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. Повести. М.: Худож. лит., 1967. 528 с.

И.А. Таурова

Пророки и пророчества в художественном мире И.А. Бунина

Пророки и пророчества – одна из глубочайших тем в творчестве И.А. Бунина. *«Библейские пророки – писал он, – до потрясающей высоты вознесли проклятия слишком „вознесшейся“ жизни»* (Бунин, т. 3, с. 558). Многочисленные примеры этого писатель находит в своих путешествиях, отражая свои впечатления в рассказах, стихотворениях, дневниках и письмах.

Побывав в «святой земле», в частности, во время путешествия 1907 г., отметив ее возвращение к первобытной нищете и безлюдности, Бунин подчеркивает: *«...великой меланхолией исполнены ее дремотные дали»* (Бунин, т. 3, с. 665). Хранит она незыблемую духовную историю человечества.

Так, в мусульманской Турции писатель находит следы древней Византии. О *«фигурах святых в выгибах алтарной стены»* (Бунин, т. 3, с. 512) храма Айя Софии он пишет в рассказе «Тень птицы», вспоминая

ветхозаветных пророка Измаила и его жену Агарь.

Измаил – сын Авраама. Этого пророка почитают и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе. По коранической версии, Авраам, женившись на служанке Хаджар (библейской Агари), наконец, обрел сына – Исмаила (библейского Измаила), которого затем по велению Бога должен был принести в жертву. Но, по Его милости, человеческая жертва была заменена животным.

В одноименном стихотворении из раздела «Ислам» третьего тома первого собрания сочинений, «Стихотворения 1903–1906 гг.» (СПб, 1906), – «Авраам» (1903–1906) Бунин освещает духовные искания пророка на пути к единобожию, перефразировав с 76-го по 79-й аяты шестой суры Корана. При этом имя пророка в стихотворении поэт оставляет библейское. Таким образом, Бунин искусно объединяет обе версии религиозной истории человечества.

Глядя на храм Святой Софии в Турции, Бунин вспоминает историю ислама, святой город Мекку с Каабой, первым храмом, в чью сторону совершаются молитвы мусульман. Говоря о священном Черном камне, писатель отсылает нас к кораническому контексту, но, тем не менее, снова оставляет в повествовании библейские имена (Измаил, Агарь), не подменяя их кораническими Исмаилом и Хаджар. Даже более того, «потомком Измаила и Агари» (Бунин, т. 3, с. 545) Бунин называет бедуинского пастуха в рассказе «Иудея», намекая на единую духовную историю людей.

Совсем иначе преподносится Буниным легенда о Черном камне Каабы в одноименном стихотворении 1903-1905 гг. Ангела Джибриля Бунин называет библейским именем Гавриил, коранического Ибрахима по-прежнему заменяет на библейского Авраама, зато имя Бога (Аллах) и название райских садов (*джиннат*) приводит из Корана. «*Он драгоценной яшмой был когда-то, / Он был неизреченной белизны*» (Бунин, т. 1, с. 169), – начинает стихотворение Бунин. Продолжая воспроизводить сюжет легенды, он поэтически обыгрывает, как Гавриил нашел эту реликвию в песках пустыни и подарил Аврааму. С течением времени из-за поступков людей, их вечных жалоб и мольб закончилось жемчужное сверканье камня, то есть он потемнел по той же причине, как видится поэту, по которой исчезли с лица земли многие древние цивилизации.

Из коранических пророков Бунин не обошел вниманием также племянника Ибрахима (Авраама) – Лота из города Содом. В Коране об этом пророке говорится в двадцати семи местах. Бунина интересует фигура Лота в связи с его дочерьми, которым дьявол внушил жажду кровосмешения. В результате, на «землю Моавитскую» пролился дождь из огня и серы («Страна Содомская», 1909) (Бунин, т. 3, с. 571).

Возвращаясь к образам священных камней в творчестве Бунина, напрямую связанных с историями пророков, назовем еще один. В рассказе «Камень» (1908) Бунин упоминает о так называемом Камне Жизни – основании Храмовой горы в Иерусалиме (над этим местом возвышается Мечеть «Купол Скалы» – Масджид «Куббат ас-Сахра»). История этого камня связана с великим храмом царя Соломона, который сумел прочесть надписи, хранившиеся на камне, и стал провидцем, знающим язык птиц и зверей.

После Давида и Соломона, как пишет Бунин, Тайна Тайн перешла к Иисусу, крещенному в Масарé – специальном месте у реки Иордан. По Бунину, тогда долина Иерихона переживала «*третий и последний расцвет*» (Бунин, т. 3, с. 572). Теперь же священное устье Иордана превратилось, по выражению писателя, в «*мутный поток*» (Бунин, т. 3, с. 572).

Затем Тайна Камня Жизни, пишет Бунин, перешла к кораническому пророку Мухаммаду благодаря его удивительному переселению из Мекки в Иерусалим и вознесению на небеса с того самого места, где находился священный камень (ныне в мечети «Купол Скалы»).

Образу коранического пророка посвящено ни одно произведение писателя. Бунин показывает разные стороны характера Мухаммада:

1. Как стойко он переносит все невзгоды, связанные с провозглашением ислама, и вынужденно переселяется вместе со своей общиной из своего родного аравийского города Мекки в Медину (об этом говорится в стихотворении «Белые крылья»).

2. Как в трудные минуты ему помогал Гавриил, по легенде, воздвигнувший над его головою знамя веры. В стихотворении «Зелёный стяг» (1903–1906) как раз воспевается это священное знамя мусульман [Таварацян 2007, с. 215–217].

3. Каким хорошим он был семьянином – в стихотворении «Магомет и

Сафия» (Бунин, т. 1, с. 285).

4. Мухаммаду, как и всякому человеку, свойственны минуты сомнения, но как пророк он умеет их преодолевать. Бунин описывает такой случай в стихотворении «Магомет в изгнании», в котором рисует облик мудрого пророка со свойственным ему добрым юмором: *«На песке босой, с раскрытой грудью, / он сидел и говорил, тоскуя: / „Предан я пустыни и безлюдью, / Отрепён от всех, кого люблю я!“ / И сказали Духи: „Недостойно / Быть пророку слабым и усталым“. / И пророк печально и спокойно / Отвечал: „Я жаловался скалам“»* (Бунин, т. 1, с. 193—194).

Любопытно, что само имя мусульманского пророка в произведениях Бунина чаще встречается в устоявшемся в русской литературе написании – Магомет или Мухаммед, на персидский лад Мохаммед.

Имя пророка вынесено в названия первых переводов Корана на русский язык: «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий» (СПб, 1716), «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих» (СПб, 1790), «Ал Коран Магомедов...» (СПб, 1792).

Многогранен образ пророка у Бунина. Как и вышеупомянутый собирательный образ камня, слово «пророк» в его поэтических и прозаических произведениях заключает в себе множество смыслов, восходящих к разным религиозным традициям. Тому пример стихотворение «За измену» (1903—1905), в котором используется нарицательное слово «пророк», чтобы провести параллель между событиями, произошедшими при участии, по крайней мере, двух пророков: Моисея (на это указывает коранический эпиграф) и Мухаммада, который подразумевается в связи с религией, исповедуемой мусульманским турецким войском, завоевавшим Византию.

Смешение образов коранического Мусы (и библейского Моисея) с Мухаммадом, как верно отмечает Марзие Яхьяпур [Яхьяпур 2007, с. 101–112], прослеживается в рассказе «Смерть пророка» (1911). При этом библейское имя – Моисей – Бунин использовал лишь при первой публикации рассказа в газете «Русское слово» от 28 декабря 1911 г.

Помимо великих библейских и коранических пророков, Бунин упоминает в своих произведениях других пророков, святых людей и их

пророчества. Таковым, в частности, выступают пророки Иеремия (второй из четырех великих ветхозаветных пророков), Осия (первый из двенадцати малых ветхозаветных пророков). В частности, в рассказе «Пророк Осия» Бунин пишет: *«В Иудее показывали мне немало легендарных мест: вот пещера, где скрывался пророк Иеремия, вот развалины дома, в котором жил пророк Осия...»* (Бунин, т. 5, с. 521).

В рассказе «Иоанн Рыдалец» 1913 г. Бунин выписывает образ святого Иоанна (в миру Ивана Емельянова Рябинина), называет его *блаженным* и приводит надпись на надгробной плите, увиденную возле церкви на станции Грешное: *«...Иоанн Рыдалец, Христа нашего ради юродивый»*. Но более всего приковали взгляд писателя две надписи: строка из плача, украшавшая плиту юродивого: *«Юрод, неряшен миру он казался»* и пророчества Михея *«Буду рыдать и плакать, буду ходить, как ограбленный, буду выть, как шакалы, и вопить, как страусы!»* (Бунин, т. 3, с. 379-380). При этом слова неизвестного поэта о юроде заставляют плакать посетителей прицерковного кладбища, а пророчества Михея вызывают страх.

Интересно, что среди русских чудотворцев, блаженных странников, и прочих провидцев часто встречается имя Иоанн. Таков, например, известный блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, которого прозвали ещё Московский, Большой Колпак или Железная голова. Он странствовал по русским городам где-то во второй половине XVI в.

Существует икона, изображающая этого святого рядом с Василием Блаженным: Василий Блаженный и Иоанн Большой Колпак, последняя треть XVII в. [см. Иконы... М., 2004]. Кроме того, изображение Иоанна присутствует и на иконе Симоны Ушакова «Похвала иконе „Богоматерь Владимирская“ (Древо государства Московского)» (1663 г.). Кстати, пушкинский Николка в «Борисе Годунове» – прообраз этого юродивого. Возможно, еще и поэтому Бунин обратил внимание именно на эту плиту.

Что касается Михея, в христианстве он относится к так называемым «малым пророкам» в еврейской Библии (Танаха) и Ветхом Завете. Он предсказывал народные беды, пророчествовал разрушение Иудеи и т.п.

Для Бунина пророки, святые, художники – персоналии одного ряда. Он называет их *«великими мучениками и великими счастливицами»* (Бунин, т. 6, с. 41). Отсюда и все их пророчества носят сакральный характер,

независимо от направленности, религиозной или светской. Так, у Бунина как поэта и писателя также есть свои пророчества. Например, он предсказал будущее литературы в развитии жанра дневниковой прозы. «Дневник одна из самых прекрасных литературных форм, – писал он 2 февраля 1916 г. – Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Бунин, 1986, с. 535).

Так оно и есть. XX век и начало XXI-го пестрят дневниковыми записями писателей, культурных деятелей и других известных личностей: «Дневник писательницы» Вирджинии Вульф, «Дневник одного гения» Сальвадора Дали, «Запретный дневник Ольги Бергольц», «Дневник» Юрия Нагибина, Константина Симонова, Михаила Пришвина и др. Также дневники как литературную форму избрали для себя З. Гиппиус («Петербургские дневники»), К. Леонтьев («Моя литературная судьба»). В том числе сегодня популярны электронные посты блогеров, дневники – «LiveJournal» – «Живого Журнала» («ЖЖ») и т.п. Таким образом, провидение Бунина сбылось и продолжает развиваться.

Библиографический список

1. Иконы из частных собраний: Русская иконопись XIV — начала XX века: Каталог выставки. М.: Тетру, 2004. 248 с.
2. *Таварацян И.* Зелёное знамя мира в поэзии И. А. Бунина // Проблемы диалогизма словесного искусства: Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции 18-20 октября 2007 г. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. акад., 2007. С. 215–217.
3. *Яхьяпур М.* Иван Бунин и мир Востока. Тегеран: Тегеранский университет, 2007. 255 с.

Список источников примеров

1. *Бунин И.А.* Стихотворения. Рассказы. / Сост. В.Ф. Муленкова; вступ. ст. О.Н. Михайлова, А.А. Саакянц; коммент. А.К. Бабореко, В.С. Гречаниновой, А.А. Саакянц. М.: Правда, 1986. 544 с.
2. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6-ти т. М.: «Худож. лит.», 1987-1988.

Сенсуализм в текстах И.А. Бунина как автора и переводчика (перевод французской поэзии)

И.А. Бунин известен не только как поэт и писатель. Он увлеченно переводил с итальянского, английского, польского, немецкого, украинского и французского языков, уделяя в поэтическом переложении пристальное внимание работе над родным языком. Как отмечалось многими исследователями, произведения И.А. Бунина отличаются особой чувственной тональностью: описываемые предметы, действия или состояния сопровождаются эпитетами, создающими цветосветовые эффекты, звуковой фон, осязательные и обонятельные характеристики. Цель данной статьи состоит в рассмотрении передачи чувственного восприятия мира в бунинских рассказах и в определении того, характерен ли для бунинских переводов французской поэзии тот же сенсуализм, который встречается в оригинальных произведениях И.А. Бунина.

О способности И.А. Бунина ощущать и отображать в своем творчестве чувственное восприятие мира пишут многие литературоведы и языковеды. Так, например, А.Т. Твардовский писал: «По части красок, звуков и запахов, «всего того, – выражаясь словами Бунина, – чувственного, вещественного, из чего создан мир», предшествующая и современная ему литература не касалась таких, как у него, тончайших и разительнейших подробностей, деталей, оттенков» [Твардовский, с.30]

Чтобы продемонстрировать средства чувственной передачи реальности, обратимся к рассказам цикла «Темные аллеи». Наш выбор обусловлен тем, что сам Бунин считал эту книгу лучшим из всего того, что он создал.

Рассказы цикла «Темные аллеи» написаны Буниным в иммиграции (1938–1943 гг.). Основными темами рассказов стали темы любви и смерти, которые зачастую переплетаются. Эти темы звучат особенно сильно через боль жизни на чужбине, тоску по родине. Все произведения И.А. Бунина, написанные во Франции, пронизаны ностальгией. А. Макин, известный современный французский писатель и исследователь творчества И.А. Бунина, выделяет «ностальгизацию» как основной поэтический прием его

произведений [Makine]. Представляется, что во многом данный прием реализуется именно через повышенный сенсуализм бунинских текстов.

И.А. Бунин много работал над стилем, особенно в иммиграции, Стилистической особенностью рассказов цикла «Темные аллеи» является тот факт, что их пространственно-временные рамки материально незначительны, основное внимание сконцентрировано на эмоции, чувстве, ощущении, даже мимолетном взгляде или небольшой реплике. Сенсуализм Бунина связан с неким философским отношением в миру. По мнению Бунина, человек затерян в прекрасном, но непонятном, запутанном мире. Писатель убежден, что невозможно изменить ни человеческие отношения, ни сам мир. Ценность жизни, по Бунину, состоит в понимании чувственной красоты мира: его цветов, звуков, запахов. Именно поэтому чувственное описание деталей имеет такую важность в стиле автора. Именно в этой чувственной радости, в осознании красоты мира во всех его мельчайших аспектах И.А. Бунин видел победу жизни над смертью и сам смысл человеческого существования [Hauchard, с. 819].

Сборник «Темные аллеи» представляет собой вершину бунинских исканий стиля. Мы встречаем здесь в самых различных комбинациях сочетания слов со значением цвета, звука, температуры, объема, запаха. Приведем несколько примеров:

Все время дождь, кругом сосновые леса. То и дело в яркой синеве над ними скопляются белые облака, высоко перекачивается гром, потом начинает сыпать сквозь солнце блестящий дождь, быстро превращающийся в душистый сосновый пар... Все мокро, жирно, зеркально... (Бунин, с. 26)

...под лампой блестел ровный загар ее руки, сияли сине-зеленые усмехающиеся глаза и красновато отливали каштаном густые и мягкие волосы (Бунин, с. 121)

Эти чувственные аспекты позволяют писателю воссоздать полифонический образ России и будто предлагают путешествие на родину, возвращение к прошлому, по сути, сохранение памяти:

Над Москвой было еще светло, зеленело к западу чистое и прозрачное небо, тонко сквозили пролетами верхи колоколен, но внизу, в сизой морозной дымке, уже темнело и неподвижно и нежно сияли огни только что зажженных фонарей» (Бунин, с. 107).

Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях; на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашенок, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне. Скрипя в тишине по снегу, мы вошли в ворота.... (Бунин, с. 203).

У Бунина чувственные аспекты человеческой жизни не имеют ценностной иерархии. Мельчайшая деталь – запах, цвет, звук, вкус – достойна быть подчеркнутой, оцененной, поскольку является чувственным переживанием. Именно поэтому мы встречаем в рассказах о любви много описаний кушаний и блюд:

...она любила расстегай с налимьей ухой, розовых рябчиков в крепко прожаренной сметане... обедала и ужинала с московским пониманием дела (Бунин, с. 199).

В представленных выше примерах мы наблюдаем синкретическое представление ощущаемого мира. Действительно, как неоднократно отмечали исследователи, синестезия (совмещение при восприятии ощущений разных органов чувств) представляет собой неотъемлемый компонент художественного мышления И.А. Бунина [Никитина; Фененко, с. 95].

При анализе языковых аспектов создания чувственных образов следует отметить особую любовь И.А.Бунина к составным эпитетам, повторам и оксюморонам:

Заколдованно-светлая ночь, бесконечно-безмолвная, с бесконечно-длинными тенями деревьев на серебряных полянах, похожих на озера. (Бунин, с. 27)

В тонком холодке вечернего воздуха сильно пахло сладким цветом груш, молочно белевших своей белой густотой в юго-восточной части сада на ровном и от этой млечности матовом небосклоне, где горел один розовый Юпитер (Бунин, с. 140)

Интересно проследить, использует ли Бунин те же самые приемы, выступая в качестве переводчика. Обратимся к переводам стихотворений Леконта де Лиля. Наш выбор обусловлен тем, что характерными чертами поэзии этого французского автора, одного из основателя Парнасской школы, являются особая глубина и образность.

Характеризуя переводческую работу Бунина, Н. М. Любимов относит его к тем переводчикам, которые «выбирают для перевода близких себе и

по духу, и по видению мира, и по обращению со словом поэтов» и для которых оригинальная поэзия и переводы – «две ипостаси единой сути» [Цит.по: Сапожникова].

Одним из наиболее ярких творений Леконта де Лиля является стихотворение «Золотой диск» (L'Orbe d'or), в котором поэт рисует меланхоличную картину южного заката.

L'Orbe d'or

L'orbe d'or du soleil tombé des cieux sans bornes
S'enfonce avec lenteur dans l'immobile mer,
Et pour suprême adieu baigne d'un rose éclair
Le givre qui pétille à la cime des mornes.
Le vent des hauts, le long des ravins emplis d'ombres,
Où les oiseaux siffleurs viennent de s'assoupir.
Parmi les caféiers et les cannes mûries,
Les effluves du sol, comme d'un encensoir,
S'exhalent en mêlant dans le souffle du soir
A l'arôme des bois l'odeur des sucreries.
Une étoile jaillit du bleu noir de la nuit,
Toute vive, et palpite en sa blancheur de perle;
Puis la mer des soleils et des mondes déferle
Et flambe sur les flots que sa gloire éblouit.
Et l'âme, qui contemple, et soi-même s'oublie
Dans la splendide paix du silence divin,
Sans regrets ni désir, sachant que tout est vain,
En un rêve éternel s'abîme ensevelie.

Стихотворение отличается особенной сенсуальностью, которая реализуется за счет слов и сочетаний, передающих чувственное восприятие реальности различными органами чувств: d'or (золотой¹), s'enfonce avec lenteur dans l'immobile mer (медленно погружается в неподвижное море), baigne d'un rose éclair (омывает розовым блеском), givre qui pétille (искрящийся иней), languissant soupir (томный вздох), ravins emplis d'ombres (овраги, наполненные тенями), tamariniers sombres (темные тамаринды), oiseaux siffleurs (свистящие птицы), effluves (пары), encensoir (кадило с ладаном), s'exhalent (источают запах), souffle du soir (дыхание

¹ Здесь и далее – перевод наш. Н.Тарасова

вечера), *arôme des bois* (аромат лесов), *odeur des sucreries* (запах сладостей), *jaillit du bleu noir* (брызжет из черной синевы), *palpite en sa blancheur de perle* (трепещет в жемчужной белизне), *soleil* (солнце), *flambe* (зажигает), *éblouit* (ослепляет), *paix du silence divin* (покой божественной тишины).

Здесь наблюдается столь характерная для бунинских описаний синестезия.

Далее представим перевод данного стихотворения И.А. Буниным:

Золотой диск

*Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни,
Погружается медленно в тихое лоно зыбей
И, прощаясь с землей, сыплет розовым блеском лучей,
В гребнях гор золотит, зажигает сверкающий иней.
Грустно ветер вздыхает и веет с далеких высот,
Стелет длинные тени в оврагах и влажных долинах,
Тамаринды колышет, и в темных, угрюмых вершинах,
Где гнездились птицы, и сон и покой настает.
И дыханье земли, как священных кадильниц дыханье,
Средь кофейных деревьев и в чаще густых тростников
Разливаясь, сливается с свежим дыханьем лесов,
С ароматом плантаций в глубоком вечернем молчанье.
Вот звезда задрожала жемчужной своей белизной,
В синем мраке ночном, как живая, горит величаво —
И пылают в волнах, ослепленных небесною славой,
Мириады светил, мириады огней над землей.
И душа, забываясь в молчании ночи всецельной,
Созерцая и мир, и величье ее красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
В вечный сон погружается, — в саван могильный.*

В переводе различными средствами компенсируются почти все лексические элементы оригинала, служащие передаче характерных черт образа природы [Сапожникова]. Обратим особое внимание на передачу чувственных ощущений. И. Бунин передает их с поразительной точностью, верностью оригиналу: *диск золотой, лазурная пустыня, тихое лоно, розовый блеск лучей, сверкающий иней, в темных вершинах, кадильниц дыханье, свежее дыханье лесов, с ароматом плантаций в глубоком*

вечернем молчанье, в синем мраке ночном, ослепленные волны, мириады светил и т.д.

Любопытно, однако, что сенсуальность бунинского перевода усилена за счет лексических добавлений, дополняющих чувственные образы оригинала. Эти добавления возможны за счет того, что И.А. Бунин заменяет александрийский стих Леконта де Лиля пятистопным анапестом. По мнению О.С. Сапожниковой, переводчик производит это удлинение (редкое в поэтической практике) для того, чтобы подчеркнуть поэтическое своеобразие оригинала: удлинение ударных гласных, ассонанс носовых звуков, явлений, невозможных в русском языке, при создании плавности интонации в переводе [Сапожникова].

В свой перевод И.А. Бунин добавляет следующие лексемы чувственно ощущаемой семантики: *лазурная пустыня, золотит, зажигает, влажные (долины), угрюмые (вершины), густые (тростники), свежее (дыханье лесов), глубокое (вечернее) молчанье, (звезда) горит, мириады огней*. Слова *дыханье* и *мириады* повторяются дважды. Лексических потерь всего две – *oiseaux siffleurs (свистящие птицы)*, *odeur des sucreries (запах сладостей)*.

Рассмотренное стихотворение является ярчайшим примером воплощения И.А. Буниным творческой установки на чувственное отображение мира, в данном случае, в переводе.

В переводе другого стихотворения Леконта де Лиля – «Усопшему поэту» – при удивительной верности оригиналу можно отметить наличие двух добавлений, которые передают чувственные ощущения. Это прилагательные *холодный* и *горький*.

Как видим, И.А. Бунин реализует сенсуализм своего стиля через особые художественные приемы не только в оригинальных текстах, но и в переводческих работах. Это подтверждает идею о том, что сенсуализм в произведениях И.А.Бунина является не просто философской установкой на выразительность, а своеобразным кодом к пониманию мира, человека, места и времени.

Библиографический список

1. *Никитина Т.Э.* Синестезия как художественный прием в произведениях И.А. Бунина // Язык. Культура. Коммуникация. 2015. № 1 (3). <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/273/400>
2. *Сапожникова О.С.* И.А. Бунин – переводчик Леконта де Лиля // Тетради переводчика. Москва, 1981. Вып. 18. С. 16-24. <https://md-eksperiment.org/post/20181102-i-a-bunin-perevodchik-lekonta-de-lilya>
3. *Твардовский Т.А.* О Бунине // Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 томах / под общ. ред.: А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского ; вступ. ст. А. Т. Твардовского. М., 1965. Т. 1. С. 7–49.
4. *Фененко Н.А.* Семантическая синестезия в тексте оригинала и перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 94-99.
5. *Hauchard C.* (1993). « La prose de I.A. Bounine de 1920 à 1953 : la reconstruction d'une oeuvre. » Revue des études slaves. Vol. 65, n° 4, 817-820. https://www.jstor.org/stable/43270109?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 27.10.2020)
6. *Makine A.* La prose d'Ivan Bounine : la poétique de la nostalgie // Revue des études slaves. 1992. Т. 64. Р. 711 – 712. https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1992_num_64_4_6087

Список источников примеров

1. *Бунин И.А.* Темные аллеи // Бунин А.И. Собр. соч., т. 4. М.: Изд-во «Правда», 1988. С. 5–222.
2. "Все речи я сберег в душевной глубине...". Жемчужины мировой поэзии в переводах Ивана Бунина / [сост. Ю. Г. Фридштейн; вступ. ст. Варлама Шаламова]. Москва: Центр книги Рудомино, 2013. С. 20-21.

Древняя Русь в поэзии И.А. Бунина

Рассуждая о поэзии И.А. Бунина, О. Михайлов справедливо назвал ее «глубоко национальной» [Михайлов, с. 17]. По наблюдениям исследователя, «в пору расцвета творчества Бунина в его лирику особенно широко вторгается стихия крестьянского фольклора, устной народной поэзии» [Михайлов, с. 17]. Но, вместе с тем, особенное влияние на лирику И.А. Бунина оказывает древнерусская литература – в его стихотворениях появляются образы, истоки которых обнаруживаются в летописях, житиях русских святых, «Слове о полку Игореве».

Стихотворения И.А. Бунина, в которых получили отражение мотивы, связанные с древнерусской литературой, можно разделить на несколько групп. Думается, первую из них составляют стихи, в которых появляются обобщенные образы, навеянные историей и мифологией Древней Руси. К ним относится, например, стихотворение «Горе», в котором И.А. Бунин воспроизводит суеверное, полуязыческое восприятие мира, свойственное средневековому человеку и описанное Ф.И. Буслаевым. Исследователь писал: «...Вся жизнь Древней Руси была проникнута поэзией. Отличительною чертою этого смутного состояния было суеверное убеждение в какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно, в быту житейском, в том или другом... случае жизни, может внезапно оказать свое необычайное действие» [Буслаев, с. 60]. В стихотворении «Горе» перед читателем предстает картина из древнерусской жизни: *«Меркнет свет в небесах. / Скачет князь мелкошьем, по топям, где сохнет осока»* (Бунин, с. 179). В стихотворении появляются символические образы зловещего болота, где можно погибнуть, черных еловых лесов и сороки, предвещающей несчастье. Топь, темнота и ели, которые в славянской мифологии связаны со смертью, заставляют читателя ощутить нарастающую тревогу князя, который мчится домой. Синтаксический рисунок стихотворения, короткие, рубленые предложения, каждое из которых заканчивается многоточием, создают образ усталого, задыхающегося от быстрой скачки князя, который все убыстряет и убыстряет ход коня, надеясь успеть к больному ребенку: *«Болен сын... Верно, хуже ему... / Ночь подходит... / А в лесу все темней, /*

А уж ночь настает... / Вот и терем...» (Бунин, с. 179–180). Образы стихотворения напоминают о смерти, и в конце текста становится ясным, что умер заболевший сын князя. Огни, которые видит в своем тереме герой стихотворения, не способны прогнать тьму, и последняя фраза: «Нагадала сорока» заканчивается не многоточием, а точкой. Усталый князь понимает, что опоздал и что ему ничего не дано изменить. Все стихотворение пронизано темой судьбы, которая предстает здесь по-язычески слепой, неумолимой. Князь даже не пытается молиться о спасении сына, поскольку все решает судьба, которую предвещают и сорока, и душа самого князя: *«Сердце недоброе чует»* (Бунин, с. 180).

В число подобных текстов входит и стихотворение «Курган» («Любил он ночи темные в шатре...»), посвященное витязю, погибшему в бою. Бунин не называет имени славного бойца, хотя можно догадаться, что речь идет о языческом воине, больше всего ценившем боевую славу. Простота, к которой стремится герой стихотворения, напоминает о князе Святославе. Воин из стихотворения «Курган» так же, как и знаменитый русский князь, любил «ночи темные в шатре» и погоню за врагом, пренебрегая роскошью, и, как и он, встретил смерть в бою, от руки кочевника. Первая строфа стихотворения заставляет вспомнить о «Слове о полку Игореве», где перед битвой князь Игорь слышит те же звуки, которые дороги герою стихотворения: *«...Волки грозу поднимают по оврагам; / Орлы клетом на кости зверей зовут...»* (Слово о полку Игореве, с. 58); *«И перед битвой волчье завыванье, / И коршунов на сумрачном бугре»* (Бунин, с. 108). Однако если в древнерусской повести эти звуки предвещают Игорю несчастье, в стихотворении И.А. Бунина они оцениваются положительно. Описывая бесстрашного воина, который бестрепетно принял смерть от стрелы скифа, И.А. Бунин заставляет читателя задуматься о смысле «славы древней были», которая сохранилась на протяжении столетий благодаря песням. Поэзия, словно курган, сохраняет *«печаль воспоминаний»*, и слава героя, имени которого поэт не называет, *«живет в веках»* (Бунин, с. 108). Смерть в бою почти желанна для героя стихотворения, ибо обеспечивает ему посмертную славу.

И.А. Ильин, исследуя творчество И.А. Бунина, отмечал, что он «с неумолимой честностью» открывает своим читателям «некое темное лоно, гнездо инстинкта во всей его первобытности, остроте, необузданности и

бездуховности» [Ильин, с. 252]. В этом стихотворении получает отражение именно языческое мироощущение, языческая забота «о своей славе и славе рода», ибо «подвиги и добыча питали “душу рода”, увеличивали его счастье и внутреннее благополучие» [Гуревич, с. 165]. Почти языческим мироощущением проникнуто и стихотворение «После битвы», также посвященное смерти воина, который, умирая, припадает к земле и полностью сливается с природой. Однако здесь, в отличие от стихотворения «Курган», нет даже намека на посмертную славу воина, ради которой стоило пожертвовать жизнью. Рядом с окостеневшим телом бойца также возвышается курган, но он принадлежит другому, неведомому человеку. Вместо песен о славе «после битвы» воина ждет мертвое, равнодушное молчание природы. Эпитеты «*нагие*» (поля), «*мертвая*» (трава), «*жесткий*» (курган), «*тяжелая*» (голова), «*осенняя*» (сушь) позволяют И.А. Бунину создать картину бесплодной, мертвой степи, которой безразлична гибель человека. Сам он также встречает смерть буднично и просто: «*Воткнув копье, он сбросил шлем и лег*» (Бунин, с. 123). В этих стихах звучит мысль о первобытной, всепоглощающей природе, частью которой являются и человек, и муравьи, деловито копошащиеся в его волосах, и жаркий южный ветер, и мертвая трава – ковыль.

Образ ковыля создается в одноименном стихотворении И.А. Бунина, которому предпослан эпитафия из «Слова о полку Игореве». В первой части стихотворения поэт прибегнул к стилизации: она написана белым хореем, заставляющим вспомнить о ритмизованной прозе «Слова о полку Игореве». В стихотворении появляются образы, соответствующие «Слову о полку Игореве»: заря, синий Дон, волки и орлы, поникшая трава. В стихотворении появляется образ безмолвной степи, по которой когда-то шло войско Игоря и в которой нашли свое упоение многие воины. Над ней не слышно песен о славных подвигах. Лишь ковыль «*бежит-звенит старинной былью*» (Бунин, с. 61), напоминая о былом, лишь равнодушная природа властвует там, где когда-то разворачивались события русской истории. В создании смыслового пространства стихотворения играет важную роль концепт «сон» – упоминаются «*сладкий сон трав*», «*сонливый ковыль*», «*глубоко спящие полки*». Безмолвная степь с немymi могилами, в которых спят воины, также кажется спящей. И.А. Бунин

показывает: битвы навеки затихли, все овеяно сном. Славные когда-то подвиги стали далеким воспоминанием, почти сновидением.

Таким образом, в вышеупомянутых стихотворениях древнерусские мотивы и образы используются для создания пространства, в котором царствует равнодушная природа, в котором человек не обладает властью и вынужден подчиняться слепой судьбе, а любые подвиги стираются неумолимым временем. Однако можно выделить и другую группу стихотворений поэта с ярко выраженным эпическим началом, где Бунин активно использует образы летописей и житийной литературы, даже прибегая к стилизации, и где благодаря этому создается несколько иное мироощущение. Так, в стихотворении «Святой Прокопий» И.А. Бунин, по замечанию А.А. Боровской, имитирует былинный стих (Бунин, с. 306). Исследователь указывает на многочисленные средства стилизации: устаревшие грамматические формы «*бысть*», «*померзаху*», «*отыде*», «*обрете*», «*Юроде*»; славянизмы «*человецы*»; неполногласия «*мраз*», «*храминам*». В стихотворении говорится об эпизоде из жития святого Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого, который жил на паперти собора и однажды в страшный мороз пытался найти какое-то пристанище, но, изгнанный отовсюду, вынужден был вернуться на холодную паперть. Святой не смог найти убежище даже среди псов, которые разбежались от него. Однако конец стихотворения не соответствует эпизоду Жития. В стихотворении святой, «*отчаяв / Спасение себе*», *воскликает*: «*Пси и человецы – / Единое в свирепстве и уме*» (Бунин, с. 304). В Житии праведный Прокопий не отчаивается и не осуждает гонителей. После смиренной молитвы святого ему является ангел, спасающий его от холода. Однако стихотворение И.А. Бунина пронизано горечью и болью, и в нем нет даже намёка на спасение святого, страдающего от холода и бесприютности. Как отмечает А.А. Боровская, «мотивы “бездомности” и “бесприютности” героя прочитываются в контексте историософских мыслей поэта о судьбе России и наделяются пророческой семантикой» [Боровская, с. 306].

Той же тревогой о судьбе России и тем же ужасом проникнуто и созданное в том же 1916 году стихотворение «Сон епископа Игнатия Ростовского», эпиграфом к которому послужила цитата из летописи, в которой так говорится об одном из наиболее загадочных событий

истории Ростова: *«Осудил убо бе ... своего великого князя Глеба Василковичя Ростовскаго, уже по смерти за девять недель, и изрину его, поругана и безчестна, из церкви соборныя в полночь»* (Полное собрание русских летописей, с. 157-158). За это деяние святитель Игнатий понес наказание от митрополита, но впоследствии был прощен. Владыка, в действительности распорядившийся совершить перезахоронение тела, в стихотворении пытается помешать живым мертвецам, но *«Они идут... Глаза горят... Их много... / И ни один не обратился вспять»* (Бунин, с. 304). Плавный, торжественный шестистопный ямб, которым написано стихотворение, слова высокого стиля *«усыпальница»*, *«жезл»*, *«владыка»* делают еще более пугающей и отвратительной толпу безродных смердов-мертвецов, которые неумолимо выносят гроб князя из храма, несмотря на противостояние епископа. В заключительной строфе вновь используется тот же прием, что в стихотворении «Горе»: за короткими рублеными предложениями третьего стиха, каждое из которых заканчивается многоточием, что передает растерянность и ужас епископа, следует заключительное предложение, в конце которого поэт ставит не многоточие, а точку. Благодаря этому оно звучит особенно жестко и безнадежно. Князь изгнан смердами, которых ничто не может обратить вспять, даже молитва епископа.

Об изгнании князя идет речь и в стихотворении «Князь Всеслав», персонаж которого описан в летописях и упомянут в «Слове о полку Игореве». Всеслав Полоцкий, которого считали чародеем и вся жизнь которого была насыщена распрями с Ярославичами, был обманом схвачен и заточен в тюрьму в Киеве, а затем освобожден восставшей чернью. И.А. Бунин, без сомнения, хорошо знал об этом эпизоде русской истории, но в его стихотворении события предстают не совсем такими, как, например, в «Слове о полку Игореве», где повествуется о колдовских способностях Всеслава, рыскавшего волком в ночи и способного слышать звон полоцких колоколов в Киеве: *«Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано / у святой Софии в колокола, / а он в Киеве звон тот слышал»* (Слово о полку Игореве, с. 73-74). И.А. Бунин использует образы «Слова...», например, упоминая, что Всеслав *«лишь копьем дотронулся Стола»* (Бунин, с. 306). Однако князь из древнерусского памятника даже в далеком Киеве слышит звон родных полоцких колоколов, тогда как герой бунинского

стихотворения, напротив, в нелюбимом, постылом Полоцке мечтает о звоне киевской Софии.

Стихотворения «Святой Прокопий», «Сон епископа Игнатия Ростовского», «Князь Всеслав» отражают исторические эпизоды не совсем так, как они описаны в средневековых текстах. Используя образы древнерусской литературы, И.А. Бунин говорит о современных ему событиях. Три стихотворения, в каждом из которых появляются различные персонажи, объединены темой *«жестокости жребия»* (Бунин, с. 306) – изгнания: святого Прокопия гонят отовсюду, князя Глеба, вопреки воле епископа, выносят из храма, князь Всеслав Полоцкий изгнан из Киева. Бунина тревожит *«жестокость людская»* (Бунин, с. 306), *«свирепство»* (Бунин, с. 304), делающее людей подобными псам, он предвидит появление толпы непреклонных, жестоких смердов, которые изгонят князя. Обращение к средневековой истории и литературе отражает восприятие событий, происходивших в жизни современной поэту России как суда Божьего. В «Слове о полку Игореве» эпизод, связанный с князем Всеславом, кончается словами: *«Ни хитрому, / ни умелому, / ни птице умелой / суда Божьего не миновать»* (Слово о полку Игореве, с. 74). Далее автор «Слова...» восклицает: *«О, стонать Русской земле, / вспоминая первые времена / и первых князей!»* (Слово о полку Игореве, с. 74). Разумеется, обращаясь к эпизоду, связанному с князем Всеславом, поэт вспоминает строки «Слова о полку Игореве». Стихи И.А. Бунина представляют собой именно горькие воспоминания о далеких *«первых временах»* Древней Руси, о родной истории, ход которой невозможно изменить. С одной стороны, люди в своей свирепости не хотят прислушаться ни к мольбам святого, ни к голосу епископа, ни к своей совести: *«Князю был жестокий уготован / Жребий, по жестокости людской»* (Бунин, с. 306). С другой – в том, что происходит, ощущается воля Бога, которую нельзя изменить. Таким образом, стихотворения этой группы также пронизаны ощущением присутствия неумолимой судьбы. Однако, в отличие от характерного для стихов первой группы полуязыческого ощущения мира как некоего космоса, равнодушного к жизни и смерти людей, к их подвигам и бедам, в поздних стихотворениях И.А. Бунина звучит скорбная уверенность в том, что кара, которая суждена людям, заслужена их жестокостью.

В поэзии И.А. Бунина обнаруживаются связи с древнерусскими летописями, со «Словом о полку Игореве», в меньшей степени с Житиями русских святых. Однако, даже прибегая к стилизации, поэт по-своему переосмысливает эти тексты, так что эпизоды средневековой истории и литературы предстают в его стихах преображенными, не такими, как на страницах старинных книг. Однако древнерусские мотивы и образы позволяют поэту выразить свое миропонимание, создать образ Вселенной, законы которой человек не властен изменить, выразить свою тревогу о судьбе России и боль об уходящем навсегда прошлом.

Библиографический список

1. *Боровская А.А.* Песенная традиция в лирике И.А. Бунина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. №4(45). С. 306-308.
2. *Буслаев Ф.И.* О народной поэзии в древнерусской литературе // О литературе: Исследования. Статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 30-113.
1. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Древние германцы. Викинги. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.
2. *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 6. М.: Русская книга, 1996. С. 184-406.
3. *Михайлов О.Н.* Путь Бунина-художника // Литературное наследство. 1973. Т. 84. С. 7-56.

Список источников примеров

1. *Бунин И.А.* Стихотворения. Переводы // Бунин И.А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. 687 с.
2. Полное собрание Русских летописей. Том. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.

3. Слово о полку Игореве / Вступит. статья Д.С. Лихачева; сост. и коммент. Л. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1983. 222 с.

В.А. Щукина

Ольфакторная картина мира в творчестве И.А. Бунина

Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) всегда отличался особой тонкостью мировосприятия, познавал жизнь во всём многообразии оттенков цвета, звуков и запахов. В стихотворении «Звёзды ночью весенней нежнее...», написанном в 1898 году, он признался:

*Радость жизни во всём я ловлю –
В звёздном небе, в цветах, ароматах...*

В своём дневнике Иван Алексеевич сделал интересную запись от 22 января 1922 года: «Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду – и как остро. Боже мой, до чего остро, даже больно!» [Бунин, 1922]. Такая склонность к синестезии помогала И.А. Бунину находить общий язык с мастерами живописи (его близкими друзьями были художники П.А. Нилус и Е.И. Буковецкий) и музыкантами (достаточно вспомнить о его общении с композитором С.В. Рахманиновым).

В своём творчестве Иван Алексеевич воссоздал мир именно таким, каким его видел и чувствовал. На это обратил внимание ещё К.Г. Паустовский, отметив, что в произведениях И.А. Бунина «краска даёт запах, свет даёт краску, а запах восстанавливает ряд удивительных картин» [Паустовский, с. 534].

Более всего Ивана Алексеевича завораживал мир ароматов. Не случайно в его дневниковых записях даже тяжёлого военного периода постоянно присутствует описание цветов, их запаха: «Дерево на нижней площадке – розовые цветы, коричневые листья. Зацвело грушевое дерево, яблоня – самое прелестное. Цветут левкой. Букет у меня на столе. Несказанно очаровательное Благоухание» [Бунин, 1943]. Читая эту дневниковую запись от 3 апреля 1943 года, важно обратить внимание на

то, что И.А. Бунин особо выделяет существительное «благоухание», используя прописную букву. Писатель отмечал, что для него *«прекраснее цветов и птиц в мире ничего нет»* [Бунин, 1942].

Рассмотрим подробнее, какими средствами создаётся ольфакторная картина мира в художественных текстах И.А. Бунина.

1) Ольфакторная образность.

Прежде всего, запахи в творчестве И.А. Бунина призваны создавать образы, доносить их до читателя.

Так, образ Родины ассоциируется с ароматом берёз и хлеба: *«Я дышал этой берёзовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России»* (Бунин, 2018, с. 210). Однако так пахнет Родина близкая и любимая. Древняя *«Русь киевских князей, медведей, лосей, туров»*, которую Иван Алексеевич описывает в стихотворении *«Край без истории»* (1916), завораживает и пугает необычным запахом: *«остро, сыро и пряно пахнет глушь»*. Революционная же Россия источает зловоние *«скотской толпы»* (Бунин, 2018, с. 133) и грузовиков, воплощающих *«всю грубость современной культуры»* (Бунин, 2018, с. 140).

Образ уездного города для И.А. Бунина оказывается неразрывно связанным с запахами сена и дёгтя: *«запах сена, дёгтя и опять всего того сложного и пахучего, чем пахнет русский уездный город»* (Бунин, 2020, с. 149).

Образ деревни создаётся целым комплексом своеобразных ароматов: *«Мы, выросшие в поле, чуткие к запахам, жадные до них не менее, чем до песен, преданий, навсегда запомнили тот особый, приятный, конопляный какой-то запах, что ощущали, целуясь с суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли их подарки: мёд – цветущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца – пуньками, курными избами времён дедушки»* (Бунин, 1990, с. 130).

Интересно, что один из важнейших и сложнейших образов в своём творчестве – образ старинной дворянской усадьбы – И.А. Бунин создаёт подобно парфюмерной композиции. В качестве верхних нот, вступления аромата представлены запахи дыма и сада: *«На душе становится так тепло и отрадно, когда замелькают огоньки Выселок и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья»* (Бунин, 1990, с. 14); *«Грудь <...> широко*

дышит резким воздухом зари и запахом озябшего за ночь, обнажённого сада» (Бунин, 1990, с. 14).

В сердце аромата – запахи *«старой мебели красного дерева»* [Бунин, 1990, с. 8] и книг, которые пахнут *«какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами»* (Бунин, 1990, с. 12).

Базовые ноты, шлейф – это, конечно, аромат антоновских яблок: *«Войдёшь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие»* (Бунин, 1990, с. 8).

В своих поэтических текстах И.А. Бунин создаёт также ольфакторные образы времён года. Весной *«веет черёмухой»* («Всё темней и кудрявей берёзовый лес...», 1900), ощущается *«горький дух лозины молодой»* («За рекой луга зазеленели...», 1893) и *«молодой грозы благоуханье»* («Гроза прошла над лесом стороною...», 1901). Лето отличается наиболее яркой парфюмерной палитрой. В стихотворении «Детство» (1906) Иван Алексеевич выделяет *«сухой смолистый аромат»* как доминирующий запах *«зноя и сухости солнечного лета»*. Его дополняет благоухание *«жаркой крапивы»* («Дедушка в молодости», 1916), мёда («Гаснет вечер, даль синее...», 1892), ржи («Как дымкой даль полей закрыв...», 1889). Осень имеет *«осинников поблёкших аромат»* («В степи», 1889), а также *«грибами пахнет и листвою»* («Ещё от дома на дворе...», 1892). При этом запахи ассоциируются с жизнью в целом. Именно поэтому зима – период, когда природа умирает, оказывается единственным временем года, лишённым аромата: ощущается только *«морозное дыхание метели»* («Морозное дыхание метели...», 1901).

Все эти сезонные запахи у И.А. Бунина связаны с Россией. Однако в своих поэтических текстах он воспроизводит и ароматы других, в основном, южных стран и городов. Например, так создаётся образ Сицилии:

*Вода у скал, где крепко треплет свежий,
Солёный ветер листьями маслин
И на ветру благоухает тмин*
(«В Сицилии», 1912).

А это уже Ближний Восток:

*Нежные, как девушки, мимозы
Льют над ним узор своих ветвей,*

*И цветут, благоухают розы
На кустах, где плачет соловей
(«Гробница Сафии», 1903).*

Тем не менее, для Ивана Алексеевича «заморские цветы», несмотря на то, что «нежны и сладки их тонкие запахи / листья и стебли полны красоты», никогда не заменят «скромных сестёр и братьев» с российских полей:

*Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни
(«Полевые цветы», 1887).*

2) Ольфакторная память.

В своём творчестве И.А. Бунин отражает также связь между запахами и воспоминаниями, что сближает его с модернистом Марселем Прустом (1871-1922) – автором знаменитого многотомного романа «В поисках утраченного времени» (1913-1922).

Обстоятельства их биографий, пусть и совершенно различные, привели к похожему мировосприятию, которое нашло отражение в литературных произведениях. Дело в том, что судьба этих писателей была омрачена грандиозным потрясением, лишившим их привычной жизни. Для М. Пруста такой катастрофой стала болезнь – сильнейшая астма, заставившая его навечно заключить себя в комнате, обитой пробковым деревом. С этого момента никакой шум снаружи не проникал в кабинет. Единственной реальностью для него оказались воспоминания. Для И.А. Бунина своеобразной пробковой комнатой стала эмиграция. Он постоянно мысленно возвращался к жизни в той России, которой больше не существовало. Память так же заменила ему реальность.

Сам Иван Алексеевич замечал общие черты между своими художественными текстами и произведениями французского писателя. По воспоминаниям А.В. Бахраха, И.А. Бунин «как-то ошаршил <...> словами о том, что в некоторых главах «Жизни Арсеньева» есть <...> немало мест совсем «прустовских», хотя это влияние на него Пруста неискушённому читателю малоприметно» [Бахрах, с. 125].

Действительно, оба автора акцентируют внимание на том, как запах рождает воспоминание. К примеру, для героини повести И.А. Бунина «Суходол» (1912) Наталья аромат знакомых усадебных цветов воссоздаёт в памяти все радостные моменты детства и юности: *«Во всём, во всём – и особенно в запахе цветов – чувствовалась часть её собственной души, её детства, отрочества, первой любви»* (Бунин, 1990, с. 162).

Причём далеко не всегда воспоминания о счастливых днях оказываются связанными с прекрасными ароматами, иногда это резкие, даже отталкивающие запахи. Однако парадоксальным образом они вызывают желание слышать их снова и снова, поскольку способны воскресить радостные чувства. Так, в «Митиной любви» (1925) о беззаботной жизни в столице заставляет вспомнить неприятный запах паровозного дыма: *«запах паровозного дыма потряс его счастьем воспоминания о Курском вокзале и вообще о Москве»* (Бунин, 2020, с. 122).

Следует акцентировать внимание также на том, что И.А. Бунин, в отличие от М. Пруста, описывает в своих произведениях и обратный процесс – способность воспоминания воссоздать аромат. Так, в повести «Суходол» Наталья, увидев знакомое зеркало, не только переживает заново прежние чувства, но и слышит знакомый запах, связанный с днями юности: *«увидала роковое зеркальце в серебряной оправе – и сладостно прихлынули к её сердцу все её прежние страхи, радости, нежность, ожидание стыда и счастья, запах росистых лопухов на вечерней заре»* (Бунин, 1990, с. 163).

3) Ольфакторные ассоциации.

Отдельного внимания заслуживает выделение в произведениях И.А. Бунина ассоциативной связи между подчас необычными ароматами и чувством любви к той или иной женщине. Например, для главного персонажа повести «Митина любовь» запах перчатки становится олицетворением влюблённости в Катю: *«Вот этот запах перчатки – разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело?»* (Бунин, 2020, с. 98).

В романе «Жизнь Арсеньева» (1927-1929) И.А. Бунин описывает, как аромат душистого табака всю жизнь напоминает Алексею о мимолётной влюблённости в хорошенькую незнакомку: *«Перед раковиной, на площадке, бил среди большого цветника, орошая его прохладным водяным*

дымом, раскидистый фонтан, и мне навсегда запомнилась его свежесть и прохладный, очаровательный запах обрызганных им цветов, которые, как я узнал потом, назывались просто «табак»: запомнились потому, что этот запах соединился у меня с чувством влюблённости, которой я впервые в жизни был сладко болен несколько дней после того. Это благодаря ей, этой уездной барышне, я до сих пор не могу без волнения слышать запах «табака» (Бунин, 2003, с. 63). А любовь к Лизе Бибиковой для Алексея Арсеньева оказывается связанной уже с другими ароматами – запахами лета – времени, когда они познакомились и общались друг с другом: *«Так навсегда и соединилась для меня Лиза с этими первыми днями купанья, с июньскими картинками и запахами, – жасмина, роз, земляники за обедом, этих прибрежных ив, длинные листочки которых очень пахучи и горьки на вкус, тёплой воды и тины нагретого солнцем пруда»* (Бунин, 2003, с. 120).

В некоторых произведениях И.А. Бунина указание на запах подчёркивает контраст между описываемыми явлениями, обозначает разницу в мировоззрении персонажей или указывает на смену мировосприятия одного героя. Яркий пример – рассказ «Муза» (1938), входящий в сборник «Тёмные аллеи» (1937-1945). Повествователь, снимающий комнату рядом с московской «Прагой», долгое время замечает лишь один отталкивающий запах – изо дня в день *«кисло воняет пивом и газом в тускло освещённом ресторане»* (Бунин, 2003, с. 290). Его скучная и неприятная жизнь будто бы пропитана им. Знакомство с Музой Граф меняет судьбу рассказчика, становится глотком свежего воздуха: *«От неё <...> свежо пахло воздухом, и меня волновал этот запах»* (Бунин, 2003, с. 291). В этом случае контраст создаётся как при помощи семантики глаголов «вонять» – «пахнуть», так и указанием на саму природу запаха: удушающие запахи пива и газа в замкнутом пространстве ресторана противопоставляются аромату свежести, который присущ воздуху – необходимому источнику жизни.

Таким образом, в творчестве И.А. Бунина запахи создают целый мир – образов, воспоминаний и чувств. Его «чуткость к запахам» через художественные тексты передаётся читателю, помогая воспроизвести ольфакторную картину мира писателя. Произведения И.А. Бунина, по точному замечанию К.Г. Паустовского, *«рождают особое душевное*

состояние сосредоточенности, светлой грусти, лёгкости жизни с её тёплыми ветрами, шумом деревьев, беспредельным гулом океана, милым смехом детей и женщин» [Паустовский, с. 534].

Библиографический список

1. *Бахрах А.В.* Бунин в халате // Бунин в халате. По памяти, по записям. М.: ПРОЗАиК, 2018. С. 17-191.
2. *Паустовский К.Г.* Иван Бунин // Бунин И.А. Митина любовь. Роман. Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2020. С. 526-542.

Список источников примеров

1. *Бунин И.А.* Антоновские яблоки: Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1990. 256 с.
2. *Бунин И.А.* Дневник 1922 года. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-14.htm>
3. *Бунин И.А.* Дневник 1942 года. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-19.htm>
4. *Бунин И.А.* Дневник 1943 года. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-20.htm>
5. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи. М.: Дрофа, 2003. 510 с.
6. *Бунин И.А.* Митина любовь. Роман. Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2020. 544 с.
7. *Бунин И.А.* Окаянные дни // Окаянные дни: дневник, статьи, воспоминания. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 90-251.

**РАЗДЕЛ 2. РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ: ОТ
ЛОМОНОСОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ (МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
18-20 НОЯБРЯ 2021 Г.)**

Н.В. Багрецова

О профессиональной компетенции технических переводчиков

Технический перевод – широко востребованная на сегодняшний день сфера профессиональной деятельности, которой занимаются технические переводчики. Согласно статистическим данным, озвученным на одной из недавних переводческих конференций, «до 80% всех переводимых в мире текстов относятся к технической литературе» [Троицкий]. В течение последних нескольких лет в европейских странах происходит активная разработка национальных систем квалификаций, направленных на упорядочение существующего разнообразия форм образования и обучения [The European Qualifications Framework, p.1]. Идет эта работа и в России.

Данная статья рассматривает ключевые требования к представителям профессии технического переводчика, отражающие ее специфику, с позиций утвердившегося в отечественной и мировой образовательной системе компетентностного подхода и ФГОС ВО по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение (специалитет) от 12 августа 2020 г.

Начнем наши рассуждения с конкретизации понятия «технический перевод», поскольку оно может трактоваться максимально широко и отождествляться с переводом специальных текстов, не только инженерно-технических, но и медицинских, психологических, экономических и юридических [Sue Ellen, Leland Wright, p.1].

В более общепринятом, узком смысле слова, технический перевод понимается как разновидность специального, профессионально ориентированного перевода, а именно, как:

- письменный перевод текстов научно-технической и технической направленности, таких как: сопроводительная техническая документация на оборудование и приборы; их спецификации, инструкции по

производству, монтажу / демонтажу установок; руководства по эксплуатации, техническому обслуживанию и ремонту машин, приборов, механизмов; научно-исследовательские и научно-технические статьи; описания экспериментов; пояснительные записки к техническим проектам; технические заключения; технико-экономические обоснования и пр.

- устный перевод устных выступлений производственно-технической и научно-технической направленности, как то: лекций, семинаров, производственных совещаний, презентаций, докладов на конференциях, симпозиумах, международных форумах, выставках, ярмарках и пр.

В рамках данной статьи будем трактовать технический перевод как психолингвистический процесс конверсии материалов из различных инженерных и технических областей с целью передачи информации технического характера с одного языка на другой. Отметим, что понятие «технический» в данном контексте связываем с точными науками, технологиями, инженерным делом. Примерами таких технических областей знания являются: архитектура, биотехнология, информатика, кораблестроение, космонавтика, материаловедение, механика, машиностроение, системотехника, химическая технология, электротехника, ядерная энергетика и др.

Вопросы, касающиеся профессиональной подготовки технических переводчиков, находятся в фокусе пристального внимания дидактики перевода для того, чтобы высшая школа могла обеспечивать должное качество переводческого образования, и, учитывая ожидания переводческой индустрии, удовлетворять ее потребностям квалифицированных специалистов.

Как известно, компетентностный подход ориентирован на подготовку выпускника, способного и готового к практической деятельности в выбранной профессиональной области. Преимуществом данного подхода является его технологичность, позволяющая моделировать квалификационные требования к результатам обучения на основе системы заданных компетенций.

Под компетенциями принято понимать ожидаемый результат образовательной деятельности, выраженный в категориях «знания», «умения», «навыки», «личные качества», «способности», «готовность», «привычки» и т.п. [Багрецова, с.29–31]. В целом любая компетенция

выступает в качестве «открытой системы процедурных, ценностно-смысловых и декларативных знаний, включающей взаимодействующие между собой компоненты, которые активизируются и обогащаются в деятельности по мере возникновения реальных, жизненно-важных проблем, с которыми сталкивается носитель компетенции» [Котлярова, с. 55]. Исследователи отмечают также мультидисциплинарный характер концепта «компетенция», поскольку его аспекты изучаются в различных дисциплинах. Так, психология занимается мотивационно-ценностной стороной компетенции. Педагогические науки рассматривают компетенции как один из определяющих терминов при разработке учебных программ. В социологии компетенция трактуется с точки зрения социальных норм и ответственности [Oktaу Eser, p.4].

Впервые вопрос о переводческой компетенции как цели обучения переводу поставил Комиссаров В.Н. Ученый дает характеристику особой языковой личности, которая формируется у переводчика и которая проявляется «во всех аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом» [Комиссаров, с. 19]. Исследователь описывает компоненты профессиональной компетенции переводчика; определяет основные умения, составляющие профессиональную технику переводческой работы; раскрывает содержание обучения переводу, определяемое задачей формирования указанной компетенции у обучающихся; представляет методику создания переводческих умений и навыков на основе переводческих упражнений, а также методику работы со связным текстом; перечисляет требования к преподавателю перевода, способному обеспечить эффективное обучение будущих переводчиков [Комиссаров].

Таким образом, переводческая компетенция по умолчанию является сложным, многогранным и многоаспектным понятием [Котлярова, с. 55], которое «в самом общем смысле понимается как способность переводить» [Pietrzak, p. 317], при этом, добавим, эффективно, качественно и ответственно выполняя данную высокоинтеллектуальную работу.

Сегодня высшие учебные заведения работают по ФГОС ВО с учетом профстандартов 3++. Согласно ФГОС ВО по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение (специалитет) с учетом профстандартов (3++) от 12 августа 2020 г., способность и готовность к переводческой

деятельности призван обеспечить набор сформированных компетенций трех видов:

1. универсальных,
2. общепрофессиональных,
3. профессиональных.

Универсальные компетенции – это так называемые soft skills, к которым, в соответствии с данным документом, относятся: системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов, командная работа и лидерство, коммуникация, межкультурное взаимодействие, самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение), безопасность жизнедеятельности, инклюзивная компетентность, экономическая культура, в том числе финансовая грамотность, гражданская позиция [ФГОС ВО].

К общепрофессиональным же компетенциям любого переводчика, а соответственно, в том числе и технического, согласно ФГОС ВО 2020, относятся:

ОПК-1. Способен применять знания иностранных языков и знания о закономерностях функционирования языков перевода, а также использовать систему лингвистических знаний при осуществлении профессиональной деятельности;

ОПК-2. Способен применять систему знаний о видах, приемах, стратегиях, технологиях и закономерностях перевода, а также требованиях, предъявляемых к переводу;

ОПК-3. Способен осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие на основе знаний в области географии, истории, политической, экономической, социальной, религиозной и культурной жизни стран изучаемых языков, а также знания об их роли в региональных и глобальных политических процессах;

ОПК-4. Способен работать с электронными словарями, различными источниками информации, осуществлять поиск, хранение, обработку и анализ информации, представлять ее в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий [ФГОС ВО]

Таким образом, дескрипторы вышеуказанных общепрофессиональных компетенций переводчика позволяют охарактеризовать их как следующие субкомпетенции:

1) ОПК-1: общелингвистическая; 2) ОПК-2: общепереводческая;

3) ОПК-3: межъязыковая и межкультурная; 4) ОПК-4: специальная цифровая.

Что касается профессиональной составляющей переводческой компетенций, то ее содержание, согласно ФГОС ВО 3++, должно определяться учебным заведением самостоятельно. При этом предлагается руководствоваться либо профессиональными стандартами из реестра Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации "Профессиональные стандарты" [Профессиональный стандарт], либо «на основе анализа требований, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники, иных источников» [ФГОС ВО]. Соответственно, профессиональная составляющая переводческой компетенции технического переводчика требует уточнения, и именно она будет в фокусе настоящей статьи.

Обратимся к источнику, к которому отсылает вузы ФГОС ВО 3++. Что касается профессионального стандарта «Специалист в области перевода», то Реестр Министерства труда и социальной защиты РФ дает описание трех так называемых «обобщенных трудовых функций» (ОТФ), для каждой из которых устанавливается соответствующий уровень квалификации, а также требования к образованию и обучению, а именно:

- 1) неспециализированный перевод;
- 2) профессионально ориентированный перевод;
- 3) управление качеством перевода.

Технический перевод входит в состав ОТФ «Профессионально ориентированный перевод» с наименованием получаемой профессии / специальности «Переводчик технической литературы».

В данном контексте обращает на себя внимание тот факт, что письменный технический перевод выделен как обособленная трудовая функция, а для устного технического перевода трудовая функция вообще

не выделена. Между тем, устные технические переводчики также широко востребованы на производстве и промышленном строительстве, поэтому видится, что задачей переводческих отделений должна быть подготовка универсального специалиста, максимально готового к любой работе в области технического перевода – как письменного, так и устного.

Поскольку лишь универсальные и общепрофессиональные составляющие переводческой компетентности определены вышеуказанными ФГОС ВО, необходимо конкретизировать профессиональный компонент переводческой компетенции технического переводчика.

Отличительной чертой технических текстов является их насыщенность техническими терминами, которые выступают в качестве точных, лаконичных и однозначно понимаемых носителей определенного инженерно-технического содержания. Технические термины, в свою очередь, подразделяются на общетехнические и узкоспециальные.

С дидактической точки зрения, общетехнические термины упрощенно можно трактовать как средства обозначения понятий, общих для различных инженерных и технических областей. Общетехнические термины кодифицированы и зафиксированы в общетехнических словарях. Приведем примеры таких терминов с переводом на английский Каталога ГОСТ РФ для международной коммуникации: *безотказность* – reliability; *ремонтпригодность* – maintainability; *восстанавливаемость* – recoverability; *долговечность* – durability; *готовность* – availability [Каталог ГОСТ, с. 9]. В данном каталоге все термины даны с их четкими определениями.

Узкоспециальные термины связаны со спецификой конкретной области инженерного дела или технической сферы и языком, обслуживающим ее. Специальные термины выступают в этих языках в качестве точных, лаконичных и однозначно понимаемых носителей определенного профессионального содержания, специальной смысловой технической информации. Терминология той или иной области знания определяется как организованный набор терминов или терминосистема. Специальные термины также кодифицируются и фиксируются в отраслевых технических словарях или глоссариях (одно-, дву-, трех- и даже многоязычных). Глоссарии, как правило, помимо перевода дают еще

и толкование терминов. В технических словарях часто приводятся примеры употребления терминов с комментариями. Специальные термины используются для стандартизации профессионального общения, чтобы уменьшить двусмысленность и повысить ясность в общении специалистов, избежать недопонимания. Приведем пример специальных терминов нефтегазового дела (английский-русский): a well – *скважина*, bottomhole – *забой*, hydraulic fracturing – *гидроразрыв пласта*, enhanced oil recovery – *методы повышения нефтеотдачи*, drilling rig – *буровая установка*.

Для того чтобы заниматься техническим переводом, переводчику необходимо обладать соответствующей терминологической компетенцией. Представляется, что терминологической компетенцией, объединяющей всех технических переводчиков, выступает общетехническая терминологическая компетенция. Вместе с тем технические переводчики чаще всего специализируются в одной или нескольких технических областях, каждая из которых имеет свою предметную специфику и собственный специальный язык с присущим ему понятийно-терминологическим аппаратом. Соответственно, помимо общетехнической терминологической компетенции, техническому переводчику нужна специальная терминологическая компетенция. При этом мы разделяем выводы исследователей о том, что для понимания терминов необходимо усвоить всю систему понятий данной отрасли знания [Суперанская, с. 67].

Поскольку технический переводчик оперирует двумя языками – исходным языком (source language) и языком перевода (target language), данные терминологические компетенции – общетехническая и специальная – должны быть билингвальными.

Таким образом, профессиональную компетенцию технических переводчиков можно представить как билингвальную терминологическую компетенцию, состоящую из двух компонентов: общетехнического и специального. Данная компетенция обеспечивает техническому переводчику способность понимать закодированный терминами смысл иноязычного технического дискурса, интерпретировать его, грамотно пользуясь терминологией.

Структура билингвальной терминологической компетенции может быть представлена в виде модели и описана на основе Европейской

системы квалификационной оценки специалистов (The European Qualification Framework), разработанной Советом Европы в качестве ориентира для национальных систем образования стран-участниц Болонского процесса. Россия, как известно, входит в число этих стран. Согласно концепции разработчиков вышеуказанной системы, каждая компетенция состоит из четырех составляющих:

1) когнитивная составляющая как совокупность теоретических, концептуальных и практических знаний;

2) функциональная составляющая как совокупность умений, навыков или знаний, позволяющих выполнять профессиональные функции;

3) личностная составляющая как знание норм поведения в той или иной ситуации;

4) этическая составляющая, предполагающая наличие определенных личностных и профессиональных ценностей [Transparent Competences].

Выделим данные составляющие в билингвальной терминологической компетенции переводчика. На основе анализа описания переводческих вакансий, размещенных на специализированных сайтах, требований и пожеланий работодателей к профессиональным компетенциям переводчиков, изложенных в статьях на сайтах агентств перевода, а также руководствуясь собственным многолетним опытом переводческой деятельности, представим свое видение данных составляющих.

Когнитивная составляющая билингвальной терминологической компетенции предполагает:

- наличие теоретических терминоведческих знаний;
- владение общетехнической и специальной терминологией (в определенной предметной области) в билингвальной номинации (на языке источника и языке перевода), т.е. знание значений терминов и конвенций их употребления в соответствующих контекстах в обоих языках (исходном и целевом);
- наличие общего представления о терминосистеме соответствующей технической области, ее размерах и структуре;
- обладание общетехническими и специальными техническими знаниями, обеспечивающими адекватность понимания смысла технических текстов;
- знание истинных и ложных друзей переводчика;

- знание видов и жанров технических текстов;
- обладание системой знаний о видах, приемах, стратегиях, технологиях и закономерностях технического перевода;
- знание национальных и международных традиций научно-технической коммуникации;
- осведомленность о существующих технических словарях, глоссариях и других источниках терминологической информации, включая электронные и онлайн ресурсы;

Функциональная составляющая билингвальной терминологической компетенции предусматривает:

- способность понимать смысл терминологически насыщенного технического дискурса в устной и письменной форме и выполнять соответствующий перевод с одного языка на другой;
- владение приемами перевода терминологических единиц для обеспечения их качественного и верного перевода;
- обладание умениями «технического писателя», т.е. способность точно, быстро, четко и полно (устно и письменно) передавать содержание технических и научно-технических текстов, грамотно оперируя при этом техническими терминами;
- умение создавать качественные, точные и функционально пригодные переводческие продукты, сходные с исходными материалами;
- владение стилем технической и научно-технической литературы;
- практическое владение различными видами перевода технических и научно-технических текстов: устным и письменным; последовательным, синхронным, с листа, подсинхронном / шушутажем (англ. whispering, т.е. нашептывание перевода одному – двум слушателям одновременно с речью говорящего); выборочным, обзорным, упрощенным, реферирующим и аннотирующим переводом;
- коммуникативная гибкость, умение адаптировать технический перевод в соответствии с запросом получателя информации;
- умение читать чертежи, схемы, графики, условные обозначения, формулы, диаграммы и т.д.
- умения и навыки использования специальных компьютерных программ автоматизированного перевода;

- способность быстро и эффективно находить релевантную информацию справочного характера в сети Интернет и других источниках;

- умения и навыки самокоррекции и саморедактирования.

Личностная составляющая билингвальной терминологической компетенции включает:

- готовность и способность обсуждать возникающие вопросы с техническими специалистами и более опытными коллегами для обеспечения должного качества перевода, его максимальной точности, находить и использовать для этого наработки переводческого сообщества;

- обладание переводческой дотошностью, умением докапываться до переводческой истины, критически оценивая информацию, ее адекватность и достоверность (это касается: а) исходных текстов, которые могут быть сырыми / неотредактированными, содержать ошибки; б) текстов, полученных в результате машинного перевода; с) значений терминов, предлагаемых словарями) и пр.;

- умение работать в переводческих командах, координировать деятельность их членов для достижения наилучшего общего результата;

- понимание собственной посреднической миссии в акте международной технической коммуникации; умение видеть, предупреждать и решать проблемы непонимания и неверного истолкования;

- умение адекватно оценивать сложность и объем перевода, с тем чтобы рационально организовать работу и выполнить ее в установленные сроки;

- готовность к непрерывному профессиональному развитию, самообразованию, повышению технической переводческой квалификации;

- готовность к обмену профессиональным опытом в области технического перевода.

Этическая составляющая билингвальной терминологической компетенции содержит следующие компоненты, связанные с соблюдением правил переводческой этики:

- повышенная ответственность за достоверность и адекватность технического перевода, за каждое его слово, обеспечение максимального соответствия перевода источнику; понимание того, что ошибка в

техническом переводе может иметь катастрофические последствия для жизни и здоровья людей; наносить урон окружающей среде; приводить к материальным и финансовым потерям;

- обеспечение конфиденциальности полученной в процессе перевода информации, включая техническую; умение хранить переводческую тайну, в том числе касающуюся содержания переводимых технических материалов;

- стремление независимо от качества оригинала создавать высококачественные переводы, отвечающие всем нормам представления технической информации.

Обобщая вышеизложенное, подведем итог. Переводческая компетенция технического переводчика с учетом ФГОС ВО 3++ может быть представлена в виде трехкомпонентной модели, включающей универсальную, общепрофессиональную и профессиональную составляющие. При этом общепрофессиональный компонент соответствует лингвистической и общей переводческой компетенции, а в качестве профессионального компонента выступает билингвальная терминологическая компетенция. Данную компетенцию будем понимать как комплекс из четырех блоков: когнитивного, функционального, личностного и этического. Это комплекс знаний, умений, навыков, способностей, личных качеств, должного отношения к выполняемой работе, готовности соблюдать нормы и правила профессиональной этики, который обеспечивает способность технического переводчика понимать закодированный терминами смысл технического дискурса, переводить его с одного языка на другой, грамотно и ответственно пользуясь соответствующей терминологией. Наглядно модель переводческой компетенции технического переводчика представим в виде нижеследующей схемы.

Компетенции технического переводчика

Универсальные компетенции

- системное и критическое мышление,
- разработка и реализация проектов,
- командная работа и лидерство,
- коммуникация,
- межкультурное взаимодействие,
- самоорганизация и саморазвитие
- здоровьесбережение,
- безопасность жизнедеятельности,
- инклюзивная компетентность,
- экономическая культура,
- финансовая грамотность,
- гражданская позиция

Общепрофессиональные компетенции

- ОПК-1: общелингвистическая компетенция;
- ОПК-2: общепереводческая компетенция;
- ОПК-3: межъязыковая и межкультурная компетенция;
- ОПК-4: специальная цифровая компетенция

Профессиональные компетенции

Билингвальная терминологическая компетенция:

- общетехническая
- специальная
 - ✓ когнитивная
 - ✓ функциональная
 - ✓ личностная
 - ✓ этическая

Библиографический список

1. *Багрецова Н.В.* Формирование иноязычной лингвокультурной компетентности у студентов направления подготовки «нефтегазовое дело» в профессионально ориентированном обучении английскому языку: автореф. дис.... канд. пед. наук. СПб: СПбГУ, 2017. 241 с.
2. Каталог ГОСТ. Надежность в технике // Российский институт стандартизации Межгосударственный стандарт. URL: <https://www.gostinfo.ru/catalog/gostlist/>
3. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
4. *Котлярова Ю.П.* Переводческая компетенция как многоаспектное теоретическое понятие // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskaya-kompetentsiya-kak-mnogoaspektnoe-teoreticheskoe-ponyatie>.
5. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода». Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 марта 2021 года N 134н. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603354689?marker=7DO0KD>
6. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории / отв.ред. Т.Л. Канделаки. – изд. 3-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.

7. *Троицкий Д.И.* Мифы о техническом переводе//Language bridge. URL: <http://spr.fld.mrsu.ru/2019/08/mify-o-tekhnicheskom-perevode/>
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - специалитет по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение. URL: <http://fgosvo.ru/news/21/4772>
9. *Oktay Eser.* A Model of Translator's Competence from an Educational Perspective/ International Journal of Comparative Literature & Translation Studies Vol. 3 No. 1; January 2015.
10. *Paulina Pietrzak* Translation competence //January 2015 In book: Ways to translation, Bogucki, Ł., Góźdz-Roszkowski, S. and P. Stalmaszczyk (eds) (pp.317-338) Publisher: Łódź-Kraków: Łódź University Press & Jagiellonian University Press. pp. 317-338.
11. *Sue Ellen and Leland Wright* Editors' Preface: Technical Translation and the American Translator Scientific and Technical Translation American Translators Association Scholarly Monograph Series Volume VI 1993 Edited by Sue Ellen Wright and Leland D. Wright, Jr. John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia
12. The European Qualifications Framework: supporting learning, work and cross-border mobility//the European Commission, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.
13. Transparent Competences in Europe. Overview of European Competency Frameworks [Электронный ресурс]. – 2012. – pp. 12. – Режим доступа: <http://www.menon.org/wp-content/uploads/2012/11/9.-TRACE-Overview-of-EU-competency-frameworks1.pdf>

Л.М. Бондарева

М.В. Ломоносов – читатель и историограф в контексте немецкой культуры

М.В. Ломоносов является всемирно известным отечественным ученым, которого В.Г. Белинский по праву назвал «Петром Великим русской литературы». Известно, что индивидуальный стиль Ломоносова чрезвычайно высоко ценил А.С. Пушкин, который писал: «Слог его ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от

глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния одного с языком простонародным» [цит. по: Морозов, с. 21-22].

Славный путь в науку и бессмертие великого русского ученого начался 23 сентября 1736 г., когда трое русских студентов – Михайло Ломоносов, Дмитрий Виноградов, будущий изобретатель отечественного фарфора, и Густав Рейзер – отплыли на корабле, следовавшем из Кронштадта в Любек, по решению Академии наук для обучения во Фрейберге (Саксония) у «бергфизикуса» Иоганна Фридриха Генкеля, чтобы стать горными инженерами, химиками и металлургами. В силу данного обстоятельства следует отметить, что личность М.В. Ломоносова с юности формировалась в немалой степени под влиянием немецкой культуры.

Одновременно нельзя обходить вниманием факт большой популярности немецкого языка в России в эпоху Петра I и его преемников, о чем свидетельствует активизация процесса преподавания этого языка во всех учебных заведениях страны. В результате представители различных слоев общества были в состоянии говорить, писать и читать по-немецки так же свободно, как и по-русски [Хотеев, с. 85]. Происходит расширение и обогащение немецкой литературой фондов библиотеки Российской Академии наук, личных библиотек многих известных исторических деятелей, в частности, сына Петра I – царевича Алексея, государыни Анны Леопольдовны, внука Петра Великого – князя Петра Федоровича, детей Александра Даниловича Меншикова и др. [Там же, с. 85].

Во время пребывания в Германии студенты Михайло Ломоносов и Дмитрий Виноградов, осваивая немецкий язык, включились в число усердных читателей немецкой литературы и стали пополнять свои личные библиотеки. Первыми немецкими книгами, прочитанными М.В. Ломоносовым, были шеститомная антология поэтов позднего барокко под названием «Гофман фон Гофмансвальдау и другие избранные немецкие поэты» (выпуск 1706 г.) и «Стихотворения» Иоганна Христиана Гюнтера – кумира студенческой молодежи, восторгавшейся задором и жизнерадостностью гюнтеровской поэзии. Не случайно позже высокую оценку творчества И.Х. Гюнтера дал великий поэт и писатель Германии И.В. Гете.

Молодого Ломоносова особо привлекла ода Гюнтера по случаю победы Евгения Савойского над турками 21 мая 1718 г., имевшей важное значение для славянских придунайских народов. Впрочем, поэзия И.Х. Гюнтера в целом сыграла свою особую роль в творческой судьбе русского ученого. В то время, как М.В. Ломоносов слушал лекции по математике и физике у профессора Христиана Вольфа, который принимал участие в организации Петербургской Академии наук и получал от нее почетную стипендию, в Германии господствовали идеи И.К. Готшеда, изложенные в его книге «Подробная риторика». Автор одним из первых говорит в своем труде о необходимости разработки теории поэзии и красноречия. Позже концепция Готшеда будет перенесена Ломоносовым на русскую почву в его собственной «Риторике», где цитируются в переводе целые отрывки из сочинения немецкого просветителя [Тихонравов, с. 3–4].

Идеалы Готшеда, «золотой век» немецкой поэзии, М.В. Ломоносов видел в творениях Каница, Нейкирха и, в особенности, Гюнтера. Именно по этой причине наш великий соотечественник принимается за изучение гюнтеровских стихотворений и повторяет некоторые его приемы и даже строфы в первой торжественной оде, написанной им за границей. Однако в данной связи необходимо подчеркнуть, что А.Н. Радищев, указывая на значение немецкой науки и культуры в становлении Ломоносова – ученого и на роль немецкой поэзии в формировании его теории стихосложения, развенчивал, согласно Л.И. Кулаковой, легенду о подражательности «русского Гюнтера» [Кулакова, с. 228].

О повышенном интересе Ломоносова-читателя к немецкой поэзии, а также к зарубежной художественной литературе свидетельствует и тот факт, что он приобрел книгу Бенъямина Нейкирха «Galante Briefe und Gedichte» (1730 г.) и руководство по стихосложению Иоганна Гюбнера. А вместе с Дмитрием Виноградовым Михайло Ломоносов пополнил личную библиотеку переводами на немецкий язык романов Пьера Карле де Мориво и Джонатана Свифта о путешествии Гулливера [Хотеев, с 85].

Но М.В. Ломоносов собирал книги не только для себя: он составлял библиографические списки для заказа книг в Российскую Академию наук и сам покупал в Марбурге книги для библиотеки Академии и для Книжной лавки при Академии на разных языках. Списки эти он формировал на основе рецензий, публикуемых в немецких научных

журналах „Leipziger gelehrte Zeitungen“, „Göttingische Zeitungen von gelehrten Sachen“, гамбургском издании „Freie Urtheile und Nachrichten zum Aufnehmen der Wissenschaften und Historie überhaupt“.

Среди многочисленных научных интересов Ломоносова особую роль играет историография. Уже после смерти великого ученого в 1766 г. вышел в свет его грандиозный труд под названием «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Это была первая работа по истории России, выпущенная после напечатания в 1674 г. в Киеве «Синописа», составление которого приписывается Иннокентию Гизелю [Быкова, с. 237].

Следует отметить, что Российская Академия наук занималась изучением истории России. Первые статьи появляются в «Комментариях» Академии, написанных немецким ученым Т.-З. Байером, который вообще не владел русским языком. Несколько позже Г.-Ф. Миллер пишет очерки по истории Киевской Руси в первых томах сочинения „Sammlung russischer Geschichte“, но этот ученый, также не знавший русский язык, основывался в своей работе на неточных переводах. А в 1730-х гг. создается «История Российская» В.Н. Татищева, которая была издана только в 1769–1784 гг.

М.В. Ломоносов приступает к изучению историографических материалов в 1751 г., опираясь не только на иностранные, но и на русские источники. Появляются две части его труда: «О России прежде Рурика» и «От начала княжения Рурикова до кончины Ярослава первого», в которых автор вступает в научный спор с Байером и Миллером, касающийся происхождения Рюрика с братьями. Ломоносов называет их «варягами-россами», а не «руссами-шведами», как это значилось в концепции норманистов Байера и Миллера. Кроме того, ученый высказывает абсолютно новую идею о том, что русский народ появился в результате смешения скифов, чуди и славян [Быкова, с. 237].

Лишь после кончины Ломоносова его «История» была добросовестно переведена на немецкий язык Г.-Я.-Х. Бакмайстером под названием „Alte Russische Geschichte von dem Ursprunge der Russischen Nation bis auf den Tod des Großfürsten Jaroslaws des Ersten bis auf das Jahr 1054, abgefasst von Michael Lomonossov...“. Однако в Германии, где раньше, чем в других европейских странах, историю перестали рассматривать как

художественную прозу, а стали видеть в ней самостоятельную науку, этот труд вызвал большей частью недоброжелательные отклики, что, в принципе, вполне объяснимо.

Первая известная заметка появилась в 1767 г. еще до поступления книги Ломоносова в продажу в издании „Allgemeine historische Bibliothek“. Можно предположить, что ее автором был некий А.-Л. Шлецер, который занимался сличением разных списков летописи Нестора, хотя на обложке стоит фамилия И.К. Гаттерера.

Дело в том, что Ломоносов знал труды Шлецера и называл его «сумасбродным». Более того, он высказывался о нем достаточно откровенно: «... каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина» [цит. по: Быкова, с. 241].

Не менее резкая критика книги Ломоносова содержится в рецензии Ф. Николаи, в которой отмечают недостаток знаний у Ломоносова, наличие многих ошибок, отсутствие критического метода при работе над историческим материалом, что, по мнению рецензента, бесчестит Россию и наносит вред русской истории. В немецкой журналистике имеется также отрицательный отзыв на французский перевод с немецкого языка «Истории» М.В. Ломоносова, сделанный в 1769 г. Марком Антуаном Эду, где русского ученого вновь упрекают за произвольность толкования неясных текстов и за недостаток исторических источников [Там же, с. 242].

Как очевидно, попытки принизить значение историографического труда Ломоносова и дискредитировать его как ученого обусловлены причинами чисто субъективного характера и нежеланием немецких историков уступать пальму первенства в этой области русскому исследователю.

Более известен в Германии второй труд М.В. Ломоносова «Краткий российский летописец», написанный в 1760 г. и дважды переведенный на немецкий язык в 1765 и 1771 гг. Содержащиеся в этой работе хронологические таблицы русских князей постоянно использовались западными историками, но взгляды Ломоносова на происхождение русского народа продолжали вызывать резкие отклики за рубежом.

Безусловно, всемирную славу нашему выдающемуся соотечественнику принесло, главным образом, его литературное

творчество. Не случайно в списке русских писателей, опубликованном в сборнике Х.Г. Шмида в 1769 г., в перечне наиболее известных мастеров русской словесности, наряду с именами Фонвизина, Сумарокова, Тредиаковского, стоит имя М.В. Ломоносова [Шмидт, с. 110].

В целом следует констатировать, что многогранная научная, творческая, а также активная переводческая деятельность Ломоносова сыграла важную роль в процессе межкультурной коммуникации в XVIII веке, что наиболее ярко проявилось в сфере российско-германских отношений. Переводы трудов М.В. Ломоносова на немецкий язык и переводы стихотворных и литературоведческих текстов немецких авторов, выполненные самим Ломоносовым, способствовали популяризации культурных и научных достижений русских ученых в Германии и немецких ученых в России.

Библиографический список

1. *Быкова Т.А.* Литературная судьба переводов «Древней российской истории» М.В. Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 237-247.
2. *Кулакова Л.И.* Радищев о Ломоносове // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 219-236.
3. *Морозов А.А.* Вступительная статья // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Изд. 3-е. Л.: «Советский писатель», Ленингр. отделение, 1986. С.5-58.
4. *Тихонравов Н.С.* О литературной деятельности Ломоносова // Сочинения Н.С. Тихонравова: в 3-х т. Т.3. Ч.1. Русская литература XVIII и XIX вв. / авт. предисловие В. Якушкин, 1898. С. 1-10.
5. *Хотеев П.И.* О знакомстве русских читателей первой половины XVIII в. с немецкой художественной литературой // XVIII век. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С.-Пб.: Наука, 2011. С.85-94.

6. *Шмидт Х.* Русская тема в научной публицистике г. Галле и Галльского университета в середине XVIII века // XVIII век. Сб. 21. С.-Пб.: Наука, 1999. С.108-118.

И.В. Боровикова

**Англоязычные термины в норвежском экономическом дискурсе
(на материале интернет-текстов по антикризисному менеджменту)**

Экономический дискурс играет – как неотъемлемый компонент общественной языковой практики – все большую роль в жизни современного общества в связи с отчетливой тенденцией к возрастанию роли экономики и развитию различных глобализационных и интеграционных экономических процессов в мире. Он включает в себя всю совокупность речевого материала, относящегося к различным ситуациям экономической сферы, и обуславливается экстралингвистическими факторами, создающими предпосылки для его понимания [Мангова, с. 54-55].

В отношении определения понятия «экономический дискурс» можно выделить два основных существующих подхода. В рамках первого экономический дискурс понимается как система текстов, которые создаются под воздействием совокупности экстралингвистических, прагматических, социокультурных и других факторов и объединяются одной тематикой. Согласно второму подходу, экономический дискурс определяется как коммуникативное событие, как комплексная система отдельных коммуникативных актов в экономической сфере. В результате появляются экономические тексты как вербальное выражение такой дискурсивной деятельности [Евтушина, Ковальская, с. 44].

К основным лексическим особенностям экономического дискурса следует отнести наличие специальной лексики и терминологии. Под терминологией в широком смысле обычно понимается совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области [Арсениевич, с. 39].

Основными направлениями в изучении проблемы термина являются нормативный и дескриптивный. С точки зрения нормативного подхода термин считается лексической единицей определенного типа, имеющей особую семантическую и грамматическую структуру, которая отличает его от общеупотребительных слов. Согласно данной позиции, термин является статичным, поскольку он не функционирует в живой речи [Арсениевич, с. 45].

Сторонниками дескриптивного подхода термин рассматривается как динамический элемент с точки зрения его функционирования в речи, когда в определенном контексте в рамках конкретной терминосистемы осуществляется взаимодействие терминологических единиц. Вследствие контекстуального модифицирования в каждом конкретном случае термин может демонстрировать свою многозначность, т.е. являться словом в особой функции, а не особым словом [Арсениевич, с. 45-46].

Формирование основного корпуса экономических терминов происходит с опорой на резервы национального литературного языка. В качестве другого важного источника пополнения экономической терминологии выступают заимствования [Чан Хоанг, с. 26-28].

Характеризуя современный норвежский экономический дискурс, следует отметить его отличительную черту – использование англоязычных заимствований, которые также могут функционировать как термины.

Следует отметить, что неотъемлемым элементом современного экономического дискурса является репрезентация кризиса и антикризисных стратегий и коммуникаций. Рассмотрим некоторые примеры употребления англоязычных терминов в норвежском экономическом дискурсе, представленных в текстах по антикризисному менеджменту, размещенных на сайте одного из крупнейших норвежских интернет-изданий в области экономики Dagens næringsliv.

В следующем пассаже отмечено использование термина *overhead*:

‘På enkeltleveranser tjener de penger hvis man ser bort fra **overhead**-kostnadene’ (Solem). – *Они зарабатывают на отдельных поставках, если не учитывать накладные расходы.*

Overhead (в основном *overhead charges*, или *overheads*) в английском языке означает «деньги, которые регулярно оплачиваются в качестве расходов на ведение бизнеса» [Macmillan, *overheads*]. Термин переводится

на русский язык как «накладные расходы». В норвежском языке overhead как аббревиатура от overhead charges означает «*неспецифицированные расходы; общие расходы*» [NAOB, overhead]. В норвежском языке произошла фонетическая адаптация слова – [ɑ:ˈvərhed], существительное приобрело артикль мужского рода en, а форма множественного числа образуется в соответствии с норвежской морфологической моделью при помощи окончания -er. В представленном примере лексема overhead используется как компонент гибрида overhead-kostnadene, образованного по аналогии с англоязычным термином overhead charges.

В заголовке статьи ‘Schibsted-**raid** mot podkastmarkedet: Kaprer NRKs storstjerner’ (Helle) – «*Захват медиаконцерном Schibsted рынка подкастов: переманивание крупных звезд NRK*» – используется термин raid, означающий в английском языке в сфере бизнеса «*попытку одного бизнеса получить контроль над другим путем покупки большого количества его акций*» [Macmillan, raid]. В норвежском языке raid как экономический термин имеет совсем иное значение – «*быстрое, сопряженное с рисками поглощение компании, фирмы и т. д.*» [NAOB, raid]. Заимствование адаптировано фонетически, при этом допускаются два варианта произнесения лексемы – [raid] или [ræid]. В норвежском языке существительное приобрело артикль среднего рода et, а неопределенная форма множественного числа совпадает с начальной формой слова.

В следующем высказывании реализуется термин kickback, который в английском языке означает «*деньги, незаконно выплаченные кому-то в обмен на сделанное ими для вас*» [Macmillan, kickback], а в норвежском – с пометой «*незаконный, неэтичный*» – «*финансовая компенсация тому, кто создал прибыльный бизнес; незаконная компенсация*» [NAOB, kickback]:

‘Inntektene kommer i tillegg fra «**kickbacks**» fra sportene vi samarbeider med, abonnenter og sponsorer, forteller Sjørgård’ (Solgård). – «*Сёргорд говорит: «Доходы также поступают в качестве «выплаты благодарностей» от представителей спортивных направлений, с которыми мы сотрудничаем, от подписчиков и спонсоров».*

В норвежском языке отмечена фонетическая адаптация заимствования [kiˈkbæk], в котором отсутствует второстепенное ударение. Термин приобрел артикль среднего рода et. Неопределенная форма

множественного числа совпадает с начальной формой, но также возможно и использование англоязычной словоизменительной модели – kickbacks.

Следующий пример связан с использованием англоязычного термина junk bonds: ‘Sørli har aldri opplevd mer fart i det nordiske markedet for såkalte **«junk bonds»** («søppellån»), best kjent som høyrentemarkedet, altså obligasjonslån til selskaper som ikke har den aller beste kredittverdigheten’ (Christensen). – *«Сёрли никогда не встречал такого роста так называемых «бросовых» облигаций на скандинавском рынке, наиболее известном как рынке высокодоходных облигаций, то есть облигационных займов компаниям, которые не обладают самой высокой кредитоспособностью».* Junk bond обладает в английском языке значением *«облигация, которая приносит большие проценты, но имеет высокий уровень риска»* [Macmillan, junk bond]. В норвежском языке лексема junk bond обозначает *«облигацию, связанную с высоким риском (невыполнения обязательств), выпущенную компанией или учреждением с низким кредитным рейтингом»* [NAOB, junk bond]. При этом возможно как отдельное написание, так и написание через дефис – junk-bond. В норвежском языке произошла фонетическая адаптация заимствования – [dʒø'nbånd]. Термин приобрел грамматическую категорию рода – артикль мужского рода en, однако неопределенная форма множественного числа образована не в соответствии с норвежской морфологической моделью, сохраняется форма множественного числа английского языка – junk bonds.

Использование англоязычного термина goodwill отмечается в следующем пассаже: ‘Av hensyn til tillit og **goodwill** hos kundene, så ønsker jo ikke banken at Skatteetaten skal ta opp igjen skatteoppgjøret’ (Klevstrand) – *«Принимая во внимание доверие и хорошие отношения с клиентами банк не хочет, чтобы налоговая инспекция вновь занималась расчетом налогов».*

В английском языке goodwill в сфере бизнеса имеет значение *«хорошая репутация и хорошие отношения, которые компания поддерживает со своими клиентами, и их условная стоимость в случае продажи компании»* [Macmillan, goodwill]. В норвежском языке в коммерческой сфере термин означает *«актив, которым обладает бизнес в виде своей репутации, ценной клиентской базы, хороших связей и т. д.»* [NAOB, goodwill]. В норвежском языке отмечается фонетическая

адаптация англоязычного термина – [gu'dvil]. Заимствование приобрело артикль мужского рода en. Форма множественного числа отсутствует, поскольку данное существительное является абстрактным.

Итак, в норвежском экономическом дискурсе англоязычный термин подвергается фонетической и грамматической адаптации, приобретая категорию рода и соответствующий артикль, но сохраняя в некоторых случаях форму множественного числа, образованную по модели английского языка. При заимствовании англицизмов происходит семантическая адаптация, однако рассматриваемые лексические единицы англоязычного происхождения, относящиеся к сфере экономики и бизнеса, сохраняют семантику, характерную для языка-источника, т.е. значения языка-источника переносятся в язык-реципиент.

Библиографический список

1. *Арсениевич Я.* Современная экономическая терминология в СМИ: Дис. ... канд. филол. н., М., 2013. 287 с.
2. *Евтушина Т.А., Ковальская Н.А.* Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 42–46.
3. *Мангова О.Б.* Репрезентация операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков: Дис. ... канд. филол. н., М., 2012. 244 с.
4. *Чан Хоанг М.А.* Особенности функционирования англоязычных заимствованных экономических терминов в русском языке на фоне вьетнамских аналогов: Дис. ... канд. филол. н., М., 2007. 232 с.
5. Det norske Akademis ordbok. Goodwill. URL: <https://naob.no/ordbok/junk-bond>
6. Det norske Akademis ordbok. Goodwill. URL: <https://naob.no/ordbok/goodwill>
7. Det Norske Akademis ordbok. Kickback. URL: <https://naob.no/ordbok/kickback>
8. Det Norske Akademis ordbok. Overhead. URL: <https://naob.no/ordbok/overhead?elementId=53016194>

9. Det Norske Akademis ordbok. Raid. URL: <https://naob.no/ordbok/raid>
10. Macmillan Dictionary. Goodwill. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/goodwill>
11. Macmillan Dictionary. Junk bond. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/junk-bond>
12. Macmillan Dictionary. Kickback. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/kickback>
13. Macmillan Dictionary. Overheads. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/overheads>
14. Macmillan Dictionary. Raid. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/raid_1

Список источников примеров

1. *Christensen J.* Utlendingene flokker til nordiske høyrentelån: - Det er rekordhøy aktivitet. URL: <https://www.dn.no/marked/hoyrentemarkedet/obligasjonsmarkedet/rente/utlendi-utlen-flokker-til-nordiske-hoyrentelan-det-er-rekordhoy-aktivitet/2-1-1084375>
2. *Helle B.T.* Schibsted-raid mot podkastmarkedet: Kaprer NRKs storstjerner. URL: <https://www.dn.no/etterbors/schibsted-raid-mot-podkastmarkedet-kaprer-nrks-storstjerner/2-1-980179>
3. *Klevstrand A.* Skatteekspert foreslår at Danske Bank tar skatteregning. URL: <https://www.dn.no/marked/skatteekspert-foreslar-at-danske-bank-tar-skatteregning/2-1-1085899>
4. *Solem L.K.* Kamp om hjemlevering: Verdane og Canica sikrer seg kontroll i outsider-selskap. URL: <https://www.dn.no/handel/stein-erik-hagen/canica/porterbuddy/kamp-om-hjemlevering-verdane-og-canica-sikrer-seg-kontroll-i-outsider-selskap/2-1-922468>
5. *Solgård J.* Norsk streamingselskap priset til 70 mill. etter å ha fått oljeservicegründer på eiersiden: - Rettet mot blodfans. URL: <https://www.dn.no/marked/svein-arne-sorgard/acx-music-group/stale-kyllingstad/norsk-streamingselskap-priset-til-70-mill-etter-a-ha-fatt-oljeservicegrunder-pa-eiersiden-rettet-mot-blodfans/2-1-1089551>

Передача эстетической функции паремий в переводе (на материале перевода бурятских пословиц на английский язык)

Паремии относятся к художественному жанру народной словесности и представляют собой малые фольклорные поэтические формы, содержание и структура которых определяются своеобразным типом мировоззрения [Санжеева, с. 28]. Согласно И. С. Алексеевой, паремии несут определенный комплекс когнитивной, эмоциональной и эстетической информации и имеют свою замкнутую структуру, выступая в качестве художественных миниатюр [Алексеева, с. 243–244]. Особенности художественной формы паремий отмечают Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко, выделяя среди них ритмико-фонетическое совершенство формы. По мнению авторов, рифма и четкий ритм задают паремии особый лад и возводят ее в ранг поэтического произведения (напр., Вранье не споро: попутает скоро). Среди художественных средств, использующихся в паремиях, особое внимание авторы обращают на разного рода стилистические приемы (аллитерация, ассонанс, парономазия, тавтология и т.д.). Они способствуют созданию основных внешних достоинств паремии – лаконичности, емкости и структурно-композиционной завершенности, – которые позволяют кратко, но достаточно емко выразить исходную мораль произведения [Алефиренко, Семененко, с. 250–251]. В этом отношении в лингвистической литературе выделяется несколько основных функций паремий в соответствии с функциями языка, определенными Р. О. Якобсоном и Н. Б. Мечковской, среди которых эстетическая функция занимает достаточно важное место, но зачастую носит факультативный характер [Шагиахметова, с. 156].

На сегодняшний день большинство исследователей художественного перевода сходятся во мнении, что к основным критериям оценки перевода художественного текста следует относить полноту передачи эстетической информации в переводе, однако с соблюдением литературной нормы целевого языка [Алексеева, Дашинамаева, с. 24]. Эту идею подкрепляет тезис В. Е. Горшковой о том, что основным жанровым признаком художественного произведения является его «нацеленность на коммуникативно-эстетическое воздействие [...] посредством

использования образного поэтического языка, воплощающего «сочную» народную мудрость...» [Горшкова, с. 179]. В связи с этим передача в переводе эстетической составляющей паремических оборотов представляется нам достаточно актуальной проблемой в современной переводческой практике.

Традиционно в переводческой литературе принято выделять два основных способа перевода паремических фразеологизмов – фразеологический и нефразеологический перевод (С. Влахов, С. Флорин, 1980; Т. А. Казакова, 2001; В. Н. Комиссаров, 2002; А. В. Федоров, 2002; М. Baker, 2011). В рамках концепции С. Влахова и С. Флорина пословица, будучи лаконичным выражением суждения, мысли и назидания, является своего рода миниатюрным художественным произведением, которое следует передавать не как воспроизводимую единицу, а именно как произведение. Иначе говоря, помимо передачи прескриптивной семантики, переводчику необходимо сохранить в переводе некоторые формальные особенности данной единицы, такие как лаконичность, афористичность, рифма и т.д. [Влахов, Флорин, с. 200-201]. В связи с этим авторы предлагают два способа перевода пословиц:

- передача самостоятельным эквивалентом (или аналогом);
- обычное перевыражение, аналогичное переводу нормального художественного текста.

Рассмотрим передачу эстетической информации на примере перевода на английский язык бурятской пословицы Нью нюуһаар нюрганай забһараар бултайха, хабша хабшаһаар хабһанай забһараар бултайха (досл. Сколько не укрывай, все равно вылезет из-за твоей спины, сколько не подавляй, все равно вылезет между твоими ребрами), содержащей мораль «сколько ни скрывай, правда все равно выяснится». В исходной пословице такие эстетические составляющие, как корневая парность сочетаний Нью нюуһаар..., хабша хабшаһаар..., анафора, синтаксический параллелизм и ритмика в совокупности выражают ироническое и уничижительное отношение к людям, ведущим лукавый образ жизни. В этом отношении Т. Б. Тагарова отмечает, что основным фактором выразительности бурятских паремий является их ритмическая и фоноэстетическая организация. Так, бурятскому фразеологическому фонду в наибольшей степени характерно использование таких выразительных средств, как аллитерация, повтор слов

и словосочетаний (напр., Шоно эшэгэндээ зүб, шолмос шүдхэртөө зүб ‘досл. волк для ягненка прав, ведьма для черта права’) [Тагарова, с. 27], которые в совокупности создают особый ритм.

Обратимся к первому способу перевода паремий и попытаемся подобрать в целевом языке соответствующие корреляты, выражающие схожий прескриптивный смысл: What is done by night appears by day (досл. Что сделано ночью, становится видно днем), Murder will out (досл. Убийство раскроется) и Love and cough cannot be hidden (досл. Любовь и кашель невозможно скрыть). Несмотря на достаточно высокую степень соответствия коррелятов на уровне прескриптивной семантики, в переводе не удастся передать иронический подтекст исходной единицы. В частности «страдает» оригинальная ритмика и обусловленная анафорами Нью нюуһаар байтар нюрганай..., хабша хабшаһаар байтар хабһанай... физиологическая образность, присущая бурятской культуре. Последнее объясняется антропологичностью фразеологического фонда бурятского языка, который включает в свой состав большое количество соматизмов [Тагарова, с. 39].

Учитывая сложный механизм передачи подобной модальной семантики, попытаемся прибегнуть ко второму способу перевода и перевыразить пословицу на английском языке, используя в переводе эстетические средства выражения иронии и сатиры. Согласно Т. А. Казаковой, в каждой отдельной культуре существуют традиционные способы выражения иронии, насмешки, которые различаются по форме, содержанию и функциям, что представляет трудность для перевода [Казакова, с. 272]. Если исходить из концепции И. С. Алексеевой относительно сохранения эстетической информации в переводе, то фонетические повторы (аллитерация, ассонанс, конечная и внутренняя рифма) следует передавать с заменой фонем на качественно другие, при необходимости компенсируя их другими средствами (напр., аллитерацию – конечной рифмой). При этом важно воспроизвести в переводе исходный ритм или компенсировать его с помощью другого ритмического рисунка [Алексеева, с. 246].

Руководствуясь указанными выше соображениями, попытаемся перевыразить исходную паремию на целевом языке, сохранив в переводе некоторые эстетические элементы оформления: When you constantly hide

something, it will get out from behind your back, when you constantly hold something, it will get out from between your ribs. Как видно из примера, в конструкции присутствует синтаксический параллелизм (When you constantly hide ..., when you constantly hold...), аллитерация (hide/hold, behind/between), ритм. Тем не менее, чуждая для английского языка громоздкая конструкция и нетипичное для английской поговорки стилистическое оформление препятствуют полной передаче эстетической функции, заложенной в оригинальной единице.

Таким образом, передача эстетической функции паремических оборотов в переводе играет достаточно важную роль, поскольку паремии представляют собой жанр устного народного творчества. И. С. Алексеева и П. П. Дашинимаева отмечают, что в переводе сложно добиться полной передачи эстетической информации, поскольку некоторые эстетические компоненты не могут быть переданы ввиду специфики их функционирования в речи [Алексеева, Дашинимаева, с. 29]. В целом именно на основе подобных случаев нами постулируется принцип относительной переводимости. В то же время предлагается исходить из того, что первичность подбора коррелятов устойчивых метафорических оборотов с формальной стороны является типичной ошибкой, отдаляющей друг от друга исходную и целевую единицы в плане передачи прескриптивной семантики. При этом нельзя отрицать факт признания того, что успешным решением поставленной перед переводчиком задачи можно считать такое, когда удастся передать относительное единство формы и семантики в переводе.

Библиографический список

1. *Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Союз, 2001. 288 с.
2. *Алексеева И.С., Дашинимаева П.П.* Критерии оценки художественного перевода: бурятско-русские параллели. Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 22–31.

3. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и паремиология: учебное пособие. Москва: Флинта, 2009. 344 с.
4. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. Москва: Р. Валент, 2006. 448 с.
5. *Горшкова В.Е.* «Муки переводческие»: слово В. Распутина в переложении на французский язык // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: материалы международной научно-практической конференции. Москва: Салоники, 2009. С. 178–183.
6. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. English <=> Russian. Изучаем иностранные языки. Санкт-Петербург: Союз. 2001. 320 с.
7. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. Москва: ЭТС, 2002. 424 с.
8. *Тагарова Т.Б.* Фразеология бурятского языка: функционально-стилистический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.22 / Т. Б. Тагарова. Элиста, 2013. 48 с.
9. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие. Изд. 5. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ; Москва: Филология ТРИ, 2002. 416 с.
10. *Шагиахметова Л.И.* Функции паремиологических единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 156–158.
11. *Baker M.* In Other Words: A Coursebook on Translation. Ed. 2. New York: Routledge, 2011. 330 p.

А.М. Власова

Сочувствие как форма социально-коммуникативного взаимодействия и её отражение в англоязычном художественном дискурсе

Изучение иностранного языка в современных условиях предъявляет к обучаемым определённые требования, которые заключаются среди прочего в овладении правилами коммуникативного поведения представителями как родной, так и других культур. Это связано с тем, что

язык неотделим от культуры, в которой функционирует языковая личность. А культура коммуникативного поведения является составной частью культуры народа.

Повышение эффективности обучения английскому языку связано со знанием особенностей коммуникативного поведения представителей англоговорящих культур, среди которых можно выделить культуры поведения представителей США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других стран.

Очевидно, что в мире все еще вызывает интерес американская коммуникативная культура, что объясняется длительным периодом времени доминирования американской культуры среди других культур и имеет для этого определенные политические, экономические, культурные и другие предпосылки.

Наличие коммуникативной культуры у говорящего способствует формированию у него коммуникативной компетенции, вследствие чего он обладает коммуникативным поведением. Коммуникативное поведение в широком смысле слова представляется в науке как «один из компонентов национальной культуры, который содержит в себе правила и традиции общения, реализующиеся в коммуникации той или иной лингвокультурной общности» [Давыденко, Гаспарян, Джавала, с. 134]. Представители воронежской лингвистической школы интерпретируют коммуникативное поведение как термин, основанный на понятии общения, и подчёркивают обязательное наличие в нем эмоционального компонента. Общение определяется при этом как «осознанный, национально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью» [Стернин, Ларина, Стернина, с. 43].

О важности культуры в коммуникативном поведении говорит и В. И. Карасик, который относит её к основным постулатам общения. По мнению исследователя, культура лежит в основе любого коммуникативного действия. Она задаёт стандарты поведения и оказывает значительное влияние на креативность участников общения. Следует согласиться с тем, что коммуникативный акт определяет культурную общность языкового сообщества [Карасик, с. 334].

Особенность коммуникативного поведения той или иной культуры детерминируется чертами характера представителей данной культуры. Так, для американской нации характерны национальный эгоцентризм, прямолинейность, уважение к победителям и презрение к неудачникам [Стернин, Стернина, с. 47–51]. Это вовсе не означает, что американцы не способны к сочувствию и не владеют инвентарем средств для его выражения в своем речевом этикете.

В США проживает большое количество людей, которые имеют стремление к благотворительности, которая у них ассоциируется с моральными нормами и входит в соответствующее национально-специфическое поведение. Однако нельзя не отметить, что, оказывая помощь, американцы ожидают, что это может повысить их репутацию. Тем не менее, внутри узкого круга людей американцы высоко ценят близкие отношения, как дружественные, так и семейные [Стернин, Стернина, с. 48–50].

Коммуникативное поведение американцев, на первый взгляд, также кажется весьма противоречивым и говорить об истинно вежливом отношении к собеседнику в отношении американской коммуникативной культуры не имеет смысла. Однако в американском коммуникативном поведении можно, тем не менее, нередко встретить выраженную доброжелательность, то есть стремление оказать помощь друг другу [Стернин, Стернина, с. 59].

Доброжелательность связана с фатической функцией языка, поскольку она ориентируется на установление и поддержание контакта с собеседником (собеседниками). Проявляя доброжелательность, адресант показывает, что он владеет умением слушать и сочувствовать, и, тем самым, успокаивать и утешать адресата [Нестерова, с. 75]. Это помогает поддерживать социальные отношения в ответ на жалобы о случившихся беде и несчастье.

Тем не менее американцы достаточно сдержаны в своих высказываниях, у них неприято открыто обсуждать личные проблемы. Они спокойно относятся к неудачам [Стернин, Стернина, с. 49, 75]. Из этого следует, что для американского коммуникативного поведения характерно вербальное выражение интенции сочувствия, которое

инициировано какими-либо негативными жизненными обстоятельствами, связанными с партнерами по коммуникации.

В связи с этим можно выделить следующие типы коммуникативных ситуаций, в рамках которых в американском коммуникативном пространстве происходит реализация речевого акта сочувствия:

1. смерть близкого человека или его болезнь, которая может привести к негативным последствиям;
2. повседневное событие, имеющее негативное влияние на последующий жизненный путь личности;
3. пессимистический настрой партнера по коммуникации или его негативные ожидания от будущего.

Проиллюстрируем данные ситуации, способствующие проявлению сочувствия в американском коммуникативном поведении, примерами диалоговой интеракции из американской художественной литературы. Источниками языкового материала служат художественные произведения американских авторов за последние годы, которые занимают высокие позиции в рейтинге американского онлайн-магазина Amazon. Актуальность таких произведений обуславливается релевантностью событий, характерных для современного американского коммуникативного пространства.

В качестве примера первой коммуникативной ситуации приведём роман Стивена Чбоски “The Perks of Being a Wallflower”, в центре сюжета которого находится мальчик-подросток Чарли. Основную сюжетную линию художественного произведения определяет психологическое состояние юноши после смерти его тётки Хелен и вероятного самоубийства лучшего друга Майкла. Чарли посещает психолога, поскольку указанные трагические события нанесли значительный ущерб его здоровью. Рассматриваемая ситуация наблюдается в канун Рождества Христова и перед днём рождения Чарли. Мальчик пишет очередное письмо неизвестному адресату, в котором он акцентирует внимание на своём настроении:

I always get sad when this happens, and I wish Michael were here. And I wish my Aunt were here. I miss my Aunt Helen like this (Chbosky, p. 43–44).

Далее семью ожидает праздничный ужин, на который из-за погодных условий опаздывают отец и старший брат Чарли. Об этом мать

Чарли узнаёт из телефонного звонка, слушать который для Чарли было невыносимо, поэтому он отправился в свою комнату. Мать интересуется, всё ли нормально у её сына. Очевидно, что она сильно переживает за него. Вследствие этого между персонажами завязывается следующий диалог, который, как и все речевые акты в книге, прерывается словами автора:

“Is it your aunt Helen?”

It was the way she said it that started the feeling.

“Please, don’t do this to yourself, Charlie.”

But I did do it to myself. Like I do every year on my birthday.

“I’m sorry”. (Chbosky, p. 46)

Мать Чарли знает, насколько сильно ранила мальчика смерть его тётки, которая была ему чрезвычайно близка по духу. Поэтому она решает начать разговор с вопроса, проявляя при этом осторожность и такт, чтобы не навредить неустойчивому психологическому состоянию своего сына. Сопутствующая реплика персонажа содержит совет, нацеленный на утешение собеседника.

В американском коммуникативном пространстве с его участниками часто случаются негативные события, на которые обычно неприятно жаловаться. Пример этому можно увидеть в романе американского писательского дуэта в лице Рейчел Липпикотт и Микки Дагтри “Five Feet Apart”. Главная героиня книги – старшеклассница Стелла проходит очередную профилактическую терапию муковисцидоза. Её болезнь не может излечена, поэтому девушка находится в листе ожидания на трансплантацию лёгких. Её состояние неудовлетворительное, поэтому она всё время проводит в больнице, где её навещают родственники и друзья. Во время визита её матери они обсуждают последние события, а именно развод родителей девушки. Происходящее в личной жизни и болезнь дочери оказывают сильное психологическое воздействие на женщину, что не может не заметить Стелла. Девушка видит, что её мать похудела, и пытается её поддержать:

“The Divorce Diet doesn’t look good on you, Mom.”

She looks up at me, surprised. “What are you talking about?”

“You are too thin. Dad needs a bath. You guys are stealing my look! ”

(Lippincott, Daughtry, p. 70)

Поначалу Стелла предпринимает попытку обратить внимание матери на проблему путем использования метафоры *Divorce Diet*, которая реализуется для проявления «жалости и ласки», предназначенного для адресата в целях оказания ему поддержки, а значит, выражения сочувствия. Видя недоумение матери, девушка поясняет, что та похудела. Отец девушки также плохо следит за собой и не соблюдает гигиену, о чём Стелла также докладывает матери. Героиня переживает за благополучие своей семьи в будущем и не хочет, чтобы родители страдали, как и она. Исходя из этого, Стелла переводит всё в шутку, говоря о том, что они скоро будут выглядеть как она. Получается, что сочувствие в американской коммуникативной культуре может выглядеть вот в таких интересных формах проявления.

Речевой акт выражения сочувствия в коммуникативной ситуации, отражающей пессимистический настрой говорящего по отношению к происходящему, можно встретить в подростковом романе писательницы Гейл Форман *“If I Stay”*. В художественном произведении рассказывается о семнадцатилетней девушке, Мие, которая попадает вместе со своей семьёй в серьёзную автомобильную аварию. В результате катастрофы вся семья Мии погибает, а девушка оказывается между жизнью и смертью. Она попадает в больницу, где её подключают к аппаратам, поддерживающим жизнь. Роман имеет оттенки мистики: дух девушки «блуждает» по больнице и наблюдает за происходящим. После операции у Мии возникают осложнения, и её необходимо срочно доставить в операционную. Дух девушки «наблюдает» следующую беседу между дежурным врачом и медсестрами больницы. При этом врач описывается как человек с мутными глазами, который никак не может проснуться.

“Doctor Sorensen was her surgeon. He’s still on call. Page him, get her to the OR. We need to get inside and find out what’s leaking, and why, before she drops any further. Jesus, brain contusion, collapsed lung. **This kid’s a train wreck.**”

Nurse Ramirez shoots the doctor a dirty look, as if he had just insulted me.

“Miss Ramirez,” the grumpy nurse at the desk scolds. “You have patients of your own to deal with. Let’s get this young woman intubated and transferred

to the OR. **That will do her more good than this dilly-dallying around!**" (Forman, p. 121)

Как видно из приведенного микроконтекста, между дежурным врачом и медсестрой Рамирез возникает конфликт, заключающийся в выборе дальнейших способов лечения девушки. Врач называет состояние пациентки критическим. При этом он использует идиому *train wreck*, которая интенсифицирует значение высказывания, направленное на критику о состоянии Мии, и имеет негативную коннотацию. Медсестра Рамирез невербально показывает своё недовольство. Однако её коллега пытается контролировать ситуацию, советуя скорее провести интубацию и перевести пациентку в операционную. Действия медсестры сопровождаются экспрессивным выражением возмущения по отношению к происходящему, что можно связать с косвенным речевым актом сочувствия.

Таким образом, для американского коммуникативного поведения характерен специфичный речевой этикет, который приемлем для коммуникативных ситуаций, реализующихся вследствие негативных жизненных событий. Одним из компонентов речевого этикета является дружелюбие. Дружелюбие может передаваться в речи через этикетные интенции сочувствия, которые сопровождаются вербальными средствами утешения и успокоения. В американской культуре принято быть сдержанным в высказываниях, поэтому данные речевые акты осуществляются в основном в косвенном виде.

Библиографический список

1. *Давыденко Л. Г., Гаспарян Р. Я., Джавала С. С.* Вежливость как неотъемлемое условие успешной коммуникации: общие положения категории вежливости в лингвистике // *Science Time*. 2015. №3. С. 133–142.
2. *Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград: «Парадигма», 2007. 520 с.
3. *Нестерова Т. В.* Непрямые способы выражения интенций «сочувствие» и «утешение» в обиходном общении русских // *Русский язык за рубежом*. №5. 2011. С. 75–81.

4. *Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А.* Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж. Воронежский гос. университет, 2003. 185 с.
5. *Стернин И. А., Стернина М. А.* Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001. 209 с.

Список источников примеров

1. *Chbosky S.* The Perks of Being a Wallflower. New York. Pocket Books, 1999. 120 p.
2. *Forman G.* If I Stay. London. Random House Children's Publishers. 2013. 216 p.
3. *Lippincott R., Daughtry M., Iaconis T.* Five Feet Apart. New York. Simon and Schuster, 2018. 196 p.

А.С. Гнатюк

Когнитивные основания классификации англоязычных терминов по аллергологии

Проблема формирования, хранения и передачи профессиональных знаний посредством терминологических единиц становится всё более актуальной в современном контексте стремительного развития науки и техники, роста новых специализаций.

Терминология в русле когнитивного направления рассматривается как результат когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и вербализации профессиональных знаний [Новодранова, с. 150].

Оформление этих знаний – особенно актуальная проблема в аллергологии, поскольку в силу её относительной новизны как области медицины термины претерпевают постоянные изменения. Новые медицинские концепции и знания, появившиеся в последние годы, существенно изменили взгляды на иммунную систему и её взаимодействие с окружающей средой и внешними агентами. Серьёзное развитие

патофизиологии, фармакологии и клинической практики требует пересмотра текущих определений и терминологии в сфере аллергологии.

Правильная классификация гиперчувствительности или аллергических заболеваний, подкреплённая обновлёнными знаниями об основных механизмах, помогает понять текущий сценарий заболевания и в перспективе помочь в разработке новых подходов в диагностике и лечении этих состояний. Без строгого определения терминов обеспечить оптимальное лечение и правильный уход за пациентами невозможно. Более того, необоснованное закрепление терминологизации может отрицательно повлиять на будущие поколения медицинских специалистов при их обучении.

Понимая это, несколько лет назад члены Европейской академии аллергии и клинической иммунологии (ЕААСИ) и Всемирной аллергологической организации (WAO) объединили свои усилия для пересмотра номенклатуры аллергии и внесения обновлённой информации в Международную классификацию болезней [Tanno, p. 3].

Международная классификация болезней (МКБ) – это стандартный инструмент для сбора данных о смертности и заболеваемости, который был введён в употребление Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Данная информация используется для организации и кодирования данных о здоровье, которые используются для статистики и эпидемиологии, управления здравоохранением, распределения ресурсов, мониторинга и оценки, исследований, первичной медико-санитарной помощи, профилактики и лечения. Благодаря созданной классификации организуется представление картины общего состояния здоровья в странах и группах населения, а также осуществляется стандартизация общего языка для отчётности и мониторинга заболеваний. МКБ периодически пересматривается, и на ноябрь 2021 года действует его десятая редакция. Одиннадцатая редакция МКБ, на дополнение которой нацелены старания специалистов по аллергологии, вступила в силу с 1 января 2022 года [WHO].

Особое внимание специалистов уделяется в МКБ терминам «гиперчувствительность» и «аллергия».

За пределами аллергологического сообщества термины «*гиперчувствительность*» (hypersensitivity) и «*аллергия*» (allergy) часто

рассматриваются как синонимы. Однако в настоящее время в области аллергии данные термины занимают разные иерархические позиции. Гиперчувствительность определяется как состояние, клинически напоминающее аллергию, которое вызывает объективно воспроизводимые симптомы или признаки, вызванные воздействием определенного стимула в дозе, переносимой в нормальных условиях, а аллергия определяется как реакция гиперчувствительности, инициированная доказанными или имеющими достаточное обоснование иммунологическими механизмами [Johansson, p. 834]. Таким образом, гиперчувствительность включает в себя такие состояния, как индуцированная молоком анафилаксия (IgE-опосредованная) или индуцированный противозащитными средствами синдром Стивенса-Джонсона (не-IgE-опосредованный), а также ангиотензин, ангионевротический отек или холодовая крапивница, вызванные ингибитором превращения ферментов (неиммуноопосредованная гиперчувствительность). Аллергическая реакция возникает, когда она вызвана аллергенами, к которым человек сенсibilизирован (т. е. имеет рецепторы иммунного антигена, направленные против них).

Другим важным примером могут служить определения анафилаксии.

Всемирная аллергологическая организация определяет анафилаксию как острый, потенциально летальный, мультисистемный синдром, возникающий в результате внезапного выброса в кровоток медиаторов тучных клеток и базофильных производных. Это может быть связано с иммунологическим или неиммунологическим механизмом. Независимо от механизма, признаки и симптомы анафилаксии одинаковы.

Термин «*иммунологическая анафилаксия*» (immunologic anaphylaxis) используется для обозначения IgE-лекарств, возможно, IgG-опосредованных (описанных у животных), и реакции, опосредованные иммунным комплексом и/или компонентом. *Неиммунологическая анафилаксия* вызывается агентами или событиями, которые вызывают внезапную массовую дегрануляцию тучных клеток или базофилов в отсутствие иммуноглобулинов. Эти реакции могут быть вызваны активацией компонента без образования иммунных комплексов, например, лекарствами, содержащими Cremophor EL; прямой активацией тучных клеток и базофилов, приводящих к высвобождению гистамина,

например, ванкомицина; действием опиатов или других механизмов, например, активацией калликреин-кининовой системы. Многие в понимании неиммунологической анафилаксии ещё предстоит определить. Считается, что «неиммунологическая анафилаксия» включает реакции на нестероидные противовоспалительные препараты, местные анестетики, моноклональные антитела и химиотерапевтические агенты. Хотя рентгеноконтрастные агенты традиционно считались неиммунологическими, некоторые из новых низкоосмолярных агентов могут вызывать IgE-опосредованные реакции.

В результате дополнительных исследований выяснилось, что и иммунологическая, и неиммунологическая анафилаксия у некоторых пациентов возникают одновременно.

Следует заметить, что понятие «неиммунологическая анафилаксия» должна заменить представление о том, что описываемые реакции обозначались как «анафилактоидные» [Simons, p. 7].

Одна из предполагаемых причин изменения терминологии — усиление риска и потенциальной летальности всех типов анафилаксии, вне зависимости от механизма их действия, поскольку многие пациенты и даже профессионалы связывали раньше «анафилактоид» с менее серьезным заболеванием. Для клиницистов и пациентов важный вывод состоит в том, что анафилаксия является серьезным и потенциально опасной для жизни состоянием, которое необходимо немедленно устранять (заниматься лечением заболевания).

Также необходимо отметить, что для описания аллергических клинических проявлений другими специалистами и непрофессионалами ошибочно использовался термин «непереносимость», но при пересмотре термина он получил описание как неаллергическое (неиммунологическое) состояние гиперчувствительности [Dreborg, p. 5], не относящееся к области аллергологической практики.

Благодаря новым открытиям термины аллергии и гиперчувствительности претерпевают существенные изменения. В данной статье был рассмотрен пример лишь нескольких ключевых терминов, которые демонстрируют, сколько «белых пятен» остаётся в терминологии аллергологии на данный момент.

Библиографический список

1. *Новодранова В.Ф.* Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте / В.Ф. Новодранова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.М. Лейчика. – М. ; Рязань, 2003. – С. 150-155.
2. *Dreborg S.* Debates in allergy medicine: food intolerance does not exist. *World Allergy Organ J.* 2015; P. 1-6
3. *Johansson SG, Bieber T, Dahl R, Friedmann PS, Lanier BQ, Lockey RF, et al.* Revised nomenclature for allergy for global use: report of the Nomenclature Review Committee of the World Allergy Organization, October 2003. *J Allergy Clin Immunol.* 2004; P. 832–836.
4. *Simons FE, Arduzzo LR, Bilò MB, Cardona V, Ebisawa M, El-Gamal YM, Lieberman P, Lockey RF, Muraro A, Roberts G, Sanchez-Borges M, Sheikh A, Shek LP, Wallace DV, Worm M.* International consensus on (ICON) anaphylaxis. *World Allergy Organ J.* 2014; P. 1-9.
5. *Tanno LK, Calderon MA, Li J, Casale T, Demoly P.* Updating allergy/ hypersensitivity diagnostic procedures in the WHO ICD-11 revision. Accepted, *The Journal of Allergy and Clinical Immunology: In Practice.* 2016. P. 1-9.
6. WHO releases new International Classification of Diseases (ICD 11). [URL:www.who.int/news/item/18-06-2018-who-releases-new-international-classification-of-diseases-\(icd-11\)](http://www.who.int/news/item/18-06-2018-who-releases-new-international-classification-of-diseases-(icd-11)).

Л.Н. Григорьева, К.А. Филиппов

Немецкий словарь М.В. Ломоносова – проблема толкования слов с разной частеречной принадлежностью

Общая характеристика немецкого словаря М.В. Ломоносова

Словарь немецкого языка М.В. Ломоносова представляет собой проект, реализуемый лингвистами Санкт-Петербургского университета и Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге. С предварительными результатами работы можно ознакомиться в опубликованной коллективной монографии [Словарь]. Данный словарь

отличают следующие конституирующие признаки: двуязычность; использование в качестве эмпирической базы конкорданса к немецким текстам М. В. Ломоносова; лексикографическое описание текстов разных жанров; учет сочетаемости лексем и роли текстовых цитат; наличие смешения языковых кодов; система реально-исторических, историко-лингвистических, биографических, редакционных комментариев; лексикографическая разработка имен собственных (топонимы, антропонимы, идеонимы) и сокращений; присутствие справочного отдела.

Причины выбора объекта изучения

В корпусе немецкого словаря М.В. Ломоносова были выявлены следующие слова с разной частеречной принадлежности: *allein, denn, es, nämlich, so, zwar*. Причинами выбора данных слов в качестве объекта лингвистического изучения можно назвать следующие: 1) они являются достаточно частотными в немецкоязычном наследии М.В. Ломоносова; 2) их отличает неоднозначность частеречной принадлежности; 3) для них характерна «размытость» семантики; 4) их значения и употребления в диахронии подвержено изменениям; 5) их использование в немецких текстах М. В. Ломоносова отличает известная специфика, обусловленная в том числе их жанровой принадлежностью; 6) их применение является косвенным свидетельством того, в какой степени владел немецким языком М.В. Ломоносов. Поскольку объем статьи ограничен, методы анализа подобных слов демонстрируются только на примере слова *so*, которое встречается в текстах М.В.Ломоносова 77 раз.

Трактовка значения *so* в современном немецком языке и в языке XVIII века

Если обратиться к немецкому одноязычному словарю Duden, то в нем частеречная принадлежность *so* определяется так: наречие (Adverb), частица (Partikel) и союз (Konjunktion) [Duden]. Интересные наблюдения в отношении *so* можно найти у немецкого германиста Х. Вейнриха, назвавшего это слово *Rahmen-Adverb* (рамочным наречием):

«Очень часто используемое наречие so определяет рамки значения глагола, прилагательного или наречия. Тем самым это содержательное значение оказывается формально ограниченным и точно очерченным: ich

bin heute so aufgeregt; es ist alles so neu für mich // я сегодня так взволнован(а); всё это так ново для меня. В данном примере значение предикатных прилагательных *aufgeregt* и *neu* определяется предшествующим наречием *so*. Хотя это не меняет значения предикаций, оно помещает значимость элементов предикации в определенные формальные рамки, которые, апеллируя к опыту или воображению, привлекают внимание слушателя и подчеркивают значение этого прилагательного» (перевод наш. – К. Филлипов, Л. Григорьева) [Weinrich, p. 547].

При обращении к словарям XVIII века обнаруживается, что частеречная принадлежность и значения *so* толкуются в двух наиболее значимых словарях той эпохи несколько по-иному. Так, в Лексиконе Цедлера (*Zedler Lexikon*) написано:

„So, ein Bedinge-Wörtlein, das aber nicht allezeit eine Anzeige einer Ursache ist, sondern auch der Ordnung und eine jede Notwendigkeit der Folge anzeigt; das ist, das Wort *so* bedeutet nicht allemal die Verursachung, sondern auch, was etwa zu Folge pfelet. Sonst bemerken wir noch, das die Wörter: *so*, *wenn*, *dafern*, *wofern*, *sofern*, *in wie fern*, *oder in so fern* lat. *si*, *cum* *qantenus* sind die gewöhnlichen Wörter, womit sie unter einer gewissen Bedingung geschlossenen Contracte von denen Interessenten eingegangen werden. *So*, König in Ägypten, siehe *Pharao*...“ [Zedler].

Аделунг считает *so* местоимением (*Fürwort*), наречием (*Nebenwort*), союзом (*Bindewort*) и частицей (*Partikel*), называя его «словечком» (*Wörtchen*), имеющим три основных значения:

- 1) Слово, замещающее относительное местоимение и служащее в том числе для соединения предложений (*relatives Fürwort*);
- 2) Слово, замещающее служебное слово, наречие (*Nebenwort*) и сочетающее в себе свойства указательного и относительного местоимений;
- 3) Слово, замещающее соединительное слово или союз (*Bindewort*) и служащее для соединения между собой частей высказывания [Adelung].

При сопоставлении значений анализируемого слова в современном языке и в языке XVIII века можно отметить как черты сходства, так и черты отличия. Последние касаются следующих моментов: 1) в современном языке у *so* не зафиксирована такая частеречная

принадлежность как местоимение (кстати, у Аделунга данное значение отмечено как устаревшее); 2) в словаре Duden представлена более детальная дифференциация значений у *so* как наречия (9 значений и 13 вариантов значений) по сравнению с Аделунгом (2 значения и 5 вариантов этих значений).

Значение *so* в текстах М.В. Ломоносова

Если обратиться к тому, в качестве какой части речи и в каких значениях использовано слово *so* в сохранившемся немецкоязычном наследии М.В. Ломоносова, то можно констатировать следующее. В основном *so* используется в качестве наречия (из 77 примеров на *so* как наречие приходится свыше 60 примеров), а также как относительное местоимение и частица.

В нижеследующем примере *so* является частицей со значением усиления, типичной сферой ее употребления выступает разговорная речь. Поэтому объяснить то, что в корпусе примеров нашелся только один подобный пример, можно функциональной принадлежностью текста, представляющего собой деловое письмо.

„Ew. Excellenz ersuche ich demnach unterthänig, nach Dero hohen Gütigkeit, mir diejenige Gnade ins künftige zugönnen, welche mich bißhero so sehr erfreuet hat, und die mich verpflichtet mit aller ersinnlichen Submission zu verharren“ (Ломоносов, с. 417).

Достаточно редко зафиксировано использование *so* в функции союзного слова, где оно выступает как относительное местоимение. Данное употребление не свойственно современному немецкому языку, да и во времена Ломоносова это считалось архаичным:

„Es ist zwar wahr, daß mein Verbrechen, so ich sonst hier begangen (welches doch mehr denen unbehilflichen und wiederwärtigen Umständen, einer verführerischen Compagnie, wie auch dem des mir allergnädigst verwilligten Stipendii gar zu langem Ausbleiben, als meinem unordentlichen Leben zuzuschreiben ist) zur Bestraffung meiner gegenwärtigen Unschuld viel beytragen werde“ (Ломоносов, с. 422).

Наиболее часто встречается *so*-наречие в пяти значениях: deshalb, dann, auf diese Weise, der Maßen, demonstrativ, как, например, в нижеследующем примере:

„Bey so bestalten Sachen mußten wir fast immer ohne Geld bleiben, und die Ge[se]lschaft, von der wir etwas in dem Bergwesen profitiren kön[n]ten, entbehren“ (Ломоносов, с. 423).

Здесь so имеет значение наречия образа действия, характеризующего сложившиеся таким образом обстоятельства, при которых выехавшие в Германию российские студенты, включая Ломоносова, вынуждены были терпеть нужду, во всем себе отказывая.

Слово so как наречие встречается также в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины и времени, где оно выполняет функцию коррелята:

„Sobald mich die Conferentz zum Professor erwehlet und attestiret hat und die sehlige Kayserin darzu eingesetzt, so hat der Schumacher meine schon approbirete Dissertationes an Ew. H. geschic[k]t, in der Hoffnung eines schlechten Testi-monii“ (Ломоносов, с. 596).

Таким образом предпринятый обзор анализируемой лексики свидетельствует о том, что в немецкоязычном наследии великого русского ученого несмотря на его относительно небольшой объем данное слово используется практически во всех его значениях и функциях.

Выводы и перспективы

Как продемонстрировал проделанный анализ, в немецких текстах М.В. Ломоносова so используется в основном как наречие, т.е. как самостоятельная часть речи в 5 значениях (одно из значений помечено в Duden как высокий стиль) (в словаре Duden выделено 8, у Аделунга 4 значения so как наречия); чаще всего в функции коррелята, так как язык Ломоносова характеризуется высоким процентным содержанием сложных предложений, выражающих самые разнообразные логические связи (в имеющихся переводах на русский язык корреляты часто опускаются). При этом в зависимости от типа придаточного значения so варьируется. Помимо этого, so используется также как союзное слово для присоединения определительного придаточного (устаревшее уже к тому времени). Всего один раз so использовано как частица; такое редкое использование обусловлено функциональной принадлежностью текстов Ломоносова, так как в этом значении so используется прежде всего в разговорной речи. В целом владение семантико-функциональным

потенциалом слова *so* подтверждает высокий уровень владения немецким языком М.В. Ломоносовым. В дальнейшем целесообразно проследить более подробно функционирование других лексем с неопределенной частеречной принадлежностью, встречающихся в немецком языке М.В.Ломоносова.

Библиографический список

1. *Словарь немецкого языка М.В. Ломоносова*: Научный проект словаря. СПб.: Наука, 2019. 96 с.
2. *Adelung J. Chr.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 2. Aufl.: in 4 Theilen. Leipzig: 1793–1801. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=Adelung.
3. *Duden-Wörterbuch*. URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/so>
4. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Verlag: Hildesheim; Zürich, New York: Olms, 2003. 1111 S.
5. [*Zedler J. H.*]. Johann Heinrich Zedlers Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaft en und Künste: 1731–1754. URL: <http://www.zedler-lexikon.de/index.html>.

Список источников примеров

1. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 934 с.

Л.Ю. Губочкина

Лингвистический антропоморфизм в контексте переводоведческой мысли

В исследовании рассматриваются особенности лингвистического антропоморфизма, способы его функционирования в художественном тексте и варианты перевода образов антропоморфизма с английского на русский язык.

Лингвистический антропоморфизм представляет интерес не только для переводоведения, но и для лингвокультурологии, философии и языкознания. Лингвистический антропоморфизм – это загадка мироздания, которая врывается в художественную реальность и укореняется в языке, а перевоплощение антропоморфизма происходит в процессе перевода с одного языка на другой.

Целью исследования является изучение лингвистического антропоморфизма в теории и практике художественного перевода, выявление особенностей и различий в переводе образов лингвоантропоморфизма.

Актуальность исследования обозначена современными тенденциями в художественном переводе, направленными на изучение особенностей употребления авторских средств, и способах их взаимодействия в художественной картине мира.

Методами исследования служат сравнительно-сопоставительный и описательный анализы текста.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении понятия лингвоантропоморфизма в контексте переводоведческой теории.

Результаты исследования можно использовать в теории художественного перевода и лингвокультурологии.

Рассмотрим лингвистический антропоморфизм как единый компонент в художественном пространстве языка и перевода. Ключевым моментом темы является изучение особенностей перевода образов лингвоантропоморфизма.

1 ... he (the Swallow) felt lonely, and began to tire of his lady-love (O. Wilde *The Happy Prince*, p. 10). // *Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротой, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной* (Пер. К. Чуковского с.150).

... and I am afraid *she (the Reed) is a coquette*, for she is always flirting with the wind' (O. Wilde 'The Happy Prince', p. 9) // *И я боюсь, что он очень ветрен; заигрывает с каждым ветерком* (Пер. К. Чуковского с. 150).

Мировидение автора оригинального текста отличается от мироощущения автора переводного текста. В русскоязычном тексте перевода гамма гендерных тонов произведения подвергается

видоизменению в сторону интерпретации смысла подлинника [Губочкина, 2019, с. 52].

Необходимо отметить, что в русскоязычной культуре *Ласточка* – образ с женским мироощущением. Образ *Ласточки* ассоциируется с женскими качествами. Она домоседка, хранительница домашнего очага и семейных традиций. В русской языковой действительности антропоморфный образ *Ласточки* наделен стройностью, пронизательностью и житейским умом.

В англоязычной лингвокультурологической традиции художественный swallow – птица мужской категории, обладающая силой, ответственностью и надежностью. В сказке О. Уайлда образ обладает добрым сердцем и отзывчивостью, наделенный качествами чувственности, душевности и жертвенности. *Ласточка* не покидает Принца в зимнюю стужу, помогая ему во всем. И в результате, она погибает от холода и голода.

Сравнительно-сопоставительным примером служит перевод сказки «Преданный Друг», выполненный Т. Габбе.

2. And how do you like the Water-Rat', asked the Duck, who came paddling up some minutes afterwards.

'He has a great many good points, but for my own part I have a mother's feelings, and I can never look at a **confirmed bachelor** without the tears coming into my eyes' (O. Wilde. The Devoted Friend, p.42).

«Как вам нравится эта **Водяная Крыса**? – спросила Утка, подплывая к берегу. – У нее очень много хороших черт, но, что касается меня, во мне так сильно развито родительское чувство, что без слез я не могу смотреть на **неисправимых холостяков и старых дев** (Пер. Т. Габбе, с.122).

Дипломатическое решение принимает переводчик Т. Габбе в создании русскоязычного текста перевода. Автор расширяет единицу перевода (a confirmed bachelor – *неисправимый холостяк*), сохраняет грамматическую категорию мужского рода, меняет число и сопровождает дополнительной единицей противоположного значения множественного числа – *старые девы*. Благодаря приему экспликации значения на авансцене развивающихся действий появляются понятия *неисправимые холостяки и старые девы*, относящиеся к одному семантическому полю.

Каждый переводчик выбирает свой путь, в результате которого меняется тональность произведения, и смещается палитра красок в условиях ориентации на культурные традиции и языковое окружение читателя.

Мироощущение переводчика меняется в тексте русскоязычного перевода и приобретает иной облик [Боронин, Губочкина и др., 2019, с.65]. Идеино-смысловая структура текста оригинала получает форму перевоплощения в другой лингвокультуре. Оригинал приобретает новый облик в иной языковой действительности. Создатель перевода преобразует образы антропоморфизма, тем самым реализуя цели и задачи художественного перевода в глобальном языковом пространстве.

Следующий пример позволяет глубже исследовать проблему перевода образов антропоморфизма в художественной литературе.

3. ... and once they thought that they had lost their way, and a great terror seized on them, for they knew that **the Snow** is cruel to those who sleep in **her arms** (O. Wilde 'The Star-Child' p. 131).

... как-то им показалось, что они заблудились, и ужас напал на них; они знали, что Снег беспощаден к тому, кто задремлет в его объятиях (Пер. С. Займовского с. 285).

Антропоморфизации подвергаются не только представители животного мира, но и явления природы. В сознании писателя возникает образ *Снега*, этот образ подвергается олицетворению и становится живым. *Снег* изображен кровожадной стихией. *Объятия Снега* не ласкают и не согревают, они губят и отнимают жизнь у заблудившихся путников.

В тексте первоисточника snow — это женский образ (her arms). Антропоморфный образ *Снега* наделен характеристиками холодной, как лед, женщины.

В русскоязычном переводе происходит трансформация женских качеств в мужские. В соответствии с грамматической системой языка перевода меняется гендерная принадлежность художественного образа в тексте: *Снег* и *его объятия*.

Подводя итог исследованию, можно сказать, что перенесение антропоморфных образов из одной национальной почвы на другую невозможно без применения трансформаций по отношению к единицам и

использования приема адаптации художественных образов [Губочкина, 2007, с. 67].

В условиях применения трансформаций по отношению к подлиннику автор русскоязычного перевода выходит за пределы семантического значения единицы и ее стилистического предназначения.

Переводоведческий анализ, основанный на примерах антропоморфных образов в произведениях художественной литературы, позволяет сделать вывод о существовании интерпретационной природы художественного перевода. Результаты работы подтверждают, что литературный перевод является неотъемлемой частью художественного пространства, наполненного культурологическими компонентами языковой действительности.

Художественный перевод – это зеркальное отражение человеческой души, а душа – это зеркальное отражении культуры народа. Особенности другой культуры находится за гранью логических законов мироздания. Переводчик вынужденно проникает в культурное сознание автора произведения, и передает авторский образ антропоморфизма, пропуская его через свое мироощущение. Перевод – удивительная загадка природы, а лингвистический антропоморфизм – уникальное явление языковой культуры народа.

Библиографический список

1. *Боронин А.А., Абрамова Е.И., Масленникова Е.М., Строганова Т.В., Зоидзе Э.А., Губочкина Л.Ю., Молчанова Д.В.* Английский язык и англоязычный текст сквозь призму лингвистической лимологии/ монография/ отв. ред. А.А. Боронин. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 145с.
2. *Губочкина Л.Ю.* Лексико-стилистические трансформации, используемые при переводе метонимии и синонимических пар в английском и русском языках (на материале сказок О.Уайлда) // Проблемы теории языка и переводоведения. Сборник МГОУ. Вып. № 32. Отв. ред. Л. Л. Нелюбин. М.: Изд-во МГОУ, 2007. С.65-70.
3. *Губочкина Л.Ю.* Гендерная и функциональная дифференциация антропоморфических образов в лимологической лингвопоэтике // Лингвистическая лимология: сборник статей по материалам

Международной научной конференции/ отв. ред. А.А. Боронин. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С.51-54.

Список источников примеров

1. *Английские сказки.* / Под ред. Комзалова Т.А. Смоленск: Русич, 2009. 512с.
2. *Уайлд О.* Сказки. На англ. и русск. яз. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. 320с.

А.В. Давыдова

Образ мира в лирике М. Тарковского

Михаил Тарковский – выходец из знаменитой творческой династии, живущий в Сибири в поселке Бахта. В 1980-е гг. он заочно окончил Литературный институт и публиковал поэтические тексты, с середины 1990-х гг. выступает как прозаик. Художественный метод М. Тарковского – реализм, близкий к классической традиции.

Материалом для нашего исследования служат поэтические тексты М. Тарковского из сборника «Замороженное время», вышедшего в 2018 г. Эта книга особенная: с одной стороны, юбилейная, так как посвящена сорокалетию жизни автора в Сибири, а с другой – в нее вошли многие ранние тексты писателя, то есть она как бы соединила первоначальные и «выстоявшиеся» впечатления М. Тарковского от мира.

В стихотворениях поэта можно выделить три художественных пространства, отношения между которыми обусловлены восприятием лирического героя. Это миры города, Сибири и Поволжья.

Отношение к пространству города у лирического героя Тарковского противоречиво. С одной стороны, оно отчетливо ассоциируется с прошлым. Это пространство чуждое, «*больное*», его принятие происходит «*себе вопреки*». Оно связано с образом «*красивой и чужой*» горожанки (Тарковский, с. 24). Дорога в город – это «*забытый путь домой*» (Тарковский, с. 23), но этот дом для лирического героя давно стал чужим.

Противоречивое отношение к городу в лирике М. Тарковского выражено через антитезу «*мой*» – «*не мой*». Поэт называет город «*уже*

давно не мой» (Там же), и в то же время, обращаясь к Москве, восклицает: *«Мой город, я с тобой»* или *«Ты спишь, моя Москва»* (Там же). Однако при этом лирический герой остро ощущает не только личную, но и национальную (от остальной России) отчужденность столицы: *«Ты спишь, моя Москва.../А над Кремлёвской башней/Нерусская приколата звезда»* (Тарковский, с. 28). В автобиографическом рассказе «Бабушкин внук» М. Тарковский вспоминает, как бабушка в детстве *«стремилась сплавить»* его *«в леса»*, оберегая от *«гнилого»* московского мира искусства (Тарковский, с. 31). Москва оказывается иноземной столицей, противоположной остальной России, это личная боль автора.

При этом интересно, что внутреннюю связь лирического героя с городом подчеркивает и то, что последний показан снежным, замерзшим. Образы снега, холода, мороза в сборнике приобретают символическое значение, о чем свидетельствует название «Замороженное время». Сам автор в предисловии к книге указывает на многозначность этого образа, связывает его с фильмом своего знаменитого «дядюшки-кинорежиссера» «Запечатленное время»: *«... здесь шла речь о сибирской жизни. Это попытка передать то ощущение чистоты зимнего таежного существования, которому не свойственен ни малейший намек на суету... Когда кажется, будто время остановило бег и жизнь обрела единственно нужную устойчивость и правоту»* (Тарковский, с. 7). По Тарковскому, мороз – это еще и испытание, которое необходимо человеческой душе: *«Чем холоднее снаружи, тем жарче внутри»* (Там же). Кроме того, мороз – это воплощенное искусство природы, красота, утверждающая жизнь и просветляющая душу. Зима кажется М. Тарковскому временем года, дающим человеку опору, помогающим узнать истинную суть жизни и собственной души. Для Тарковского *«милая стужа»* – это еще и символ русской жизни.

Царство *«замороженного времени»* в мире М. Тарковского – это Сибирь, Енисей, окрестности Бахты. Именно это пространство в поэтических текстах представлено более полно. Интересно, что это мир, который построен не по принципу смысловых оппозиций, а по принципу дополнительности: все элементы его равновелики и дополняют друг друга.

Одним из центральных у Тарковского является образ реки. Лирический герой дает Енисею определение «мой», как бы впуская реку в

свое внутреннее пространство. Возможно, поэтому река явно очеловечивается.

В цикле «Камень» Енисей наделяется мифопоэтическими и эпическими чертами, выступает как олицетворенная природная стихия, готовящая животворный настой для уставшего и захворавшего Урала. Енисей как бы соединяет небо и скалы. Этот мотив единства дополняется мотивом отражения, связанным с образом речной воды.

Скалы, – пожалуй, один из самых частотных образов в лирике М. Тарковского. Они возникают и как частные природные образы («*Я пришёл успокоить взор на плече эти низких гор*» (Тарковский, с. 7) и как развернутый эпический образ Камня-Урала в цикле «Камень». Но в каком бы контексте не решался образ скалы/горы, он у Тарковского всегда связан с мотивами древности, непоколебимости, устойчивости, прочности. Важно также, что образ Камня помогает создать более масштабный образ «уральской избы»: Сибирь как модель мира соотносится у Тарковского еще и с моделью дома, «своим» пространством, которое нужно защищать.

Образы гор/скал в картине мира М. Тарковского соотносятся с образами неба и тайги. Чаще всего в лирике М. Тарковского возникает образ морозного ясного неба, оно становится как бы отражением «замороженного времени». Частотным эпитетом является определение «сухое» небо. Этот эпитет объясняет сам Тарковский, комментируя название сборника: «*Так вот – мороз и яснец. Полное отсутствие какой-либо слякоти, как снаружи, так и внутри*» (Тарковский, с. 17). Таким образом, «*небосвод, свирепый от мороза*» (Тарковский, с. 19) в контексте размышлений поэта оказывается еще и метафорой внутреннего состояния лирического героя.

Тайга для лирического героя, с одной стороны, – привычное место, поэтому ряд эпитетов и метафор бытовые, неяркие: «*серая тайга*» (Тарковский, с. 12), «*расческа лесов*» (Тарковский, с. 17). С другой стороны, лирический герой не перестает ощущать таинство жизни тайги, ее чудо и сравнивает ее с «*великолепным монастырем*» (Тарковский, с. 14).

Мир тайги у Тарковского живой и реалистичный. Автор очень точен в наименовании растений, животных, рыб, птиц – обитателей этого

пространства. Такая точность свойственна взгляду профессионального охотника и человека, знающего и любящего мир, в котором он живет.

Важными элементами художественной картины мира Сибири в поэзии Тарковского становятся также ветер и туман. Лирический герой признается в любви к туману и осени, с которой ассоциативно связан: *«Я осень понимаю с полуслова»* (Тарковский, с. 21). Туман – тоже не просто примета пространства, но и символ внутреннего состояния: *«Поверь, я сам себя не узнаю / С тех пор, как лишь в тумане оживаю»* (Там же).

На границе двух смыслов создается у Тарковского и образ ветра. Он тоже примета сибирского пространства – с одной стороны. С другой – лирический герой называет ветер своим братом, чувствуя внутреннее родство с ним: *«Брат мой, ветер! Вздувая одежды, / Ты дорогу за мной просуши»* (Тарковский, с. 26). Примечательно, что в последнем отрывке образ ветра связан с дорогой: пути небесные, по которым гуляет ветер, и пути земные, по которым странствует человек, пересекаются.

Образ дороги в лирике Тарковского решён вполне в духе традиций русской литературы и имеет символическое значение. Дорога – это стезя лирического героя-охотника и поэта-странника. Чуйский и Усинский тракты – пространственные приметы Урала и Сибири. Дорога – это еще и путь жизни человека: *«Я с собой заберу в дорогу / Половиц непослушных стык, / Петуха, поджавшего ногу, / И его предрассветный крик»* (Там же). И, наконец, это символ последнего пути, который, верит лирический герой, должен обернуться вечностью.

Образ лирического героя тоже становится важной частью художественного мира у Тарковского. Можно выделить несколько ипостасей этого образа: лирический герой – воин, охотник, поэт.

В лирике Тарковского возникает образ лирического героя-война, рыцаря. В стихотворениях *«Продубленный холодами»*, *«Ты ушла от меня без оглядки»*, *«Я всю ночь выбирался из сети»*, *«Тебе, моя Любовь, тебе, чьё имя вкус...»* возникает таинственный образ ее, сближающийся то с женщиной, то с Родиной: *«Бахта! Когда он станет давним, / И этот снег, и этот кров, / Я буду бредить каждым камнем / Твоих далёких берегов»* (Тарковский, с. 11). Он чувствует неодолимую, кровную связь с землей, на которой живет. Лирический герой чувствует себя в ответе за ее счастье и благополучие. В цикле *«Камень»*, обращаясь к Уралу, он восклицает: *«Я*

всю жизнь просидел у тебя в тылу, / И настала моя пора» (Тарковский, с. 17), чувствует себя в ответе за сохранение традиций и самой сути русской жизни. Думается, что, несмотря на ярко выраженную былинную стилистику, для лирического героя Тарковского и самого автора, который вместо богемной Москвы выбрал тяжелый труд провинциального промысловика, жизнь, действительно, – крутая дорога рыцарства, вполне реальная, хоть и немодная сегодня. Она дается ему непросто: война, которую герой ведет, – это еще и битва с самим собой.

В третьем стихотворении цикла «Перед охотой» Тарковский пишет: *«И ощущение воли и покоя / По телу растекается, как яд»* (Тарковский, с. 13). Лирический герой накануне охоты отравлен «пушкинским» счастьем: «покой и воля». Апофеозом становится стихотворение «Охота», где автор очень подробен в описании предметно-бытовых деталей жизни промысловика. Интересно, что в сознании Тарковского ипостаси охотника и поэта сопряжены: *«За странное осеннее волнение, что знает лишь охотник да поэт...»* (Тарковский, с. 15).

Сама поэзия становится особенной «здесь», в Сибири: *«Здесь слова замедляют бег / И трещат в берегах строки. / Здесь и мысль, превращаясь в лёд, / Позволяет себя прочесть»* (Тарковский, с. 11). *«Сырое слово», «брошенное на ветер» «в сухое небо» в Сибири «к утру упадёт стихом»* (Тарковский, с. 16). Эти зримые метафоры удивительно напоминают образы «мороженных песен» С.Г. Писахова. Сам процесс творчества на Севере становится зримым, очевидным. В связи с темой поэзии у Тарковского в лучших традициях русской литературы возникает образ Музы. Она «русская», это спутница русского поэта, которая вписывает его творчество в национальную традицию. Она тесно связана с судьбой лирического героя: *«Во всей этой истории чудной / Мне места нет. Судьба и Муза сами / Меня связать моими ж руками / Договорились за моей спиной»* (Тарковский, с. 14). Судьба и поэзия – две силы, неподвластные лирическому герою, управляющие его жизнью. С другой стороны, только Муза является спасительницей для него, который пытается разобраться в себе и мире: *«О Муза, чтоб я делал без тебя?!»* (Тарковский, с. 22).

Таким образом, художественный мир Сибири в поэтических текстах М. Тарковского представлен очень подробно. Это реальность

«замороженного времени», которая заставляет лирического героя и автора почувствовать себя живыми, становится для них домом, равновеликим истинной России. Но даже беззаветно любя Сибирь, лирический герой не может утверждать, что навсегда сможет остаться там. Место, где «человек всерьез начинает быть», не может пространственно ограничить его жизнь, это лишь точка отсчета. Вот и для лирического героя в определенный момент противопоставление города и Сибири становится неважным: *«Я чувствую в крови какой-то новый холод, / Там ясно дребезжат бубенчики шуги. / Мне больше не нужны ни самый снежный город, / Ни самый лучший лёд из погреба тайги»* (Тарковский, с. 27).

Пространством, которое примиряет два прежде противопоставленных в сознании героя мира, становится пространство сна-воспоминания: *«Мне снится старый дом, / Заволжские откосы, / Неровное стекло протёртого окна, / Грачиная возня и бабушкины косы / И на большой воде весёлая волна»* (Тарковский, с. 27). Так возникает тема детства лирического героя, автобиографическая у Тарковского. В рассказе «Бабушкин внук» он вспоминает, что бабушка *«избороздила с ним всю среднюю Россию»* (Тарковский, с. 30). Эти сны – тоже своего рода образцы «замороженного времени», сохраненные в сознании лирического героя и примиряющие его с настоящим, смягчающие тоску по *«прошлому семьи, / По лучшей из держав земли...»* (Тарковский, с. 29). Сны создают образ мира, увы, уже недоступного, но бесконечно близкого, может быть, единственно по-настоящему родного для лирического героя.

Таким образом, пространство лирики М. Тарковского в сборнике «Замороженное время» триедино. С одной стороны, оно актуализирует характерный для реалистической картины мира принцип смысловой оппозиции, с другой – подчинено принципу автобиографизма и, наконец, тесно связано с восприятием лирического героя-воина, охотника и поэта.

Список источников примеров

7. Тарковский М. Замороженное время. М.: Издательство «Э», 2018. 256 с.

Психолингвистические основания метафоры «Перевод – это ходьба на канате»

Многие современные практики и теоретики перевода считают метафору «Перевод – это ходьба на канате» гиперболизацией сложностей решения переводческих задач, или превозношением самого вида умственной деятельности в посредничестве двух культур.

Для начала разберемся, какие составляющие имеет хождение по канату как непосредственно физическое действие:

- 1) длина дистанции;
- 2) натянутый канат, по которому следует пройти;
- 3) высота места, предполагающая наличие пропасти внизу;
- 4) время, отпущенное канатоходцу для совершения пути.

Переформулируем их относительно умственной деятельности, каковой является перевод:

- 1) необходимость завершения перевода заданного текста для достижения коммуникативной цели;
- 2) высокопрофессиональное умение прохождения пути шаг за шагом;
- 3) опасность провала в случае использования несбалансированной стратегии / технологии прохождения;
- 4) завершение процесса в рамках заданного времени.

Однако отличают сам физический акт хождения по канату от переводческого посредничества *раздельные пространства справа и слева от канатоходца, т.е. отличные по своей природе и назначению пространства формы и семантики. Изолированность* внешнего знака от внутреннего содержимого является в свете сказанного не только отличительным свойством, но и базовым психолингвистическим основанием, которое представляет собой методологическую эпистему в лингвистике, т.е. некое исходное предзнание, научное «априори»¹, предобуславливающее направления и технологию познавательной деятельности в области языка-речи-мышления-коммуникации.

¹ Согласно «археологии знания» М. Фуко, эпистема представляет собой особые условия функционирования любого вида знания в данный исторический период, выраженные в определенном понимании соотношения языка и внешнего мира, т.е. слов и вещей [Фуко, 1994].

Другими словами, для того чтобы соблюдать и реализовывать принципы современного научного исследования в описании речемыслительного процесса¹, мы должны понимать, что в основе детерминации каждого последующего методологического шага лежит онтология естественного – нейрофизиологического – протекания акта коммуникации, где вовлекаемые в нее факторы взаимодействуют в результате активации соответствующих нейронов, носящей характер цепной реакции [Дашинимаева, 2008]. Когда мы производим речь, это означает, что активируются речемоторные нейроны; когда мы думаем, значит, получают активацию моделирующие мыслительную деятельность нейроны². При этом говорение и думание как этапы изолированы соответствующими нейронными группами (Melton 1963, Иванов 1978, Гешвинд 1982, Rosenbloom & Newell 1987, Bragina 1988, McDonald 2000, Горошко 2005, Barsalou 2008, и т.д.).

Так, в качестве пятого метафорического условия вычленяется следующая специфика переводческой деятельности:

5) две неоднозначные стороны переводческого пространства, уравнивание и синхронизация которых приводит к балансу, т.е. к успешному результату: по одну сторону «каната» – внешняя форма текста, по другую – внутренняя, т.е. концептуально-семантическая. При этом под формой подразумевается и язык тела адресанта³, и просодические составляющие дискурса.

Итак, кроме базового нейрофизиологического принципа активации речевой деятельности индивидуума, какие опосредованные психолингвистические наработки разных уровней обобщения могут быть приведены в качестве оснований метафоры?

Филогенез и онтогенез

Согласно многочисленным исследованиям в области филогенеза, человеческий мозг должен был пройти огромный путь *предварительного*

¹ (1) релевантность теоретических обобщений (в т.ч. за счет принципа детерминизма и соответствия); (2) достоверность (в т.ч. за счет принципов дополнительности в описании и интердисциплинарного синтеза); (3) релятивизация стереотипов; (4) учет открытости текста как динамической системы; (5) единство дескрипции и прескрипции)

² В свете сказанного заслуживает цитирования ремарка «The execution of the event is called its activation. As Halverson points out (2003: 200), 'We might conjecture that this same process will pertain to translation events.' [по: The Oxford Handbook of Translation Studies, 2012, p. 57].

³ Ср. A small gesture, a wink of an eye, a stare, a smile or a blank face can frequently say much more than words [Whyatt, 2012, p. 17].

рафинирования когнитивных аналитических умений и адаптивного развития, чтобы *затем наконец* запустить язык как средство коммуникации [Donald, 2017, Ушакова, 2018]. Что касается онтогенеза, мы видим, что у ребенка до говорения также происходит постепенное повышение уровня интеллекта, что «первая ступенька заключается в том, что на основе накопления начальных осмысленных оперативных комплексов у младенца зарождаются начальные формы осмысливания его действительного опыта» [Ушакова, 2018, с. 131], что, в частности, затем отражается в умении соотносить коды и отвечать соответствующей реакцией, например, на мамины нежности – улыбкой. Данное умение можно отнести к следующему обоснованию – *внутрисемиотический перевод*.

Поясним, что здесь в рамках задачи описания естественного семиозиса в плане соотношения формы и семантики, мы расширяем классификацию видов перевода Р. Якобсона (внутриязыковой, межсемиотический и межязыковой) вводом четвертого вида, описывающего не речемышление вообще, а актуальный семиозис «здесь и сейчас» в мозге конкретного коммуниканта. Так, исходя из психонейрофизиологии семиозиса, будем считать, что внутренний перевод – это не только перенос одного семиотического кода в другой, например, толкование иконического или символического знака в словах, или внутриязыковое перефразирование фрагментов речи на одном языке. Это, прежде всего, трансформирование наших мыслей для себя в мысль для другого, далее – намерение оказать воздействие на другого, затем уже подобрать ему вербальную манифестацию, т.е. это последовательный трансфер значений и значимостей до их означивания – то, чем перманентно мозг *homo significans* занимается, в т.ч. неосознаваемо с точки зрения контроля. Наша идея внутрисемиотического перевода вторит Дж. Фодору, согласно которому язык мысли *Mentalese* имеет свой синтаксис и семантику, которые перекодируются, больше подсознательно, чем сознательно, во внешнеязыковые формы в соответствии с коммуникативным намерением [Fodor, 1975].

В переводе же данную когнитивную деятельность можно представить как «*retracing the cognitive route via which the message arrived, that is from its conceptualization via formulation to articulation*» [Green, 1993,

по: Whyatt, 2012, p. 19]. Данный маршрут концептуализации¹ предполагает начальный этап декодирования культурного кода смысла донесения, что обуславливает высокую степень сложности ментальной работы, когда переводчик соактивирует присущие автору способы мышления, систему мировоззрения² (ср. ‘mindsharing’ [Donald, 2001]). Последние становятся для переводчика более или менее прозрачными как ментальные репрезентации, подсознательно извлекаемые из *Mentalese*, которые далее способствуют формулированию более или менее общего (для чужого и своего) коммуникативного намерения. Иначе говоря, не слова побуждают вести логически непротиворечивое общение, а интенции, которые подвергаются вербализации [Whyatt, 2012, p. 18].

Эволюция науки vs. argumentum ad verecundiam

Почему мы говорим о форме и содержании не как о слитом единстве, а как о разделенных субстанциях, стало понятным уже после открытий XIX века, сделанных французскими нейрологами Марком Даксом и Пьер-Полем Брока, и немецким невропатологом и нейроанатомом Карлом Вернике, затем стало более понятным уже для лингвистов во второй и третьей четверти двадцатого столетия из психонейрофизиологии производства и восприятия речи, когда известные когнитологи-психологи-лингвисты прошлого века – Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Ч. Осгуд, Ж. Меллер, Т.Бивер, Дж. Фодор, М. Гаррет, Н.И. Жинкин, Н. Хомский Chomsky 2006, Pavlenko 2005, 2009 и др. – подробно описали аксиому о том, что форма и семантика разделены как этапы речемыслительной деятельности. Три четверти столетия позже в 21-ом году 21-го столетия мы продолжаем вторить догме «Мысль рождается в слове» (!), которая как методологическая эпистема отправляет лингвистов, в т.ч. переводчиков, на неверный путь достижения выводного знания в научном исследовании, в

¹ Вслед за основателем интерпретативной теории перевода Д. Селескович, данный алгоритм ментальной работы переводчика принято называть вертикальным переводом: “This vertical route is viewed as characteristic of mature professional translators [Seleskovitch, 1976, по: Whyatt, p. 145]; «[функционально-коммуникативные] модели уже отличаются 3D-трехмерностью в объеме, (...) парадигма обязывает моделировать перевод не только горизонтальными линиями, но и вертикальными — вглубь деятельности — в поисках функций коммуникантов, которые взаимообуславливаются смыслами сообщений» [Дашинамаева, 2017, с. 126].

² Необходимость целенаправленного освоения технологии выполнения переводческого акта также вызвана осознанием прежде всего эпистемы об априорной изолированности формы и семантики. В свете сказанного знание другого языка по определению не означает умение переводить на него, быть мультилингвом не значит быть переводчиком или экспертом соответствующих культурных картин мира.

методике преподавания, в практике перевода. Расхожее мнение о том, что любой знаток другого языка по определению может хорошо переводить, т.е. складывать слова последовательно, в итоге получать перевод, также вызвано этой догмой.

Весьма любопытно, что писал о соотношении форм и содержаний двух контактирующих в переводе языков один из самых значимых лингвофилоффов Вальтер Беньямин в «Задаче переводчика» (1923!): язык оригинала «дозревает», второй «с муками рождается», ибо до процесса перевода они мертвы. Предполагаемое одно и то же означаемое, которое реализуется лишь всей совокупностью взаимно дополняющих интенций автора и переводчика есть чистый язык (чистое слово, находясь за пределами всякой интенции, не означает ничего). Но «тогда, как в оригинале содержание и язык образуют некое единство по типу фрукта и кожуры, язык перевода объемлет свое содержание, как королевская мантия с широкими складками». Другими словами, даже в хорошем переводе не формируется спаянность формы и содержания: они остаются разъединенными, поскольку «точность в переводе отдельных слов оригинала почти никогда не передает всю полноту их смысла». Родство контактирующих языков определяется неуловимо-различимым сходством, что «ослепляет на мгновение», а не результатом пристального взглядывания в «труп оригинала», «разъятый истинным переводом» [Беньямин, 2004, с. 33-42].¹

Метафора указывает на внешнюю форму оригинала и перевода в виде кожуры и мантии, где внутренние смыслы их содержания плотно влиты в форму как сам фрукт в первом случае, а во втором – разбросаны и спрятаны в широких складках мантии, т.е. они выражены неочевидно, иногда и неверно. Словарные эквиваленты присутствуют, однако они не могут отразить исконные намерения автора на аутентичном уровне²:

¹ Следует отметить, что этот довольно пессимистический взгляд перекликается с тезисом индетерминизма в переводе, восходящим к известной работе философа Уилларда Куайна “Word and object” (1960): суждение истинно лишь постольку, поскольку имеет место обращение к опыту, однако референт, даже наблюдаемый, остается для собеседника непрозрачным, соответственно, невозможно постулировать тождество и эквивалентность (возможен только «в принципе неопределенный перевод»). Более того, «семантическая неопределенность присутствует, по-разному проявляясь, во всех коммуникативных ситуациях» [по: The Oxford, p. 28].

² В качестве подтверждения приведем тезис еще одного авторитетного ученого: «Translation is more a process of explanation, interpretation and reformulation of ideas than a transformation of words: the role of

первые – статичный инвентарь, вторые – уникальное динамическое мыслительное содержание, которые *не* активируются как одна сущность, подразумевающая априорную прозрачность, а разделены и последовательны, потому предполагают асимметричные отношения.

Развитие (лингво)когнитологии

При упоминании данного основания важно сначала оговорить две вещи:

- 1) когнитивно-психологический/когнитивно-деятельностный подход указывает на тип исследовательского направления, в рамках которого отрицается логоцентрический подход (т. е. приоритет формально-структурного видения) и признается первичность понимания сознания и мышления индивидуума;
- 2) психолингвистический подход принимается нами как направление исследования, вытекающее из лингвокогнитологии и ставящее в качестве основной задачи операциональное описание порождения и восприятия речи.

На обоих уровнях отечественное переводоведение представлено такими именами, как Воскобойник Г.Д., Галеева Н.Л., Галеева Н.Л., Ермолович В.И., Жигалина В.М., Зимняя И.А., Казакова О.В., Клюканов И.Э., Крюков А.Н., Кушнина Л.В., Леонтьев А.А., Минченков А.Г., Нестерова Н.М., Сорокин Ю.А., Фесенко Т.А., Хайруллин В.И., Ширяев А.Ф. и др., разработавших большие и малые теории не-логоцентрического толка (более подробно в [Дашинимаева, 2017]).

Первым коллективным трудом, дающим системное представление о когнитивной транслатологии, является коллективная монография «The Handbook of Translation and Cognition» (2017), которая знакомит теоретиков и практиков с наиболее значимыми теориями, интегрирующими идеи когнитологии и переводоведения с эмпирическим подтверждением. Заслуживают внимания теории, которые учитывают дискретный характер внешнего и внутреннего знаков семиозиса, например, работы

- о роли образной и символической ментальной репрезентации в переводе (Celia Martín de León), когда переводчику следует привести в баланс по-разному организованные динамические ментальные

language is secondary, it is merely a vector or carrier of thoughts» [Newmark, 1988, p. 72, по: Whyatt, 2012, p. 118].

схемы не только адресанта и адресата, но и переводчика, представляющих исходную и целевую культуры;

- о необходимости изучения би- и полилингвизма в соотношении с переводоведением с точки зрения психолингвистики (Ferreira, A., Schwieter, J.), в частности в разрезе использования в устном и письменном переводе не лого-, а семантико-ориентированной стратегии [по: Ferreira, A., et al., 2016].

Следует особо отметить две работы Богуславы Уайэт – «Translation as a human skill. From predisposition to expertise» (2012) и «Similar and different: cognitive rhythm and effort in translation and paraphrasing» (в соавторстве, 2016), где переводческое посредничество рассматривается как естественно-физиологическая деятельность, и процесс ее реализации рекомендуется описать в виде когнитивного ритма как этапы приложения усилий, т.е. как степени проявления контроля со стороны переводчика. Также интерес ученых университета г. Познань вызывают вопросы переключения кодов, включающего процессы активации, торможения/подавления, реактивации контактирующих языков, всегда пребывающих в формате когнитивного соперничества [Whyatt, B., et al., 2016].

Практика (vs. дидактика) перевода

Вполне обоснованным можно считать тот факт, что начинающие и среднестатистические переводчики производят механический, т.е. горизонтальный перевод: они еще далеки от понимания того, что текст – это только инструмент, при помощи которого нужно взломать код авторского донесения, инструмент, который при этом может оказаться не самым ловким и подходящим для глубинного декодирования месседжа. Еще сложнее, когда послание оформлено по определенным правилам игры, тогда, соответственно, переводчик – тоже homo ludens.

Следовательно, поскольку говорящий СНАЧАЛА порождает некое намерение оказать определенное воздействие на читателя / собеседника, затем согласовывает его с большим и малым контекстом перед этапом вербализации, перед переводчиком стоит задача внутрисемиотического перевода – решения проблемы соотношения формального текста с затекстовым донесением – насколько удачно / грамотно / более или менее прозрачно отправитель выразил ту значимость, которую он переживает

«здесь и сейчас». Не секрет, что не всегда гладко и понятно человек изъясняется, из чего следует, что встреча мысли со словом – основная загадка переводческой деятельности, при этом в эпистемологическом контексте она предстает как обоснование и подтверждение принципа автономности формы и семантики.

Другими словами, задача преподавателя-исследователя учить начинающих переводчиков выполнять вертикальный перевод означает учить их определять степень (а)симметрии между сообщением и коммуникативным намерением, с одной стороны, и их овнешнением в телах языкового знака оригинала, подходить к решению задачи творчески, иногда непредсказуемо, когда ум работает не слева направо, а в глубину текста, когда подбор слов и структур второго языка в итоге не создает впечатление «у них все как и у нас». Если сложится обратное впечатление «у них так же, как и у нас», тогда переводчика можно заменить машинным вариантом: ущерба не будет, будет только экономия времени и денег.

Противопоставим вышеизложенным основаниям в виде современных теорий перевода *догматические идеи*, которые, будучи вслух сказанными, еще раз станут подтверждением (от противного) верности психолингвистических оснований метафоры «Перевод – это ходьба на канате»:

- Речь, мысль, язык, мышление – отдельные предметы научного интереса.
- В речи активируются словарные значения.
- Мы мыслим в словах, подбирая соответствующие словарные значения.
- Словарные значения абсолютны, поскольку в них отражен один и тот же внешний мир, окружающий всех людей независимо от их принадлежности к культуре, соответственно, эквивалент – явление статичное, и переводчику остается лишь найти в словаре коррелят(ы).
- Языковой знак – «вся правда»: между мотивами его использования и следствием, т.е. его моторной активацией, существует прямая и объективная связь.

- В структурно-синтаксическом аспекте языки почти тождественны, соответственно, лучше переводить механически, соблюдая правила конструирования текста.

Как видим, если во всех шести суждениях догматической природы, которые являются инференцией из некачественной практики перевода, внедрить отрицательную частицу «не», тогда получим шесть постулатов, иллюстрирующих релевантность метафоры «Перевод – это ходьба на канате» о профессиональном подходе к своей работе переводчика. Далее, вышеизложенные теоретизирования подводят нас к необходимости разработки новых методологий исследования ментальной части переводческого процесса на более системном уровне, учитывая следующие аспекты в т.ч.:

- культура переводческого мышления vs. осознание системного представления перевода как учебного и научного объекта;
- формирование навыков операционализации переводческих действий;
- более эффективные методики обучения переводу, учитывающие естественные механизмы порождения и восприятия речи;
- вывод переводоведения на более самостоятельный от языкознания и филологии – фундаментальный – уровень / уровень статуса «прикладная наука с элементами фундаментальной».

Библиографический список

1. *Беньямин В.* Задача переводчика: предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. М. : Симпозиум, 2004. С. 27–46.
2. *Дашинимаева П.П.* О когнитивном принципе цепной реакции // Journal International Scientific Publications “LANGUAGE, Individual and Society” www.science-journals.eu. Info Invest, Sunny Beach, Bulgaria, 2008. Vol. 2. P. 166–175.
3. *Дашинимаева П.П.* Теория перевода. Психолингвистический подход: учебник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 360 с.

4. Ушакова Т.Н. О филогенезе языка человека (когнитивно-психологический анализ). Вопросы психолингвистики, 3 (37), 2018. С. 126-137. DOI 10.30982/2077-5911-2018-37-3-126-137
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой ; вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
6. Donald, M. A mind so rare: The evolution of human consciousness. New York: W.W. Norton & Co., 2001. 371 p.
7. Donald, M. Key cognitive preconditions for the evolution of language. Psychonomic Bull. Rev., 2017. 24. P. 204–208 DOI 10.3758/s13423-016-1102-x
8. Ferreira, A., Schwieter, J., & Gile, D. The position of psycholinguistic and cognitive science in translation and interpreting. In: A. Ferreira & J. Schwieter (Eds.), Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting. PA: Benjamins, Amsterdam, 2015. P 3–16.
9. Ferreira, A., Schwieter, J.W. The Handbook of Translation and Cognition. An Overview. 2016. 16 p.
10. Fodor, J. The language of thought. Harvard: University Press. 1975. 214 pp.
11. Green, D.W. Towards a model of L2 comprehension and production. In: Schreuder, Robert – Bert Weltens (eds.), The bilingual lexicon. John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 249–277.
12. Quine, W. van O. Word and Object. Cambridge, MA: MIT Press. 1960.
13. The Oxford Handbook of Translation Studies / Ed. by Kirsten Malmkjær and Kevin Windle. Oxford University Press, 2012. 475 p.
14. The translator as mediator of cultures / Ed. by Humphrey Tonkin, Maria Esposito Frank. University of Hartford. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, 2010. 201 p.
15. Whyatt, B. Translation as a human skill. From predisposition to expertise. Faculty of English. Adam Mickiewicz University. Poznań 2012. 461p.
16. Whyatt, B., Stachowiak, K., Kajzer-Wietrzny, M. Similar and different: cognitive rhythm and effort in translation and paraphrasing. Poznań Studies in Contemporary Linguistics 52(2), 2016. P. 175–208. DOI: 10.1515/psicl-2016-0007

Термины и профессиональные жаргонизмы в целлюлозно-бумажной промышленности

Целью данной статьи является сравнение функционирования терминов и профессиональных жаргонизмов, используемых в целлюлозно-бумажной промышленности (ЦБП) на примере русского и английского языков.

При переводе технических текстов основную трудность для переводчика представляют термины, используемые в конкретной области знаний. Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности [Лейчик, с. 31]. Термины существуют в лексической системе языка в рамках терминологической системы. Терминологическая система относится к плану языка, а ее репрезентация в речи осуществляется в рамках дискурса, соответствующего данной области знаний.

В пределах определенной терминологической системы термин в идеале должен быть однозначным и стилистически нейтральным. К сожалению, достичь однозначности терминов в реальной жизни не всегда возможно даже в рамках одной отрасли. Так, например, при переводе слова *протяжка* в ходе выполнения общестроительных работ речь может идти как о протяжке соединений (*tightening*), так и о протяжке кабеля (*cable pulling*), а при переводе слова *вал* может иметься в виду *roll* или *shaft*. Для правильного перевода в таком случае необходим дополнительный контекст.

Наряду с терминами в ЦБП активно используются профессиональные жаргонизмы (профессионализмы), что создает дополнительные трудности для переводчика. Жаргонизмы выступают в качестве дублирующих единиц для терминов, находятся в отношениях синонимии с профессиональной нежаргонной лексикой. Жаргонизмы экспрессивны, стилистически окрашены.

Приведем примеры профессиональных жаргонизмов:

- *горшок* вместо *янки* *цилиндр* (элемент сушильной группы бумагоделательной машины, представляющий из себя барабан,

нагреваемый паром под давлением, на котором происходит высушивание сформированного бумажного полотна);

- *поросенок* вместо *полотно*, *намотавшееся на сушильный цилиндр толстым слоем*;

- *намотыш* вместо *рулон*, *намотанный с несколькими обрывами*;

- *деревяшка* вместо *аэрошафт с картонной гильзой*;

- *резинка* вместо *обрезиненный вал*;

- *миксер* вместо *смесительный бассейн*.

Как показывают примеры, профессиональные жаргонизмы помогают более емко передать мысль, сэкономя при этом время и усилия, что зачастую важно при работе на производстве.

Использование профессионализмов маркирует носителя профессионального жаргона как «своего», противопоставляя его «чужим» в соответствующей среде. Переводчик в начале работы на предприятии ЦБП может чувствовать себя «чужим», так как не владеет профессиональным жаргоном, что может мешать адекватному восприятию текста. Для правильного перевода фразы в таком случае переводчику необходимо обращаться за дополнительными разъяснениями к участникам коммуникации, что при синхронном переводе в кабине, например, не представляется возможным. С опытом профессиональный жаргон перестает вызывать у переводчика трудности.

Для успешной работы в целлюлозно-бумажной промышленности переводчику необходимо, прежде всего, знать особенности технологического процесса производства целлюлозы, бумаги или картона в зависимости от того, на чем специализируется конкретное предприятие. Целесообразно составить двуязычный глоссарий с основными терминами и сокращениями, если это не было сделано на предприятии ранее. В таком случае лучше всего использовать инструкции к оборудованию, словари, информацию с сайтов производителей оборудования для ЦБП, отраслевые журналы и т.д. При отсутствии профильного технического образования следует обратиться за консультацией к специалистам в данной отрасли.

Библиографический список

1. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Либроком, 2009. 256 с.

М.В. Дружинина

Михаил Васильевич Ломоносов – гений дизайнерской мысли

М.В. Ломоносов – феноменальная личность, поэтому анализировать его деятельность чрезвычайно сложно и ответственно. Исследователями издано так много работ о выдающемся ученом, что описаны, казалось бы, все его открытия и названы все незаурядные способности талантливого человека. В научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и в интернете представлено более ста работ о Ломоносове. Но его труды и открытия и сегодня продолжают изучать педагоги, историки, литераторы, лингвисты, экономисты, ученые разных научных направлений.

Родители ученого и жизнь на Русском Севере наделили Ломоносова такими чертами, как: истинный патриотизм и глубокая любовь к русскому народу, многосторонний талант и незаурядные способности, неисчерпаемое творчество и универсальные интересы, глобальное мышление, постоянный интерес к новому и нестандартному решению сложных задач. В результате для нас загадкой остается ответ на вопрос: как возможно было появление такого феномена личности – мыслителя, инициатора, реформатора, модернизатора, дизайнера?

Известный русский историк, ректор Архангельского государственного педагогического института Георгий Георгиевич Фруменков (я счастлива, что неоднократно общалась с ним лично) в своей книге «М.В. Ломоносов – основоположник русской исторической науки», изданной в 1960 году, отмечает: «Трудно даже назвать такую отрасль знания, полезного Отечеству, которую не озарял бы гений М.В. Ломоносова» [Фруменков, с. 5]. «Гений озарял» – подобные эмоционально окрашенные слова редко звучат из уст историков, которые оперируют в основном архивными данными, фактами и статистикой. Но здесь особый случай. Настоящий подвиг совершил гениальный помор, наш

земляк, патриот своей страны, известный как историк, механик, химик, физик, астроном, минеролог, художник, поэт, филолог, литератор, педагог, основатель мозаичного искусства... И снова возникают вопросы: Как могли в одном человеке сочетаться интересы в области точных и гуманитарных наук? Как стало возможным сделать столько научных открытий и заложить теоретические основы дальнейшего развития более десяти наук? Передовые мысли, выраженные М.В. Ломоносовым в XVIII веке, до сих пор вдохновляют ученых – представителей многих наук и научных направлений.

Творчество М.В. Ломоносова не знает границ. Это очень хорошо показано в книге Г.Е. Павловой и А.С. Федорова [Павлова, Федоров], в работе М.Т. Белявского [Белявский], монографии М.Ю. Елеповой [Елепова] и многих других трудах о Ломоносове [ср., например, Михайло Ломоносов]. За относительно короткую жизнь великий ученый успел сделать всемирно значимые открытия, что не перестает удивлять и вдохновлять нас.

Доктор педагогических наук, профессор Т.С. Буторина в своих научных трудах, посвященных М.В. Ломоносову, достаточно полно представила роль Михаила Васильевича в педагогической науке. По мнению Татьяны Сергеевны, Ломоносова следует считать основателем педагогической науки [Буторина]. Фундамент развития народного образования и сохранение патриотических традиций, заложенные Ломоносовым, действительно, определили дальнейший процесс развития науки и образования в России.

Как организатор отечественной науки Ломоносов известен своим потенциалом государственного мышления, просвещения, преобразования, организации, управления, служения Родине, преданности делу, патриотизма, борьбы с невежеством и ханжеством и многими другими качествами. Поток научных идей и прогрессивных мыслей исследователя был бесконечен, перспективен, а потому остается актуален для современных условий. Идеи и размышления об атмосферных изменениях, морских течениях, магнитной теории, востоковедении, организации и управлении образованием и многие другие высказывания Ломоносова показывают гениальность, перспективность и жизнестойкость стратегического видения ученым дальнейшего развития науки и

образования. Все, что проектировал, создавал, развивал и реализовывал в науке и образовании великий ученый, сопряжено с идеями творчества и дизайна.

Кратко поясним, в чем заключается суть философии дизайна. Англоязычное понятие «design» (дизайн), имеющее сегодня множество значений ('замысел', 'план', 'намерение', 'цель', 'чертеж', 'эскиз', 'набросок', 'рисунок', 'узор', 'модель', 'шаблон', 'схема', 'композиция' и др.), заимствовано из итальянского языка, где в XVI веке появилось выражение "Disegno intero", что означало рожденную у художника и внушенную Богом идею – концепцию произведения искусства [https://vk.com/wall-129665037_6]. В наши дни существует много видов дизайн-деятельности: это и дизайн как проектирование в самом широком смысле этого слова, и промышленный дизайн, и арт-дизайн, и дизайн как художественное проектирование, и педагогический дизайн и многие другие виды дизайна. Предметом дизайн-деятельности является создание гармоничной, содержательной и выразительной предметно-пространственной среды, окружающей человека. Объектом дизайн-деятельности могут быть: технические изделия, продукты общественного производства, комплексы в системе отношений: человек-предмет-среда, их форма, что способствует повышению эффективности производства, потребления и социальных отношений. К основным категориям объекта дизайна относятся: образ, морфология, технологическая форма, эстетическая ценность. Разновидностей дизайна так много, что перечислить их всех практически невозможно. Назовем лишь некоторые из них: промышленный дизайн, дизайн одежды, книжный дизайн, анимационный дизайн, дизайн мебели, эко дизайн, звуковой дизайн, веб-дизайн.

Многогранность мышления М.В. Ломоносова, его способность соединять в деятельности видение научного и прикладного аспектов, а также его дизайнерское мышление сегодня ни у кого не вызывают сомнения. Приведем несколько примеров:

1. Ломоносов – основатель мозаичного искусства в России.

Художественное творчество Ломоносова не знает границ. Созданные им мозаичные портреты и картины представляют собой шедевры мозаичного искусства XVIII века. Проекты, рисунки, чертежи, рисунки,

оформление празднеств иллюминациями и фейерверками, работы с цветным стеклом, оформление домов свидетельствуют о необыкновенном таланте Ломоносова как дизайнера. Оригинальность дизайнерской мысли, творчество, незаурядные способности в области искусства совершенствовались на протяжении всей жизни Ломоносова и не переставали удивлять современников и удивляют всех, кто обращался и обращается к его творчеству.

Постройка химической лаборатории в 1748 году позволила восстановить утраченную в России технологию стеклянных сплавов (смальтов), развить теорию цветов, восстановить идеи забытого искусства. Всевозможные оттенки цвета (цветы, ударение Ломоносов делал на первом слоге) стали великим научным открытием, одновременно прикладным результатом деятельности и творческим достижением великого ученого. Траектория движения от научной мысли через творчество к воплощению в прикладной работе – это и есть дизайнерская мысль, которую Ломоносов заложил и воплотил уже в XVIII веке. Поэзия о стекле, оды стеклу, понимание удивительных свойств стекла, его достоинств и пользы – все это является научно-практическим воплощением дизайнерской мысли ученого. Для Ломоносова изучение стекла было связано с познанием тайны природы, которое было способно воплотиться в телескопы, микроскопы, барометры, термометры, очки... А для нас, ученых, изучающих науки, это является примером яркой дизайнерской мысли. Оставленные Ломоносовым художественные произведения мозаичных портретов Великого полководца Александра Невского, Всероссийского императора Петра Первого, Апостола Петра, Апостола Павла представляют собой неоценимое наследие российского искусства.

2. Ломоносов и природа.

Любовь к природе, которую Ломоносов с большим интересом и благоговением в детстве наблюдал на Севере (северное сияние, движение льдов Белого моря и северных рек, отливы и приливы, штормы, добыча полезных ископаемых и многое другое) мотивировали ученого к изучению и систематизации природных явлений, к получению геологических знаний и к познанию горного дела. Геология и минералогия, исследование природы и ее богатств, природных явлений ветра, землетрясений, дождей, пожаров, наводнений, на протяжении всей жизни ученого

свидетельствовали о его способности видения будущего развития нашей планеты.

Особый вклад Ломоносов внес в сферу кристаллографии. Глубина изучения кристаллов, сформулированных Ломоносовым логических заключений и выводов до сих пор поражают ученых.

3. Ломоносов и техника.

На протяжении своей деятельности Ломоносов изложил множество оригинальных технических идей в области горно-металлургического производства: доменные печи, работающие на угле и коксе, развитие пробирного искусства, усовершенствования в металлургическом производстве и идеи по облегчению труда в этой сфере, применение водяных двигателей и энергии водяных потоков, сооружение плотин, механизация трудоемких процессов. Ломоносовым разработаны методы и механизмы для изготовления стекла и фарфора, станков и насосов, красок и пороха, навигационных и метеорологических приборов.

Ценным в его достижениях является взаимосвязь теории и практики, науки и эксперимента. То, что потребность практики стимулирует развитие науки, и наоборот, а научный прогресс определяет развитие производства, являлось глубоким убеждением ученого.

Интересны мысли Ломоносова об искусстве эксперимента. Он, как известно, был изобретателем многих экспериментальных работ и измерений в области оптики, электричества, метеорологии, гравиметрии и в других отраслях знаний. Даже часовые механизмы активно совершенствовались и использовались в экспериментальных исследованиях ученого.

Большая заслуга Ломоносова состоит в создании основ научно-технической терминологии в результате его переводов научной литературы с нескольких иностранных языков.

Список проявлений интегративного мышления, дизайнерской мысли, энциклопедичности знаний и универсальных открытий Ломоносова можно продолжать бесконечно.

Далее акцентируем наше внимание на наиболее значимых явлениях дизайнерской мысли Ломоносова. Следует согласиться с тем, что творчество всегда тесно связано с научными исследованиями и практической деятельностью. Теория и практика, наука и эксперимент

системно взаимосвязаны благодаря таланту ученого и его творческому подходу к исследованию сложных проблем. Наука должна служить улучшению жизни и деятельности людей. В любой научно-прикладной деятельности должна присутствовать системность, которая может обеспечиваться системным мышлением и творчеством исследователя. Это означает, что в научной и экспериментальной деятельности должны быть задействованы эстетика и желание творить, создавать что-то новое. Постулаты дизайнерской мысли Ломоносова гармонично сочетаются с идеями педагогического дизайна, который, по нашему мнению, следует активно развивать.

Педагогический дизайн в профессиональном образовании имеет два основных направления: дизайн образовательных процессов и дизайн научного исследования. Основными идеями педагогического дизайна образовательных процессов являются разработка инновационных образовательных программ, проектирование новых учебных курсов, индивидуальных маршрутов, научных дисциплин, проведение экспертизы нового образовательного продукта. Ключевыми моментами в исследовании педагогического дизайна являются понимание научных подходов к исследованию проблем в области педагогики, понимание логики исследования от идеи и систематизации материалов к разработке моделей, технологий и инноваций.

Применение передовых научных идей и методологии инновационного исследования в практике образовательной деятельности прослеживается в логике движения от научных подходов к практике образовательной деятельности и наоборот. А скрепом этих двух направлений является эстетика деятельности преподавателя, исследователя, а также обучающихся, участвующих в реализации инновационных проектов.

Проблемы и тенденции изменений в сфере образования, ее постоянного реформирования и модернизации тесно связаны с изменениями, характерными для мирового сообщества: ростом различий в социальных отношениях и практиках, интернационализацией экономики, развитием инфраструктуры знаний и информационных технологий, необходимостью постоянного обновления знаний, ориентацией на спрос и заказ в образовании, пренебрежением жизненными ценностями,

ослаблением воспитания, ростом социальных проблем, реализацией прав на качественное образование и др. В этих условиях особенно актуальны и имеют социальную значимость такие педагогические исследования в системе профессионального образования, которые ориентированы на улучшение качества образования, поиск внешних и внутренних резервов и экономию ресурсов.

В монографическом исследовании «Педагогический дизайн в профессиональном образовании» автора данной статьи, находящемся в открытом доступе в e-library, была поставлена цель: представить резервы методологии научных теорий с целью реализации их идей в процессе развития педагогического дизайна в профессиональном образовании. Для достижения этой цели были проанализированы современные научные направления в педагогике, философии, социальной психологии, лингводидактике, оказывающие влияние на развитие методологии профессионального образования и поиск решения проблем в педагогических исследованиях.

В процессе размышлений и изучения позиций разных ученых по поводу педагогического дизайна мы позволили себе дать определение данному понятию. «Педагогический дизайн – это научно-образовательный системный феномен, сложный и многосторонний процесс, обеспечивающий траекторию динамики качественного развития от цели к эффективному результату в максимально комфортных для субъектов образования условиях, имеющий как минимум два направления развития – методологический и прикладной, скрепом системы, процесса, результата и механизмом реализации которых следует считать творческо-эстетический инновационный замысел дизайнера-разработчика» [Дружинина, с. 18]. Данное определение, безусловно, не следует рассматривать как исчерпывающее. Кроме того, педагогический дизайн может трактоваться как в аспекте глобального замысла, имеющего международное или федеральное значение, так и в отношении плана действий регионального уровня. В каждом отдельном случае сохраняется идея новизны, целесообразности.

Таким образом, педагогический дизайн в нашем понимании – это сложное явление, которое следует рассматривать как систему, процесс и результат. Педагогический дизайн не сводится только к разработке

электронных курсов, весь его электронный инструментарий – это лишь средство к достижению поставленной цели. Узкое понимание педагогического дизайна сводит данное понятие до некоторого минимума. Педагогический дизайн представляет собой научно-образовательное явление междисциплинарного характера, все тонкости которого еще далеко не изучены, не проанализированы и не систематизированы. Накапливаемый опыт в этом направлении весьма перспективен и представляет интерес как для исследователей, так и практиков, как для опытных, так и молодых ученых.

М.В. Ломоносов в процессе своей междисциплинарной деятельности заложил основы нестандартного, творческого, теоретико-прикладного и дизайнерского подхода к решению сложных задач в различных научных сферах. На основе этого можно утверждать, что Михаил Васильевич Ломоносов – это гений дизайнерской мысли, вдохновляющий своими идеями современных ученых и исследователей разных научных направлений.

Библиографический список

1. *Белявский М.Т.* ...Все испытал и все проник. Москва: Издательство Московского университета, 1990. 224 с.
2. *Буторина Т.С.* Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII века. Изд-во Архангельского государственного технического университета, 2005. 298 с.
3. *Дружинина М.В.* Педагогический дизайн в профессиональном образовании [Электронный ресурс]: монография. Архангельск: САФУ, 2021. 168 с.
4. *Елепова М.Ю.* «Российско солнце на востоке». Ломоносов и его мир: монография. Архангельск: КИРА, 2017. 345 с.
5. *Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем / Сост. Г.Е. Павлова, А.С. Орлов. М.: Современник, 1989. 493 с.*
6. *Начинающие дизайнеры* // URL:[www.https://vk.com/wall-129665037_6](https://vk.com/wall-129665037_6) (Заглавие с экрана).

7. Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711 – 1765). М.: Наука, 1988. 465 с.
8. Фруменков Г.Г. Михаил Васильевич Ломоносов – основоположник русской исторической науки. Архангельск: Типография им. Склепина, 1960. 40 с.

Е.А. Латухина, Т.В. Петрова, Л.С. Шурыкина

Опыт использования разработанного Приложения для разметки корпусов текстов «Карманный корпус v1.0»

Введение

Корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Корпусы необходимы для научных исследований лексики и грамматики языка. Большое значение национальные корпуса имеют и для преподавания языка в качестве родного или иностранного, так как показывают язык в его естественной форме; как следствие, все больше учебников и учебных программ оказываются ориентированы на корпус [Национальный корпус русского языка].

Вопросами корпусной лингвистики занимались П. Бейкер, Д. Байбер, Дж. Синклер, Г. Кеннеди и многие другие ученые. В нашей стране корпусная лингвистика входит в сферу интересов целого ряда ученых [Боярский; Захаров; Солнышкина; Гатиятуллина; Бобунова].

Существующие корпуса, например, «Национальный корпус русского языка», которые содержат огромные объемы информации, в основном предназначены для профессиональных исследований. Современные инструменты для работы с корпусами не позволяют размечать семантические элементы в соответствии с конкретными потребностями исследователя; также возможности в этом плане могут быть ограничены, поскольку семантическая разметка не универсальна и сложна для объемных корпусов. Возникает необходимость создавать малоразмерные корпуса текстов и работать с ними в образовательных или личных целях.

Малоразмерные корпуса дают возможность отбирать в корпус тексты в соответствии с конкретными запросами, включая тексты, до сих пор не

вошедшие в орбиту лингвистических исследований, и работать с ними в образовательных или исследовательских целях. Разработка программных решений для разметки малоразмерных корпусов текстов проводилась [Загорулько, Кононенко, Сидорова], но рабочие приложения нам неизвестны.

1. Разработка Приложения Карманный корпус v1.0

От простого сборника текстов корпус отличает разметка. Разметка позволяет хранить в текстах разнообразную дополнительную информацию. Размеченный корпус можно рассматривать как средство поиска слов, словосочетаний, грамматических и синтаксических конструкций и т. д. [Боярский, с. 26]. Предполагается, что приложение упрощает задачу разметки и анализа собранных корпусов.

При помощи данного приложения выполняется: семантическая и грамматическая разметка текста, поиск ключевых слов, статистический и сопоставительный анализ текста, в том числе – художественного поэтического.

1.1 Теги

Разметка осуществляется при помощи тегов – ключевых слов, которые содержат сведения о лексических, грамматических и других свойствах элементов текста.

В разработанном Приложении теги разделяются на грамматические и семантические. Одно слово может быть одновременно размечено грамматическим и семантическим тегом, поэтому в интерфейсе предусмотрены разные способы выделения этих тегов. Теги, используемые для грамматической разметки, предустановлены. У пользователя нет возможности изменить в грамматических тегах ничего, кроме форматирования. Семантические теги формирует пользователь. Реализована возможность сортировать семантические теги по подгруппам.

Для хранения тегов, их описаний и свойств использована СУБД SQLite.

1.2 Ключевые слова

Содержание текста и его тематику можно описать при помощи списка ключевых слов. Ключевыми словами в данном случае считаются слова, употребленные наиболее часто. Процесс отбора ключевых слов основан на законе Ципфа: если все слова достаточно длинного текста упорядочить по убыванию частоты их использования, то частота n -го слова в таком списке окажется приблизительно обратно пропорциональна его порядковому номеру (рангу) n . При этом наиболее частотными словами скорее всего окажутся предлоги, местоимения и т. д., поэтому диапазон и ширина «полосы» ключевых слов определяются эмпирическим путем в зависимости от текста [Боярский, с. 46].

В вышеупомянутом источнике описан метод поиска ключевых слов, согласно которому слова исследуемого документа лемматизируются (приводятся к нормальной форме слова), сортируются по количеству вхождений, а затем производится выбор наиболее часто встречающихся слов без учета нейтральных (нейтральными считаются связующие слова, не несущие смысловой нагрузки).

На основе описанного метода был разработан и реализован алгоритм поиска ключевых слов.

Для реализации алгоритма и Приложения используются библиотеки языка программирования Python, так как этот язык наиболее удобен для обработки текстовой информации. Для лемматизации текста используется `ru morphology2`. Текст очищается от «мусорных» слов при помощи `nltk`. Слова с наибольшим количеством вхождений выбираются с использованием возможностей библиотеки `pandas`.

Для построения графического интерфейса и решения ряда других задач были выбраны библиотека `PyQt5` и программное средство `Qt Creator`.

2. Результаты

С целью проверки возможностей разработанного [Приложения](#) «Карманный корпус v1.0» для разметки и анализа были выбраны два цикла стихотворений М. Волошина: «Киммерийские сумерки» (14 стихотворений) и «Киммерийская весна» (19 стихотворений). Исследователи обращаются как к изучению творчества М. Волошина в

целом, так и к языковой и стилистической характеристике отдельных стихотворений ([Шестакова]). Лексико-семантическое поле (далее ЛСП) «свет-тьма» в цикле «Киммерийские сумерки» исследовалось, например, в работе «Цветобозначения в «Киммерийских сумерках» М. Волошина» [Петрова]. На основе выбранных текстов были составлены два корпуса.

Для достижения цели было необходимо выявить особенности употребления слов лексико-семантического поля «свет-тьма» в сопоставительном аспекте. Для анализа были выделены две основные категории «свет» и «тьма», а также промежуточная – «полусвет». При помощи соответствующих тегов были выделены слова, относящиеся к описанным категориям. Слова распределялись с учетом словарного значения и текстового приращения смысла: например, к категории «свет» были отнесены слова «солнце», «блеск», «луч», «искры» и т. д., к категории «тьма» – «погасли», «ночь» и т. д., к категории «полусвет» – «вечер», «тусклый» и т. д. *Курсивом* отмечены ключевые слова, которые относятся к этим категориям.

Представим обобщенные результаты анализа.

Цикл «Киммерийские сумерки» содержит 1125 слов, из которых 32 имеют значение ‘свет’, 17 – ‘тьма’, 25 – ‘полусвет’». Выделены следующие ключевые слова: *день* (11), *земля* (9), *древний* (8), *глухой* (7), *волна* (6), *гора* (6), *вода* (6), *туча* (5), *тёмный* (5), *холм* (5), *трава* (5), *море* (5).

Цикл «Киммерийская весна» содержит 1388 слов, из которых 47 имеют значение ‘свет’, 13 – ‘тьма’, 25 – ‘полусвет’. Выделены следующие ключевые слова: *ветер* (11), *гора* (10), *волна* (9), *солнце* (8), *вода* (8), *земля* (7), *холм* (7), *берег* (7), *луч* (6), *душа* (6), *тёмный* (6), *гудеть* (5), *дать* (5), *камень* (5), *день* (5).

Ключевые слова, относящиеся к выбранному лексико-семантическому полю, были выделены также в отдельных стихотворениях, например: «Полынь» (*горький* (3), *костер* (2), *пустынь* (2), *ночь* (2), *слово* (2), *застывший* (2), *полынь* (2), *уста* (2)); «Равнина вод колыхается широко...» (*день* (3), *стать* (2), *бледный* (2)); «Одиссей в Киммерии» (*день* (4), *глухой* (2), *лес* (2)); «Солнце! Твой родник...» (*солнце* (3)), «Твоей тоской душа томима...» (*ветер* (2), *туча* (2), *берег* (2)); «Пустыня» (*мир* (3), *степь* (2), *глубина* (2), *день* (2), *идти* (2)); «Фиалки волн и гиацинты пены...» (*день* (2)).

3. Выводы

В работе описано разработанное Приложение для создания и разметки малоразмерных корпусов текстов «Карманный корпус v1.0» и приведены результаты исследования двух собранных корпусов. В результате проведенного анализа было выявлено, что относительное количество лексики семантического поля «свет-тьма» примерно одинаковое в обоих циклах (6,6% в «Киммерийских сумерках» и 6,1% в «Киммерийской весне»). По категориям «свет», «тьма» и «полусвет» лексика распределяется неоднородно: преобладают слова со значением 'свет' (43% в «Киммерийских сумерках», 55% в «Киммерийской весне»), треть составляет лексика из категории «полусвет» (34% и 30%). Меньше всего слов со значением 'тьма' (23% и 15%). Лексика со значением света наиболее ярко представлена в «Киммерийской весне».

Выделенные ключевые слова подтверждают полученный результат: *день* (11), *туча* (5), *темный* (5) в «Киммерийских сумерках» и *солнце* (8), *луч* (6), *тёмный* (6), *день* (5) в «Киммерийской весне» показывают преобладание лексики со значением света (во втором случае – существенное преобладание: 19 словоупотреблений против 6).

Следует также отметить, что в шести случаях выбранный алгоритм выделения ключевых слов не дал результата, что можно объяснить малым размером стихотворений.

По результатам выполнения работы можно сделать вывод, что разработанное Приложение «Карманный корпус v1.0» может использоваться для создания малоразмерных корпусов и применения их в исследовательской деятельности.

Библиографический список

1. *Бобунова, М.А.* Конкорданс XXI в. : новая старая форма // *Вопр. лексикографии.* 2016. №2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkordans-xxi-v-novaya-staraya-forma>.
2. *Боярский, К.К.* Введение в компьютерную лингвистику. СПб: НИУ ИТМО, 2013. 72 с.

3. *Загорулько, М.Ю., Кононенко, И.С., Сидорова, Е.А.* Система семантической разметки корпуса текстов в ограниченной предметной области. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Том 1. М: РГГУ, 2012. С. 674–683.
4. *Захаров, В.П.* Корпусная лингвистика. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2005. 48 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>.
6. *Петрова, Т.В.* Цветообозначения в «Киммерийских сумерках» М. Волошина. // Экология языка. 2018. Краснодар: КГУК, 2018. С. 239–251.
7. *Солнышкина, М.И., Гатиятуллина, Г.М.* История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-korpusnoy-lingvistiki-na-primere-angloyazychnyh-korpusov>.
8. *Шестакова, Л.Л.* Из цикла Максимилиана Волошина «Киммерийские сумерки». // Русский язык в школе. 2002. №2. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20160726-iz-cikla-maksimiliana-voloshina-kimmerijskie-sumerki>.

Н.Н. Николина

Проблема перевода детской речи (на примере романа Эммы Донохью «Room»)

Известно, что произведения, написанные от лица детей и подростков, не являются редкостью. Достаточно вспомнить такие романы XIX–XX вв., как «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена, «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера, «Убить пересмешника» Х. Ли. Повествование от лица ребенка встречается и в современной литературе – «Милые кости» Элис Сиболд, «Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддона.

Речевые образы юных рассказчиков разнятся. Так, в некоторых романах авторы отдают предпочтение нейтральному тону повествования, при котором речь героев почти не отличается от взрослой. В других

авторы стараются приблизить речь героев к детской с помощью различных фонетических, лексических и грамматических средств. В таких случаях речи идет о моделировании, «стилизация повествования», «уподоблении детской речи» [Войткова, с. 10].

В этом отношении примечателен роман Эммы Донохью «Room», написанный в 2010 году и его перевод на русский язык под названием «Комната», выполненный Е.В.Ламановой в 2011 году. Повествование в нем ведется от лица пятилетнего мальчика Джека. Несмотря на то, что роман предназначен для взрослой аудитории, автор имитирует детскую речь, создавая речевой образ главного героя. Имитация детской речи проявляется на грамматическом и лексическом уровнях, автор воссоздает также мышление ребенка, что связано с такими языковыми единицами, как фразеологизмы.

Перевод такого произведения может представлять сложность для переводчика, а также требовать от него немалых творческих усилий. Особенности детской речи являются речевой характеристикой персонажа, которая «играет немаловажную роль в художественном произведении, и ее воспроизведение входит в задачу переводчика» [Комиссаров, с. 82].

На грамматическом уровне в речи Джека довольно много ошибок, среди которых можно выделить следующие:

- a) нарушение норм образования форм неправильных глаголов;
- b) использование неправильных форм множественного числа некоторых существительных;
- c) образование неверных форм сравнительной и превосходной степеней прилагательных.

Однако при переводе все указанные ошибки опускаются:

Oh, I **forgetted** to have some when I woke up (Donoghue, p.8).

«Ой, я **забыл** попить, когда проснулся» (Донохью, с. 11).

I wish I **knowed** the code to let them out (Donoghue, p. 122).

*Как бы мне хотелось **знать** код, чтобы достать их!* (Донохью, с.203).

More **police persons** getting out (Donoghue, p.117).

*Из нее выходят **полицейски*** (Донохью, с. 197).

Monday is a laundry day, we get into Bath with socks, **underwears**, (...) (Donoghue, p. 33).

Понедельник – день стирки; мы кидаем в ванну носки, белье, ...
(Донохью, с. 56).

...will he be even **more madder**? (Donoghue, p. 50).

Рассердится ли он еще сильнее ... (Донохью, с.86).

Today I'm **the most loudest ever** ... (Donoghue, p. 33).

Сегодня я кричу, как никогда, громко ... (Донохью, с. 57).

Исключение составляет следующий пример, где переводчик сохраняет ошибку при образовании формы неправильного глагола, так как на нее ему указывает мать:

That's where he got our killers in a store and **brung** them here.

“**Brought**,” says Ma... (Donoghue, p. 46).

*Там он покупает в магазине наше обезболивающее и **приносит** его сюда.*

– ***Приносит**, – поправляет меня Ма...* (Донохью, с. 78).

Опущение грамматических ошибок частично компенсируется переводчиком на лексическом уровне. В русском варианте романа в речи героя довольно часто можно встретить слова с диминутивными суффиксами, при этом подобное использование не мотивировано текстом оригинала:

That's our **bottle** (Donoghue, p. 45).

*Это же наша **бутылочка**!* (Донохью, с. 77)

... one is a million times high with silvery **leaves** (Donoghue, p. 202).

*... а другое – в миллион раз выше первого и покрыто серебристыми **листочками*** (Донохью, с. 345).

Отмечается, что «такого рода компенсации представляются оправданными в связи с тем, что в детской речи часто встречаются уменьшительно-ласкательные формы» [Куликова, с. 141]. Однако в некоторых случаях использование диминутивов при переводе не является удачным вариантом, так как не придает правдоподобия речи пятилетнего героя:

She's warmy soft, I **snuggle up but** carefully (Donoghue, p. 187).

*Она теплая и мягкая, и я осторожно **залезаю** к ней **под бочок***
(Донохью, с. 322)

I don't like the holding hands, I pretend they're some boy else's **she's holding** (Donoghue, p. 214).

Я не люблю, когда меня держат за руку, и представляю себе, что бабушка ведет за ручку не меня, а какого-то другого мальчика (Донохью, с. 366)

Подобные примеры, скорее, напоминают речь взрослых, адресованную маленьким детям.

В оригинале речь Джека на лексическом уровне изобилует олицетворениями. Бытовые предметы (мебель, техника, комнатные растения, находящиеся в комнате, где живут мальчик и его мать) воспринимаются главным героем как живые уникальные существа. Об этом свидетельствует написание таких слов с заглавной буквы, использование местоимений «*he*» и «*she*» и их производных форм, отсутствие артиклей (как в случае с именами собственными), а также использование с такими словами глаголов, обозначающих действия людей.

I look down at **Rug** with **her** red and brown and black all zigging around each other (Donoghue, p. 6).

Я смотрю на ковер, весь в красных, коричневых и черных зигзагах, обвивающих друг друга (Донохью, с. 8).

Door's made of shiny magic metal, **he goes** beep beep ... (Donoghue, p. 9).

Дверь сделана из волшебного блестящего металла, <...> она произносит бип-бип (Донохью, с. 14).

...like give **Plant** a cup of water in **Sink** for no spilling, then put **her** back on **her** saucer on **Dresser**... (Donoghue, p. 10).

*Мы выливаем чашку воды в **цветок**, поставив **его** в раковину, чтобы вода не пролилась на **шкаф**, а потом ставим **его** назад на блюде...* (Донохью, с. 14).

Bouncy Ball **loves** to get lost in Labyrinth and hide, I have to call out to **him**... (Donoghue, p. 14).

*Мячик очень **любит** прятаться в лабиринте, и мне приходится звать **его** оттуда...* (Донохью, с. 22).

В переводе данные олицетворения передаются частично. Одушевленность передается через глаголы, однако не сохраняется написание существительных с заглавной буквы, а использование личных местоимений «он/она» и их производных объясняется особенностями русского языка, а не сознательным решением переводчика. Гендер

одушевленных предметов, заявленный в оригинале, либо меняется в зависимости от рода русских слов, либо не передается вообще. Проблема передачи гендера и одушевленности довольно сложна, однако она может быть решена с помощью «использования замен и компенсационных средств» [Токарева, с. 182]

Автор также моделирует мышление Джека, важной чертой которого является непонимание переносных значений, в частности, фразеологизмов, в речи обращаемых к нему взрослых. Переводчик довольно успешно справляется с их переводом, используя русские эквиваленты:

Gimme five? (Donoghue, p. 136).

– *Дай пять?* (Донохью, с. 228).

“**Gimme some skin,**” says Dr. Clay... (Donoghue, p. 181).

– *Давай сюда свою лапу, — говорит доктор Клей»* (Донохью, с. 309).

She’s turned the corner.

[...]

What corner? (Donoghue, p. 199).

– *Кризис миновал.*

[...]

– *Какой кризис?* (Донохью, с. 341).

Однако в некоторых случаях, в попытке сохранить образность фразеологизма, переводчик не передает его значения, при этом теряется присутствующая в оригинале игра слов:

Anything **ringing a bell?**

I don’t hear any bells (Donoghue, p. 115).

– *У тебя в голове не звенят колокольчики?*

Я не слышу никаких колокольчиков (Донохью, с. 193).

Подводя итог, можно сказать, что опущение грамматических ошибок и олицетворений Джека при переводе обедняет его речь и, соответственно, образ героя. Можно предположить, что переводчик старался избежать возникновения произвольного комического эффекта, что совершенно не соответствовало бы атмосфере произведения. Тем не менее, подобные опущения приводят к нейтрализации речи главного героя, она становится похожа на речь взрослого. Переводчик будто намеренно выравнивает речь пятилетнего рассказчика, делает ее менее «нелепой» и более соответствующей серьезности описываемых событий, однако именно эта

«нелепость» составляет основу речи главного героя, не давая нам забыть, что перед нами всего лишь наивный маленький мальчик.

Библиографический список

1. *Войткова Н.К.* Лингвистическая специфика изображения повествователя-ребёнка в современном немецком художественном нарративе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 22 с.
2. *Куликова М.Н.* Фонографические средства изображения детской речи в аспекте перевода // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. №1. С. 140-145
3. *Токарева О.В.* Актуализация категорий одушевленности и гендера в англоязычном тексте и потери при переводе на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 179-183.
4. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. // М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Список источников примеров

1. *Донохью, Э.* Комната / Э. Донохью ; пер. с англ. Е. В. Ламановой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 416 с.
2. *Donoghue E.* Room. London: Picador, 2010. p. 401

А.В. Петров

Образ Русского Севера в творчестве поэта Алексея Гушана

«Вкруг солнца» – назвал книгу своих избранных стихотворений современный российский поэт Алексей Николаевич Гушан (род. в 1984 г.). В книге четыре раздела – четыре времени года: зима, весна, лето, осень – один оборот Земли вокруг солнца. На обложке – маленькое солнышко одуванчик. Эта книга представляет собой лирический дневник – пейзаж природный и пейзаж душевный.

Зима и лето – по 15 стихотворений, весна и осень – по 14. Стихи невелики по объему, каждое умещается на отведенной ему страничке,

самые большие – 5 строф из четверостиший. Есть еще отдельно стоящее стихотворение, своеобразный пролог – «Выбор», о том, какие бывают поэты, какого из них выбрать в качестве альтер эго: *О, Боже правый, что за испытанье / Мне выбрать из этого всего* (Гушан, с. 8).

Каждому разделу предпослан эпитафия (И. Бродский, Ф. Тютчев, Г. Шпаликов, А. Тарковский), названия разделов, соответствующие временам года, даны только в оглавлении, в самой книге их заменяют эпитафии. Еще есть предисловие автора и послесловие критика. Послушаем автора: *«Книга «Вкруг солнца» – это моя попытка вступить за то, о чем болит душа и о чем она поет, за то, что жизненно важно для меня!»* (Гушан, с. 5-6). А вот критик Валерия Исмиева: *«Это поэзия тишины и живет она в тишине пребывания в жизни как в мистерии круговращения года с его трудными одоленьями и терпеливыми буднями»* (Гушан, с. 72).

Остановимся только на образе Севера в сборнике, ведь как признается автор: *«Душа моя – бескрайний русский север, / Но кровь моя – молдавское вино»* (Гушан, с. 50). Интересно, как уживаются столь разные ингредиенты в едином существе поэта Алексея Гушана, который утверждает: *«И северной земле не изменял, / Хотя судьба по-всякому кружила...»* (Гушан, с. 45). Алексей Гушан родился в Ленинградской области, ныне живет в поселке Тума Рязанской области.

В сборнике есть стихотворение, названное «Голос Севера», которое завершает летний раздел. Образ Севера – в сильной заголовочной позиции. Мы слышим реальный голос Русского Севера, который *о многом сказывать готов* (Гушан, с. 56): плывут бухтыны, бредут диковинные сказы, слышна говоря северная, перед глазами читателя встают невообразимые берега, эдемское сияние неба, проявляются северные реалии: деревянные коньки, повесть с духмяным запахом лета, овины, байны, огороды... И в финале сокровенное признание поэта: *«На этом свете ничего нет выше, / Чем откровенье родины без слов»* (Гушан, с.56).

Образ Севера конкретизируется точными названиями родных мест поэта – топонимами, которые сами по себе поэтичны: *Прионежье* рифмуется с «нежен», *Приолятье* – с «объятьях», органичны в поэтическом контексте Онежское озеро и обонежская говоря, пинежская глушь, речка Устья, которая вспоминает Слово, сами по себе

выразительны производные от топонимов прилагательные: *беломорский, олонецкий, карельский, поморский*: «*Беломорский напев вперемишу с крутицами манными / Да карельскую тишь, предрассветную, неповторимую.*» (Гушан, с. 66)

Природное, северное находит в поэтическом контексте Алексея Гушана адекватное образное воплощение. *Зимой на лету застывают слова* (Гушан, с. 11) (как тут не вспомнить писаховские «Морожены песни»); *Осень, как таёжная медведица, / Глубже пробирается в леса* (Гушан, с. 64), при этом слышится северное хриплое дыхание предзимья; *Выгнал сиверко лето с горы* (Гушан, с. 60) – традиционное для северной поэзии одушевление северного ветра; *И белая ночь над июлем парила – / Не същещь белей!* (Гушан, с. 46). Также традиционно в северной поэзии воспевается уникальное природное явление – летняя белая ночь.

Сентябрь обозначается северным природным перифразом *месяц клюквы и зрелой смолы* (Гушан, с. 60), октябрь, по воле поэта, *покрывает красным рукавом дальние брусничные болота* (Гушан, с. 65). А вот еще яркие образы, создаваемые с помощью названий северных ягод: *Я в чернику бессонных ночей / Добавлял молоко Прионежья* (Гушан, с. 52); *Меж сосен звонких, валунов замшелых / Поэзия лежит морошкой спелой* (Гушан, с. 50); *И нашу жизнь из переспелой клюквы / Пресуществляет в сладкое вино* (Гушан, с. 15).

Север прочно ассоциируется с колоризмом «белый», экспансия белого – цвета, света, снега – формирует образный ряд ностальгического стихотворения А. Гушана, вот его первая строфа: «*Привезите мне белого цвета Онежского озера. / Привезите мне белого света олонецкой полночи. / Привезите мне белого снега с дороги просёлочной / В час, когда уходящего солнца следы подморозило*» (Гушан, с. 66). Лирический герой уверен: в такой белизне и сердца станут более светлыми (Гушан, с. 66).

Находят отражение в поэтическом контексте северные артефакты:

- традиционная северная щепная птица счастья: *Летит ко мне Поморский голубок! / Спешит родной, наверное, оттуда, / Где на снегу январский снег глубок, / И глубоко предвосхищенье чуда* (Гушан, с. 21) – обращает на себя внимание обыгрывание разных значений прилагательного «глубокий»;

- северные домотканые половики: *Белый свет домотканой дорожкой по полу расстелется* (Гушан, с. 66) – метафора;

- сказочные львы как элемент северной домовой росписи: *Со стен глазают львы – / Творенья чьих-то рук. / И никакой Москвы / На сотни вёрст вокруг* (Гушан, с. 48) – показательное противопоставление северного «края лихого» и Москвы;

- северная традиция ставить палку, метлу у входной двери как знак того, что хозяев нет дома: *«А бывало и так. Уходя по делам из дома, / Подпирали обычные двери волшебной палкой. / И в те двери зайти не решился бы незнакомый. / Не решился б, ей-богу – не надо ходить к гадалке.»* (Гушан, с. 13)

Одно из стихотворений поэт посвящает Успенской церкви, сгоревшей в карельской Кондопоге 10 августа 2018 года (Гушан, с. 53). Еще одному стихотворению предпослано такое авторское посвящение: *«Деревянными храмам Присвирия, которые мы не смогли сберечь на родной земле, посвящается»* (Гушан, с. 23).

Органичны в поэтическом контексте Алексея Гушана северные народные словечки и речения: *угор, шебаршить, блукать, глухая малина* (о ежевике), *чин чинарём, глазливая ночь*, уже упоминавшиеся: *бухтина, байна, говоря, поветь, сиверко*. Вот лишь несколько примеров: *А теперь я хожу, не блукая, / По земле своенравных болот. / Трону ягодку – нет, не глухая – / Слышит, чувствует, даже поет* (Гушан, с. 58); *И каждый день идёт чин чинарём, / Покуда есть в поленнице поленья, / И пышет печь, как водится, теплом, / И пишутся легко стихотворенья* (Гушан, с. 21); *И ночью черноглазой – / Глазливой ночью – вспоминаю сказы, / Где море – луг, за нашим домом луг* (Гушан, с. 71).

Показательно стихотворение «Рецепт», смысл которого можно сформулировать так: Север лечит от душевных недугов, хандры, от всяческих хвороб: *Восстав с печального одра, / Ступай по вековому следу / На Севера...* (Гушан, с. 20). Поэт Алексей Гушан, верный северной земле, сам неизменно следует этому рецепту и ведет своих читателей заветной тропой на Север, на котором остаётся его душа.

Список источников примеров

1. Гушан А.Н. Вкруг солнца (избранное). М.: Стеклограф, 2019. 78 с.

Н.А.Тяпкина

События Гражданской войны и иностранной интервенции глазами писателей-современников А.Зуева и М.Чернокова

Произведения Михаила Чернокова и Александра Зуева вернулись к исследователям и читателям и вошли в корпус Северного текста русской литературы относительно недавно. Недостаточная изученность забытых имен и текстов в литературе о Русском Севере, трагическом народном опыте в период Гражданской войны и иностранной интервенции позволяет говорить о важности возвращения и изучения локальных северных текстов сегодня. Как и многие современники, северные писатели Александр Зуев и Михаил Черноков посвятили многие свои тексты осмыслению этих событий.

Жизнь и творчество Александра Зуева и Михаила Чернокова напрямую связаны с переломными историческими событиями на Русском Севере как уроженцев этого края, непосредственных свидетелей, а подчас и участников событий. Обстоятельства их биографий схожи друг с другом и с огромным количеством людских судеб страны XX века: оба родились в северной глубинке, получили традиционное воспитание: Зуев вырос в семье священника Шенкурского уезда, Черноков – в крестьянской семье на территории современного Плесецкого района Архангельской области (Устьмоша). Оба писателя были расположены к большевикам, что во многом обусловило их дальнейшую судьбу: Черноков служил волостным комиссаром в прифронтной полосе в период Гражданской войны, Зуев даже побывал в концлагере на острове Мудьюг за пропаганду большевизма в 1918 году. Выбор художественного материала обусловлен малой изученностью творческого наследия этих писателей. События Гражданской войны и интервенции и их художественная интерпретация рассмотрены на примере повести

Александра Зуева «Тайбола» и повести Михаила Чернокова «Житие Васьки Змиева».

Повесть Александра Зуева «Тайбола» была впервые опубликована в 1927 году в альманахе «Перевал» и, как и большая часть литературных произведений, вышедших в двадцатые годы в России, посвящена радикальным преобразованиям в стране. Зуев пишет о самом дальнем уголке России на Севере и о докатившихся туда изменениях. Уклад, веками казавшийся незыблемым, рушится от силы революционной волны. «Тайбола» относится к тем произведениям советской прозы двадцатых годов, которые создавались с установкой на выражение народного сознания, народной точки зрения на революционные события. «Советский писатель начала 20-х годов хочет, чтобы голос героя из массы звучал в своем собственном качестве, не заглушаемый голосом автора, не заслоняемый привносимыми им взглядами и оценками», – отмечала литературовед Н.В. Драгомирецкая [Драгомирецкая, 130].

Даже не погружаясь в биографические подробности Александра Зуева, «Тайболу» можно прочитать как печальную повесть о крахе народно-крестьянского лада в северной деревне. Е.Ш. Галимова отмечает, что повесть написана не с классовых или партийных, а с подлинно народных позиций: «никакой классовой ненависти сам автор не испытывает, им движет не ненависть, а любовь – любовь ко всему русскому народу, к России» [Зуев, с.23]. Мир северной деревни автор рисует так красочно и изобильно, что он кажется сбывшейся мечтой, крестьянской сказкой: *«А скотина на Шуньге тоже на подбор, коровы по лету вымя чуть не по земле волочат и молоко дают густое, жирное, сладкое, с заливной сытой травы. Избы на Шуньге рубят из красного гладкого стояна – ему веку нет; <...> Народ на Шуньге дружный, смирный, каждый ровняет свою жизнь по соседу»* (Зуев, с. 84).

Сюжет повести – цепь разрушений, нарастание мотива гибели. Эти разрушения начинаются с богохульства, со святотатства, то есть с сотрясения самых основ мироустройства. Текст начинается с упоминания о том, что в соседней деревне парень, вернувшийся с учения из города, заявляет, что Бога нет, и в качестве доказательства начинает поносить последними словами Господа, Богородицу и Николая Угодника. Следом уже в самой Шуньге, которая всегда была крепка в вере, председатель

обидел приглашенного сельчанами священника. Страшное прозвище Василь Петровича – «богобоец» – было дано ему за то, что он расстрелял образ, чудотворную икону Спаса, принадлежавшую его матери. Оказалось, что достаточно поколебать основы, и сразу, по принципу домино, начинаются убийства и несчастья. Василий Петрович убивает колдуна Балясу, которого вслед за священником позвали в деревню жители Шуньги, чтобы он прочитал заклятья. Председатель скрывает от односельчан, что совершил убийство: застрелив Балясу, он сбрасывает тело в стремительную реку Глядунь. Проявленная им жестокость рождает ответную ненависть в деревенской среде. Обе стороны действуют, не щадя противника. Деревня отказывается считать народной такую власть.

Конфликт обостряется, ощущение тревоги и предчувствие гибели ладного и привычного мира нарастают. И плач баб, узнавших о гибели Балясы, приобретает символическое звучание – не только старого колдуна оплакивают они, но и всю прежнюю уходящую жизнь: *«Ох ты, горе-горюшко, ты откуда нашло, почто накатилось?..»* (Зуев, с.90).

В финале повести, являющемся одновременно и кульминацией, и развязкой, пожар уничтожает Шуньгу, а председатель убивает Епимаха. Символика последней сцены «Тайболы», где автор изображает, как одни жители деревни идут готовить инструменты, чтобы начать отстраивать Шуньгу, а другие молятся об упокоении Епимаха, подчеркивается словами деда Люшки: *«Те пошли струменты собирать, эти молитвы петь. Не знаешь, за кем и идти»* (Зуев, с.102). Панихида по Епимаху становится зауспокойной молитвой по утерянному укладу, а будущее автор видит за такими людьми, как охотник Аврелыч. В этом герое воплощено представление писателя о том, кто и как должен строить в России новую жизнь. Аврелыч, в отличие от Василия Петровича, не противопоставляет себя односельчанам. Он пытается удержать Василия Ивановича от суда над людьми, призывая его к мудрости и терпению: *«С народом, говорю, надо терпенье, он те сам в руки пойдет. Люди бают: народом заправлять – не репу обрезать, не мутовку облизать»* (Зуев, с. 103).

Повесть Михаила Черногова «Житие Васьки Змиева» вышла в печать в 1931 году. Биография главного героя и рассказчика повести, Васьки, схожа с множеством реальных судеб того исторического периода: сын кузнеца, северный крестьянин, прошедший Первую мировую войну,

принимает участие в освобождении Русского Севера от интервентов – «англичанки».

Сюжет повести строится на странствии главного героя по родному ему Поонежью, показывая жизнь крупной территории в первые пореволюционные годы, период Гражданской войны и иностранной интервенции.

В повести отражены реальные исторические события, происходившие на Севере: восстание солдат Архангельского полка Белой армии 11 декабря 1918 года и его безжалостное подавление, боевые действия на Онеге. Главной особенностью осмысления этих событий можно назвать акцент на роли иностранной интервенции в бедах Севера. Как отмечает Е.Ш. Галимова: «достаточно сравнить «Житие Васьки Змиева», например, с «Донскими рассказами» Михаила Шолохова, чтобы увидеть, насколько чужды в массе своей герои Чернокова, северные крестьяне, классовой ненависти, как ранит их души сама мысль о войне русских с русскими» [Галимова, с.12]. Товарищ главного героя не выносит людского раскола и собирается скрыться в лесу, горько замечая, что *«в деревнях бьются, на полях бьются и в лесах тоже»* (Черноков, с.140) Васька парирует, что свою землю нужно защитить от англичанки, которую *«черт надавал»*, и товарищ соглашается: *«англичанку-то, пожалуй, надо вышибить»* (Черноков, с.140). Васька Змиев, вырываясь из окруженной белым войском церкви, обращает внимание, что его окружили родные *«русские лица в чужом обмундировании»* (Черноков, с.121). Для Змиева современные ему события – историческое продолжение защиты родной территории от внешней угрозы, он проводит аналогию с вторжением интервентов на Севере в 1854 году в ходе Крымской кампании.

В ходе повествования постоянно возникает сравнение старого и нового уклада, и далеко не все в уходящем устройстве было плохо, как и в повести «Тайбола» А. Зуева. Васька вспоминает прошлое: *«Здесь раньше у стариков бывали сказочные дела. Край был богатый. Уток ребята весной палками били, лесную дичь можно было из окошка стрелять, и зверя всякого стада-стадами. Трава на лугах росла на славу...»* (Черноков, с. 159). Подробно описана в «Житии» свадьба – обряд, трансформированный новым порядком, без венчания, и на контрасте отец невесты начинает вспоминать, как это было до революции: *«Шуму, веселья сколько было.*

Пока обедали да чаёвничали, можно было напиться и выспаться, потом снова пить...» (Черноков, с.160)

Герои Чернокова не ощущают бескомпромиссного противостояния нового и старого мира, у них отсутствует стремление к разрушению прежнего, наоборот, необходимое, привычное стоит сохранить. Эпиграф к первой главе подчеркивает подход главного героя к переменам: *«Так гни, чтоб гнулось, а не так, чтоб лопнуло!»* (Черноков, с.115).

Герои обеих повестей с трудом принимают, а кто-то и вовсе отвергает, отчуждение религиозных обрядов из значимых жизненных событий: неуютно, тягостно на душе у людей, сидящих за свадебных столом в «Житии Васьки Змиева» – без венчания, рука не поднимается предать земле неотпетых покойников в повести Зуева. В повести Михаила Чернокова мир северной деревни назначает врагом не своих же кулаков, а внешнюю угрозу, иностранных интервентов. Основное внимание в произведениях авторы уделяют первым шагам новой жизни в деревнях. При этой, казалось бы, несомненной устремленности в будущее, герои Чернокова часто смотрят в прошлое, причем оно таково, что рецензенты отмечали в повести «изображение старой деревни как какого-то веселого, сдобного, райского жития» [Брайнина, с.23].

Таким образом, мы видим, что события Гражданской войны и иностранной интервенции на Севере являются историко-биографической основой творчества многих северных писателей. Находясь в непосредственной близости от событий, они имели возможность довольно быстро фиксировать и осмысливать происходящее в своих произведениях. Главной особенностью художественного взгляда на гражданскую войну и интервенцию Михаила Чернокова и Александра Зуева можно назвать народную, деревенско-крестьянскую, нерадикальную точку зрения на изменения жизненного уклада на Севере.

Библиографический список

1. *Брайнина Б.* [Житие Васьки Змиева] / Б. Брайнина // Художественная литература. 1934. № 1. С. 56.
2. *Драгомирецкая Н. В.* Стилевые искания в ранней советской прозе / Н. В. Драгомирецкая // Теория литературы. Т. 3. Основные проблемы в

историческом освещении. Стиль. Просвещение. Литературное развитие / ред. Г. Э. Великовская; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Москва: Наука, 1965. С. 125–173.

3. *Галимова Е.Ш.* Возвращение Михаила Чернокова // Михаил Черноков. Избранные произведения. - Архангельск: Правда Севера, 2016. С. 3-18.

Список источников примеров

1. *Зуев А. Н.* Течение времени : [сборник] / Александр Зуев ; авт. вступ. ст. Е. Ш. Галимова ; сост.: Е. Г. Трудова, Л. Е. Каршина. [2-е изд.]. Архангельск : АОНБ им. Н. А. Добролюбова. 447 с.
2. *Черноков М. В.* Избранные произведения : [сборник] / Михаил Черноков ; сост.: Л. Е. Каршина, Е. Ш. Галимова ; авт. вступ. ст. Е. Ш. Галимова ; Гос. бюджет. учреждение культуры Арханг. обл. «Арханг. обл. науч. ордена «Знак Почета» б-ка им. Н. А. Добролюбова». Архангельск : Правда Севера, 2016. 429 с.

Д.А. Филимонцев

Исследование типологии англоязычных терминологических единиц в подъязыке информационной безопасности

Понятия любой научно-технической сферы находят свое отражение в языке, так как «понятие невозможно без слов, мышление в понятиях невозможно вне речевого мышления» [Выготский, с. 123]. Специфическое употребление слова, функциональное применение языковых единиц в качестве средств выражения мыслей обуславливает образование понятий. Такие языковые единицы, как слово и словосочетание, которые именуют собой объекты, процессы, явления определенной научно-технической профессиональной предметной действительности, а соответственно, и понятия этой области выражаются терминологическими единицами.

Овладение знаниями сферы информационной безопасности (ИБ), как и любой другой профессиональной сферы, предполагает использование и овладение соответствующим подъязыком, основу которого, как отмечают

А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева, составляет специальная лексика [Суперанская, Подольская, Васильева, с. 25] и прежде всего терминологические единицы. Термины, выраженные одним словом или терминологическими словосочетаниями любой профессиональной сферы, представляют собой особое семантическое поле, образующее ядро подъязыка соответствующей сферы, а потому представляют наибольший исследовательский интерес.

Термины, являясь языковыми единицами, подчиняются грамматическим правилам соответствующего языка и одновременно логике отношений между понятиями, выраженными этими терминами. Так, Л.С. Выготский указывал на то, что «без каких-то определенных отношений к другим понятиям было бы невозможно и существование каждого отдельного понятия, так как самая сущность понятия и обобщения предполагает, вопреки учению формальной логики, не обеднение, а обогащение действительности, представленной в понятии...» [Выготский]. Вместе с этим, Г.В. Колшанский отмечал, что «основой единой логической базы человека является не только единство социального опыта, но и прежде всего единая биологическая (физиологическая) организация человека» [Колшанский, с. 52]. Таким образом, можно говорить о том, что англоязычные терминологические единицы подъязыка информационной безопасности (ИБ) должны выражать ту же систему понятий и их взаимоотношений в этой сфере, что и русскоязычные. Но при этом употребление таких терминологических единиц в речи будет различным в виду разного грамматического строя английского и русского языков. В связи с тем, что русский язык имеет синтетический строй, а английский – аналитический [Реформатский, с. 167], представляется интересным исследовать различные терминологические единицы подъязыка ИБ с точки зрения их типологии, в основе которой лежит морфологическое строение, учитывая которое Ф. Пронина делит все термины на три типа [Пронина, с. 9]:

1) простые: authorization – *авторизация*, audit – *аудит*, 2) сложные: password – *пароль*, 3) многокомпонентные термины: information security event – *событие информационной безопасности*.

Простые термины в большинстве своем образуют периферию терминологической системы и представляют собой общенаучную

терминологию, терминологические единицы при этом фиксируются сразу в нескольких научных областях [Манерко, с. 54]. Так, приведенная ранее пара *audit* – *аудит*, выражающая одно и то же общенаучное понятие, может использоваться в разных профессиональных областях (технический аудит, аудит качества, аудит ИБ, экологический аудит и т. д.), что видно из их дефиниций:

Systematic, independent and documented process for obtaining audit evidence and evaluating it objectively to determine the extent to which the audit criteria are fulfilled. – Периодический независимый и документированный процесс получения свидетельств аудита и объективной оценки с целью определить степень выполнения в организации установленных требований.

Следует отметить тот факт, что, образовав многокомпонентный термин *information security audit* – *аудит информационной безопасности*, дефиниция соответствующего понятия необходимо дополнится уточнением «...степень выполнения в организации установленных требований **по обеспечению информационной безопасности**». С увеличением содержания понятия по законам формальной логики его объем должен уменьшиться, но, как было отмечено Л.С. Выготским, он увеличится, ведь понятие «аудит информационной безопасности», таким образом, встраивается в систему понятий сферы ИБ и вступает в такие взаимоотношения с другими понятиями этой системы, которые не могут быть обнаружены через общенаучное понятие, называемое термином *аудит*.

На основе анализа текстов в области ИБ как на английском, так и на русском языках, можно сделать вывод о различной частоте встречаемости терминологических единиц, относящихся к ядру, основному составу и периферии подязыка данной профессиональной области. Приведенный ранее пример сложного термина *password* – *пароль* из подязыка ИБ, скорее, следует отнести к периферии. Таким образом, наибольший интерес представляют собой многокомпонентные термины сферы информационной безопасности.

Как отмечает Л.А. Манерко, частнонаучные термины – наиболее представительный пласт специальных терминов, такие терминологические единицы представлены большим количеством производных и сложных

лексических единиц [Манерко, с. 55]. Многокомпонентные термины образуются различными лексическими и синтаксическими способами по определенным установкам, и, как отмечает В.С. Позвонкова, с использованием самостоятельных слов как частей речи (имен существительных, прилагательных) и служебных слов (предлогов, союзов) в конструкции, по порядку следования лексических единиц в структуре и пр. [Позвонкова, с. 57]. Приводя примеры многокомпонентных терминов подъязыка информационной безопасности:

1) Information security incident management – *управление инцидентами информационной безопасности*;

2) Integrity of data / data integrity – *целостность информации (данных)*;

3) (Organizational) security policy – *политика информационной безопасности / политика безопасности информации в организации* (ISO/IEC 27000:2018), можно отметить, что в грамматическом способе образования англоязычных терминов хорошо прослеживается выражение грамматики вне слова, т.е. с помощью порядка слов, предлогов, тогда как для русскоязычных терминов существует грамматика внутри слова – внутренняя флексия, аффиксация и др. [Реформатский, с. 167].

Как было отмечено ранее, многокомпонентные термины чаще всего являются частнонаучными, а значит, образуют ядро подъязыка профессиональной области. Это подтверждает и тот факт, что в заголовках логико-структурных схем тем (ЛССТ) в большинстве случаев располагаются термины-словосочетания, что хорошо отражено в структуре предметно-тематического содержания (СПТС) сферы информационной безопасности (рис. 1) и в подтеме 1-го уровня и соответствующих подтем 2-го и 3-го уровней (рис. 2) (Jacobs, p. xi-xii).

Таким образом, можно выделить еще одно основание разработки типологии терминов – когда в рамках конкретной сферы знания выделяются подтемы – как тематические блоки, раскрывающие их содержание и последующее развитие на нескольких уровнях [Серова, Филимонцев, с. 14].

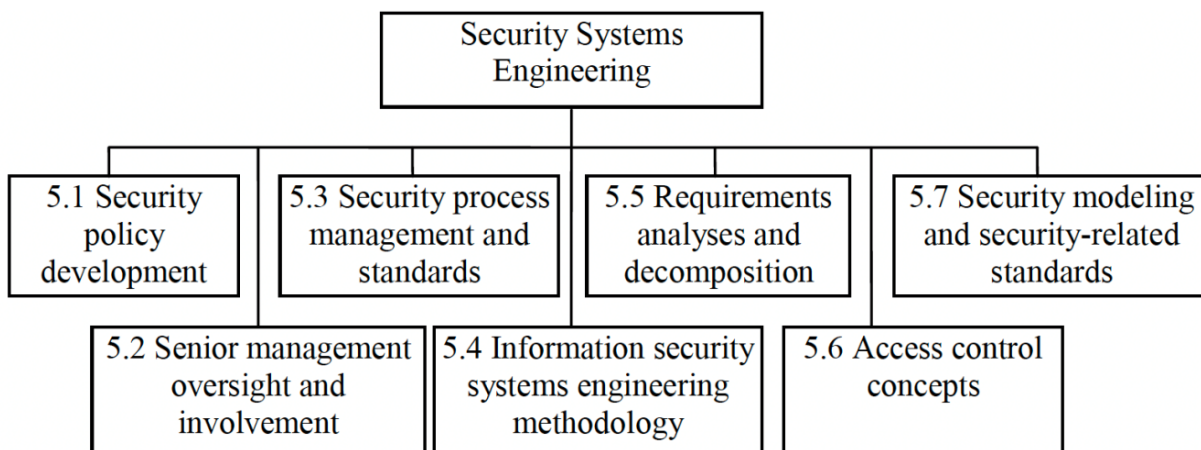

Рис. 1. СПТС сферы ИБ

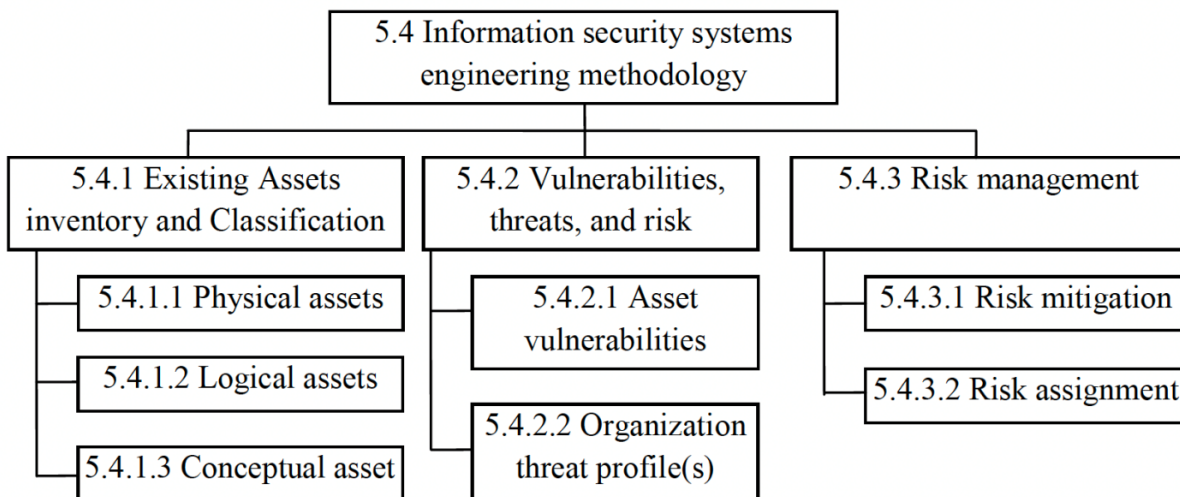

Рис. 2. СПТС подтемы «Information security systems engineering methodology»

При такой типологии терминологических единиц вся терминологическая система соответствующей профессиональной научно-технической области может быть представлена следующими типами ключевых слов:

1) глобальные ключевые слова – термины основной темы (ГКС), например, для области информационной безопасности, – *information security – информационная безопасность (ИБ), security systems engineering – проектирование систем ИБ, access control concepts – концепции управления доступом и др.*;

2) ведущие ключевые слова – термины (ВКС) заголовков дефиниций понятий в подтемах первого уровня, например, *assets inventory –*

инвентаризация активов, organization threat profiles – профили угроз в организации, information security risk management – управление рисками ИБ и др.

3) локальные ключевые слова – термины (ЛКС) как понятия в подтемах 3-го, 4-го и т. д. уровней, а также в микроконтекстах и фрагментах текстов [Серова, Шишкина, Кузьмина], например:

Conduct a **risk analysis**. A **risk analysis** should identify the risks to your network, network resources, and data. This doesn't mean you should identify every possible **entry point to the network**, nor every possible **means of attack**. The intent of a risk analysis is to identify portions of your network, assign a **threat** rating to each portion, and apply an appropriate **level of security**. This helps maintain a workable balance between security and **required network access**. – *Проведение анализа рисков. Анализ рисков должен определять риски для Вашей сети, сетевых ресурсов и данных. Это не значит, что Вы должны определить каждую возможную точку входа в сеть или каждый возможный способ атаки. Цель анализа рисков – определить сегменты Вашей сети, обозначить угрозы, относящиеся к каждому сегменту и использовать приемлемый уровень безопасности. Это помогает обеспечить работоспособный баланс между безопасностью и необходимым уровнем доступа к сети.*

Таким образом, проведенное исследование типологии терминологических единиц в подязыке ИБ указывает на то, что среди простых, сложных и многокомпонентных терминологических единиц термины-словосочетания составляют наиболее значимую часть пласта специальной терминологической лексики подязыка профессиональной области, что хорошо прослеживается на примере сферы ИБ. Такие терминологические единицы являются глобальными, ведущими, локальными ключевыми словами в текстах и фрагментах текстов по соответствующей теме, а потому представлены в СПТС.

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Монография. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

2. *Колшанский В.Г.* Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; Отв. ред. А. М. Шахнарович; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1990. 103 с.

3. *Манерко Л.А.* Язык современной техники: ядро и периферия: Монография / РГПУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2000. 140 с.

4. *Позвонкова В.С.* Структурные особенности военно-химических многокомпонентных терминов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. №3. С. 54–62.

5. *Пронина Р.Ф.* Пособие по переводу английской научно-технической литературы. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1973. 197 с.

6. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

7. *Серова Т.С., Филимонцев Д.А.* Терминология в выражении структуры и функций дефиниций ключевых понятий в подязыке сферы информационной безопасности // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. №3. С. 54–62.

8. *Серова Т.С., Шишкина Л.П., Кузьмина И.П.* Экологический немецко-русский лексикон-тезаурус / науч. ред. Т.С. Серова; Перм. политехн. ун-т (совмест. Европ. проект ТЕМПУС Тасис 10333-97). Пермь, 2004. 254 с.

9. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М.: Либроком, 2012. 248 с.

Список источников примеров

1. Jacobs, Stuart. Engineering Information Security: The application of Systems Engineering Concepts to Achieve Information Assurance / Stuart Jacobs. Wiley, 2011 726 p.

2. ISO/IEC 27000:2018 Information technology – Security techniques – Information security management systems – Overview and vocabulary [Электронный ресурс] URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:27000:ed-5:v1:en>

**Современный переводной процесс в детской литературе Татарстана
(на примере литературной сказки)**

Литературная сказка – совершенно особое художественное произведение, в котором языковые единицы зачастую несут дополнительные смысловые нагрузки. Именно в литературной сказке наиболее ярко проявляется идиостиль писателя. Авторское слово передает не только авторское видение мира, но и создает собственный авторский мир с помощью изобразительно-выразительного набора лексем.

Авторская сказка – жанр не новый. Написанные в лучших традициях народных сказок они, наряду с этим, отличаются новизной сюжетов и образов, сочностью и богатством языка повествования.

Современная русская литературная сказка представляет в этом контексте интерес, как традиционно-новаторская, в то время как татарская авторская сказка стремится в большей степени сохранить ментальность и нравственно-этническую составляющую, характерную для татарской сказки вообще.

Татарская литературная сказка развивалась как часть единой национальной литературной системы, сохраняя литературные традиции и формируясь в условиях исторической действительности. Художественно-эстетические традиции напрямую связаны с традициями народными, накопленными в процессе исторического развития. Следует отметить, что до начала XX века татарская литературная сказка развивалась в лоне восточной литературы и культуры, одновременно, начиная с XX века, она стала составной частью всероссийского и всесоюзного литературного процесса и находилась в тесном взаимодействии с литературами народов Поволжья, а также сохраняла свою общность с литературами Востока.

На границе двух и более языковых миров возникают билингвальные механизмы, способствующие реальному духовному и культурному взаимодействию. Важную роль в этом играет художественный перевод произведений для детей. Надо сказать, что детская литература в целом и авторская сказка в частности не достаточно, а зачастую и фрагментарно попадает в поле зрения переводчика. При относительно малых объемах это изнурительный труд по причине невозможности пренебрегать смыслом

фраз в угоду красоте конечного текста. А выбор золотой середины между формой и смыслом отнимает не столько силы, сколько время.

Перевод литературных сказок всегда подразумевает литературную обработку, которая, впрочем, не должна приводить к полному искажению текста. Согласимся с тем, что писал по этому поводу А. В. Федоров: «Принято считать, что перевод бывает точным и неточным – в большей или меньшей мере. Но точность перевода – понятие крайне условное и относительное. Произведение художественной литературы всегда теснейшим образом связано с тем языком, на котором оно создано, с той национальной литературой, в которой оно живет, с жизнью той общественной среды, для которой этот язык и эта литература родные. При переводе произведение отрывается от своего фона – языкового, литературного, общественного. Оно пересаживается на другую почву, попадает в круг других представлений, связывается с другим строем языка» [Чуковский, Федоров: с. 89].

Современная переводческая школа, как русская, так и татарская имеет хорошую историю и традиции. На протяжении столетий происходил обмен фольклорными и литературными произведениями Востока и Запада.

Из основателей русской ветви казанской переводческой школы нам известен, например, поэт и переводчик Г.П. Каменев (1772-1803гг.), входивший в 1793 году в казанский масонский кружок литераторов С. А. Москотильникова. Им переведены произведения в жанре романтических преданий, такие как «Ритогар и Ванда» (из Козегартена) и «греческая» повесть Коцебу «Волшебная сила скромности», напечатанная в журнале «Новости русской литературы» (1802). Отдельно изданы четыре переводные книги: «Счастье одного бывает несчастьем другому» – «персидская» повесть Коцебу (1800), «Софья, или Сумасшедшая от любви. Истинная повесть сочинения г. Шпица» (1801), «Новости» – четыре повести Коцебу (1802), «Гробница на холме» – повесть Коцебу (1802). Основная же работа по переводам литературной сказки с татарского на русский язык приходится на советский период.

Переводы сказки на татарский язык до начала XX века встречаются, но в основном это переводы народных сказок. Важную роль сыграло открытие татарских новометодных школ, когда для составления учебников потребовались тексты дидактического характера, в том числе и авторские

сказки в переводе на татарский язык, адаптированные для восприятия. Именно в то время Габдуллой Тукаем (Г.М. Тукаевым) переведено на татарский язык немало басен Крылова, литературные сказки и стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, и всегда мы видим, как эстетические идеалы Востока бережно и мягко заменяют концепты русского мира. Связано это, прежде всего, с особой ментальностью восприятия прекрасного, с традициями восточного стихосложения, изложенными, например, в трудах Шамс ад-Дина Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Приведем лишь одну цитату из предисловия «Персидская поэзия на весах поэтики», написанного исследователем этого памятника письменности Н.Ю. Чалисовой: «Мотивы как извлекаемые из совокупности усвоенных стихов инварианты «правильных» образов, которые поэту предстоит обращать в авторские «варианты»» [Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази: с. 69].

Позднее на татарский язык русскую литературную сказку переводили Ф. Албеков, Р.И. Валеев, Л.Ш. Замалетдинов, А. Исхак, Ф. Карим, Ф.М. Сафин, А.М. Ситдикова, Э.М. Шарифуллина и др.

Переводом татарской литературной сказки на русский язык занимались А.Г. Бендецкий, Р.Р. Бухараев, Б.Г. Вайнер, В.С. Думаева-Валиева, А.К. Каримова, Р.Х. Кожевникова, С.В. Малышев, Г.А. Паушкин, В.П. Хамидуллина, Е.Л. Шварц и др.

Благодаря тому, что некоторые произведения переводились не однократно разными переводчиками, в настоящее время мы имеем возможность провести сопоставительный анализ, оценить степень точности и вольности переводов, тем самым подтвердить или опровергнуть «теорию непереводаемости», а также подвергнуть сомнению или утвердиться в том, что знание переводчиком языка оригинала действительно влияет на качество перевода. Например, сказку «Шурале» Габдуллы Тукая переводил с подстрочника С.И. Липкин, позже – носители языка Р.Р. Бухараев и В.С. Думаева-Валиева. Кроме того, при кажущейся простоте процесса, благодаря современному билингвализму переводчиков, множественные переводы позволяют, тем не менее, определить влияние имплицитной памяти на сохранение национальных кодов текста оригинала. Чаще сопоставительный анализ для исследователя доступен в части переводов с татарского языка на русский, но что касается переводов с русского языка на татарский, такая работа практически не выполняема, в

связи с тем, что книги для детей на протяжении века издавались на арабском (с начала XX века до 1920 г.), латинизированном татарском – шрифт яналиф (официально с 1927 по 1939 гг.), татарском языке на основе кириллицы. Показательно, что всего переведено 18 татарских и 28 русских авторов.

В начале прошлого века К.И. Чуковский, говоря о принципах перевода и рассматривая традиции переводческой школы, писал: «Давно миновало то время, когда литература, под влиянием великосветской эстетики, требовала от переводчика, чтобы он «улучшал» и «украшал» переводимого автора» [Чуковский, Федоров: с. 24]. Мы можем только констатировать, что современные переводчики и «улучшают», и «украшают», и стараются следовать основным принципам перевода.

В 2020 году нами выпущена монография «Специфика художественного перевода русских и татарских литературных сказок в контексте диалога культур. Данная работа представляет собой системное исследование, посвященное актуальной литературоведческой проблеме – художественному переводу татарской и русской литературных сказок на русский и татарский языки; в ней впервые рассматриваются многие современные русские и татарские сказки и их переводы с точки зрения изменения содержания, стилистического своеобразия оригинала, переводческих принципов воссоздания композиции подлинника, сохранения национального колорита на примере переводов произведений Р.Т. Валеевой, З.М. Мингазовой, С.Л. Прокофьевой, С.В. Савицкой, В.Г. Сутеева. Особенностью монографии является собранный и систематизированный материал по истории издания переводной литературной сказки. Благодаря библиографическому списку легко оценить частотность публикаций переводов того или иного автора, увидеть имена переводчиков, а также проследить динамику всего переводного процесса за последние сто лет с его подъемами в советский период, провалами в первое постсоветское двадцатилетие и, наконец, возрождению начиная с 2011 года.

Так, в период 30-80-х годов наблюдается повышенный интерес к переводам литературной сказки. Книги издаются в Москве и Казани огромными тиражами, над текстами работают лучшие переводчики: на русский язык – Н. Алкин, А. Бадюгина, А. Бендецкий, Р. Бухараев, С.

Липкин, С. Малышев, Г. Паушкин, Г. Снегирев; на татарский язык – Г. Абдрахманова, А. Абсалямов, Н. Баян, Р. Валеев, И. Гази, А. Гумеров, М. Мадри, К. Миннибаев, Ф. Хусни.

С начала 90-х, примерно до 2010 г., наблюдается отсутствие интереса к изданию авторских сказок: переводов издается мало, в основном это переиздания А. Алиша, В. Бианки, А. Пушкина, Л. Толстого, Г. Тукая, К. Ушинского. Вне поля зрения, точнее коммерческого интереса издателей, становятся классические произведения русской литературы для детей, а для русского читателя неизвестными остаются талантливые современные татарские сказочники.

В 2012 году в Казани по частной инициативе начала выходить билингвальная серия книг для детей «Современные авторы – детям», которая обогатила русскую и татарскую литературу новыми современными произведениями, познакомила с новыми именами и дала толчок к качественно новому подходу при издании переводной детской литературы. За четыре года было издано 50 книг, 12 из которых – русские и татарские сказки в прозе и стихах авторов из России, Украины, Беларуси, Германии. Группа авторов и переводчиков, среди которых известные детские поэты Татарстана Роберт Миннуллин, Разиль Валеев, Алфия Ситдикова, Зулейха Мингазова, Галимьян Гильманов, Факиль Сафин и др. а так же детские писатели России и ближнего зарубежья Софья Прокофьева, Александр Тимофеевский, Михаил Яснов и др. поставили цель познакомить юных читателей с современными образцами детской литературы, а так же стимулировать изучение второго языка – русского или татарского. Книги оказались востребованы, благодаря чему сегодня мы видим большое количество билингвальных изданий, выпущенных Татарским книжным издательством, издательствами «Татармультфильм», «Рухият», «Магариф» и др. При этом, с точки зрения сопоставительного литературоведения, билингвальные издания помогают выявить весь аспект схожести национальных кодов, тем самым доказывая схожесть нравственно-культурных ценностей народов.

В заключении следует подчеркнуть: пропаганда и популяризация современных авторов – мастеров художественного слова через переводные издания способствуют сближению культур и расширению межэтнических связей.

Библиографический список

1. *Хамидуллина В. П.* Специфика художественного перевода русских и татарских литературных сказок в контексте диалога культур. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа». 272 с.
2. *Чуковский К. И., Федоров А. В.* Искусство перевода. Ленинград: АКАДЕМИА, 1930. 235 с.
3. *Шамсад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази* Свод правил персидской поэзии (ал-Муджам фи маайирашар ал-аджам). Ч. II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с персидск., исслед. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 470 с.

Р.Р. Хусаинова

Некоторые особенности перевода аграрной терминологии с русского языка на немецкий

Терминологические исследования в определенных отраслях знаний позволяют выявить словообразовательные возможности и особенности функционирования конкретного языка.

Процессы интернационализации и глобализации мировой экономики обуславливают выход аграрной политики за национальные рамки, прежде всего ее регионализацию с передачей значительной части компетенций и финансового обеспечения проведения такой политики наднациональным межгосударственным структурам [Фрумкин].

«Научный прогресс в аграрной отрасли отражается в ее **терминологической системе**» [Шарафутдинова, 6]. С развитием аграрной отрасли пополняется и словарный состав языка. Соответственно мы получем новые названия слов в качестве термина в **терминологической системе**. В настоящее время стало актуальным изучение терминологии в аграрной отрасли, так как это дает возможность построить терминологические системы для отдельных языков.

За последние десятилетия изучение данного пласта лексики в новых аспектах изменило традиционно установленные границы их описания и

значительно расширило область исследований. В условиях роста качественно новых научных достижений (компьютерных и телекоммуникационных технологий) терминология, являясь наиболее интенсивно развивающейся частью словарного состава любого языка, испытывает существенное влияние экстралингвистических факторов. «Поэтому исследования терминосистем различных наук имеют непреходящее значение в широком диапазоне: от теоретических вопросов общих закономерностей развития отдельных терминосистем до решения практических проблем упорядочения, унификации и стандартизации отраслевой лексики и корректной репрезентации ее в словарях» [Таранова, 142].

В русском языке при обогащении словарного состава аграрной лексики большинство терминов заимствуются из иностранных языков, образуются при помощи словообразовательных единиц, а также при помощи греко-латинских терминоэлементов.

Самыми продуктивными способами формирования аграрной терминологии в процессе номинации в немецком и русском языках являются морфологический и синтаксический способы. Самыми распространенными видами морфологического способа в немецком языке являются аффиксация, конверсия и сложение, в русском языке – аффиксация и сложение. Аббревиация и конверсия в русском языке непродуктивны.

В немецком и в русском языках существует много ономасионных терминов, свойственных аграрной терминологии. Заимствованные слова присутствуют в обоих языках. Основным языком заимствования является латинский, а также встречаются термины аграрной тематики – заимствования из французского языка.

При переводе текстов необходимо подбирать терминологические аналоги немецким словам. В немецком языке существует большое количество сложных слов-терминов, не имеющих точные аналоги в русском языке. При переводе таких терминов используют аналогичные по смыслу простые слова, иногда перевод осуществляется с помощью разного рода словосочетаний, подбора лингвистических аналогов. Особенно это значимо при работе с текстом аграрной тематики. Поэтому специалист, выполняющий перевод текста, должен хорошо владеть

специальной терминологией, чтобы подобрать аналог, который принято употреблять для выражения смысла в данной ситуации в другом языке. Так, например, семантическое значение сложных и производных слов, которыми так богат немецкий язык, часто передают неправильно, исходя лишь только из значения составных элементов слова и не сверяясь с лингвистическими соответствиями терминов в двух языках перевода.

Сопоставление способов образования аграрных терминов в немецком и русском языках позволяет заключить, что сложности, возникающие при решении понятийных задач терминологии, объясняются не только и не столько спецификой отдельных языков, а особым положением терминов в системах национальных языков.

О значимости и интенсивности исследований проблем современного терминоведения свидетельствует рост числа научных публикаций, диссертационных исследований и научно-практических конференций. Анализ работ, посвященных проблеме термина и терминологии, показывает постоянное стремление лингвистов расширить область исследования, так как неоднократные попытки сформулировать удовлетворяющее всех определение понятия «термин» оказались малопродуктивными «вследствие многогранности этого феномена» [Фрумкин].

Библиографический список

1. *Таранова Е.Н.* Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований / Е.Н. Таранова. // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. №21 (119). Выпуск 12. С. 142-149.
2. *Фрумкин Б.Э.* Аграрная политика / Большая российская энциклопедия. URL: http://knowledge.su/a/agrarnaya_politika.html
3. *Хидирова Г.Т.* Немис тилидаги аграр соҳага оид терминологиянинг лингвистик хусусиятлари / Г.Т. Хидирова. // Scientific-methodological journal “Foreign languages in Uzbekistan”, 2021, No2 (37). pp. 55-70. URL: <https://journal.fledu.uz>

4. *Шарафутдинова Н.С.* Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме / Н. С. Шарафутдинова. Ульяновск : УлГТУ, 2016. 204 с.

Т.А. Чеснокова

Об электронных банках художественных текстов в Швеции

Электронные библиотеки в Интернете предоставляют все большие возможности для чтения, обучения, перевода и научной работы. Художественные тексты в электронном формате более доступны, чем бумажные издания. Лишь малая часть литературы Швеции поступает благодаря книгообмену между двумя странами в Российскую государственную библиотеку (РГБ) и библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ). Поэтому использование Интернет-ресурсов для изучения шведского языка и литературы в российских вузах играет неоценимую роль. В данной статье приводится характеристика основных электронных банков шведской художественной литературы.

Как известно, в 1971 году был основан проект «Гутенберг» – первая в мире электронная библиотека, находящаяся в США (Project Gutenberg) (1). Эта общественная инициатива возникла благодаря Майклу Харту, в то время студенту Иллинойского университета. Проект предусматривает оцифровку и сохранение в текстовом формате различных произведений мировой литературы, находящихся в свободном доступе. Язык большинства текстов – английский.

Шведский проект «Рунеберг» (Projekt Runeberg) – общественная инициатива, возникшая некоторое время спустя после появления «Гутенберга» с целью публикации в свободном и бесплатном доступе электронных версий книг, имеющих значение для культуры и истории всех скандинавских стран (2). Проект был основан шведским программистом Ларсом Аронссоном в 1992 году и назван в честь финского национального поэта Юхана Людвиг Рунеберга, фамилия которого оказалась созвучной Гутенбергу. Целью Аронссона было создание цифрового архива художественной литературы на скандинавских языках в Интернете в рамках студенческого объединения «Люсатор» при

Линчёпингском университете. Работу осуществляла небольшая редакторская группа, с которой сотрудничало множество добровольцев из разных стран. Первыми оцифрованными произведениями, выложенными в открытом доступе (e-texter), стали стихи и проза таких классиков шведской литературы, как Карл Микаэль Бельман, Август Стриндберг, Сельма Лагерлёф и Виктор Рюдберг (XVIII, XIX и XX века), а также известное произведение «Сказания прапорщика Столя» («Fänrik Ståls sägner»), созданное Рунебергом. В электронном архиве «Рунеберга» имеется в том числе доступ к собраниям сочинений многих авторов и к комплектам литературной журнальной периодики.

Для общего пользования выкладывались книги, на которые истек срок действия авторского права. Дело в том, что страны ЕС с 1 января 1996 года увеличили срок действия авторского права с пятидесяти лет со смерти автора до семидесяти. Новое законодательство в области авторских прав соблюдается проектом «Рунеберг», создатели которого отказываются размещать пиратские копии.

Другой известной и авторитетной компьютерной базой данных, но не по скандинавской, а только по шведской литературе, является «Литературный банк» (Litteraturbanken) (3). Именно он и представляет наибольший интерес для изучающих шведский язык. Это литературный проект и одновременно название интернет-сайта, который появился в результате сотрудничества между Шведской Академией, Королевской библиотекой и электронным банком по шведскому языку Гётеборгского университета. Целью его создания было сделать общедоступным в Интернете литературное наследие на шведском языке.

Инициатором создания этого проекта стал известный шведский писатель Свен Линдквист, член правления Королевской библиотеки. В 2002 году Шведская Академия провела семинар по созданию электронной версии художественных текстов. Среди участников семинара были представители авторитетных учреждений: Нобелевской библиотеки, Союза шведских книгоиздателей, Союза писателей Швеции и др. В 2003 году проект получил деньги, выделенные юбилейным фондом Государственного банка Швеции. Затем в 2006 году финансирование взяла на себя Шведская Академия. «Литературный банк» сегодня имеет статус общественной организации.

У проекта регулярно появляются новые направления. Так, с 2018 года «Литературный банк» выкладывает на сайте статьи уникального издания – «Словаря шведских переводчиков» (Svenskt översättarlexikon) (4). Открыт раздел «Веб-драматургия» с текстами пьес шведских авторов. В отдельное направление выделен «Архив Сельмы Лагерлёф», который будет содержать полное собрание всех произведений этой знаменитой писательницы и Нобелевского лауреата. А в январе 2020 года Королевская библиотека сообщила о том, что намерена, в сотрудничестве с пятью университетскими библиотеками (Гётеборг, Упсала, Стокгольм, Лунд, Умео) оцифровать все шведские печатные издания начиная с XV века и «до сегодняшнего дня» и выложить их в открытый доступ.

«Литературный банк» предлагает как факсимильные издания, так и тексты в формате ePub, то есть в открытом формате электронных версий книг (Electronic Publication), который позволяет распространять цифровую публикацию в одном файле, обеспечивая совместимость с программным и аппаратным обеспечением. Читать тексты можно на компьютере, планшете, в мобильном телефоне.

На сегодняшний день в меню сайта «Литературного банка» имеются следующие позиции: «Библиотека», «Файлы ePub», «Аудио и видео», «Быстрый поиск», «Поиск в текстах», «Презентации», «Музей поэзии», «Словарь шведских переводчиков», «Веб-драматургия», «Школа».

Как сообщается в «Сведениях о сайте», «Литературный банк» делает доступным шведскую художественную литературу для читателей и исследователей, учителей и учеников, студентов и библиотекарей (5). Чтение доступно на веб-сайте, и множество текстов разрешается скачать на планшет и мобильный телефон. Регистрации, читательского билета или платы за доступ к ресурсам не требуется. Можно воспользоваться либо простым поиском по алфавитному каталогу, либо посмотреть разделы презентаций творчества писателей, жанров литературы и обзора исторических эпох. Особый интерес представляет раздел меню «Школа», в котором содержатся методические рекомендации к структуре урока, творческим заданиям, использованию дидактического материала.

Раздел «Музей поэзии» – это виртуальное подобие выставочного зала, как пишут сами авторы проекта. К юбилею конкретного поэта, например, собираются и публикуются материалы о его творчестве, тексты в

различных форматах, видеофайлы, фотографии и другой изобразительный материал, аудиофайлы с записями голоса поэта, читающего свои произведения.

Таким образом, на сайте «Литературного банка» сосредоточен разнообразный материал по шведской литературе, будь то произведения отдельных авторов, собрания сочинений, обзоры по литературным периодам, жанрам, тематике. Материал сайта регулярно обновляется: каждый месяц публикуются новые тексты. Обновления рассылаются всем заинтересованным по электронной почте.

Вместе с тем «Литературный банк» специально поясняет свою позицию в подборе текстов, уточняя, что его цель вовсе не состоит в том, чтобы создать «склад всей шведской литературы» (6). В проекте выделяются пять главных направлений:

1. Собрания сочинений классиков шведской литературы (академические комментированные издания).

Первым в этом ряду стала цифровая публикация полного собрания сочинений Августа Стриндберга. В дальнейшем продолжились публикации других значимых авторов, или так называемого «литературного канона»: текстов Лагерлёф, Альмквиста и др. Это ключевые фигуры истории шведской литературы, поэтому именно традиции, или канону, отдается приоритет. Кроме того, публикуются научные монографии и статьи об их творчестве, создаются ссылки на релевантный литературоведческий материал.

2. Тематические или жанровые группы текстов.

К ним отнесены произведения детской литературы, теологические труды, письма и дневники, книги путешествий, новеллистика. Подобная группировка может быть использована в самых различных целях, в том числе научных и педагогических. Презентация отдельной тематики создается в сотрудничестве с экспертами в данной области, которые готовят список текстов для дальнейшей оцифровки. Необходимые ссылки также постоянно обновляются.

3. Отдельные значительные произведения.

В данном случае имеются в виду тексты авторов, которые не входят в основной корпус шведской классики, но они тем не менее оставили

важный след в истории литературы. К каждой из таких публикаций пишется краткое предисловие.

4. Переводы на шведский язык.

«Переводная литература является неотъемлемой частью истории литературы каждой страны» (7). Действительно, трудно представить себе шведскую литературу и язык без переводов Шекспира Хагбергом. И наоборот, многие шведские авторы переведены на другие иностранные языки. Поэтому искусство перевода не может остаться в стороне, когда речь идет о языке и литературе. Прежде всего, «Литературный банк» публикует тексты иностранных авторов в переводе на шведский язык. Однако планируется размещение произведений шведских авторов в переводах на другие языки, например, произведений Сельмы Лагерлёф в немецких переводах и Августа Стриндберга на английском языке. Более того, на сайте намерены публиковать также работы различных переводчиков, демонстрирующие развитие самой школы шведского перевода, обновление традиций и представляющие материал, необходимый для сравнения и анализа. В настоящее время на сайте «Литературного банка» можно ознакомиться со шведскими переводами Гёте, Гомера, Горация, Овидия, Сервантеса, Шекспира, и некоторых других классиков мировой литературы, произведения которых привлекали внимание не одного поколения шведских переводчиков.

5. Справочная литература.

«Литературный банк» выкладывает в открытый доступ релевантную справочную литературу, чаще всего факсимильную. Это предисловия и статьи в собраниях сочинений отдельных авторов, однотомные или многотомные истории шведской литературы и пр. Интерес представляет солидная публикация по истории детской литературы в Швеции с подробной библиографией.

Отдельный интерес может представлять, как уже говорилось, раздел «Школа», адресованный учителям и ученикам, библиотекарям и всем заинтересованным читателям. Тексты этого бесплатного и общедоступного электронного ресурса сгруппированы по уровням обучения: младшая, средняя, старшая школа и гимназия. Каждый из текстов снабжен вопросами и учебными заданиями. Введение к разделу озаглавлено следующим образом: «Почему необходимо читать классиков в школе?» В

качестве мотивации приводится целый ряд положений: «Чтение классиков шведской литературы позволяет нам установить связь с нашим прошлым, мы становимся членами исторической общности и приобретаем знание того, как развивался наш родной язык. Мы получаем сведения об условиях жизни, явлениях и представлениях людей других эпох. Мы ощущаем себя частью исторического процесса. Мы начинаем понимать, как литература прошлого повлияла на современных нам писателей и на созданный ими художественный мир» (8).

Вслед за введением опубликованы подразделы «Беседы о литературе», «Методические рекомендации», «Модели анализа», «Список произведений».

В методическом плане особый акцент делается на совместном чтении. Сперва поясняется, что Shared Reading как модель совместного чтения, или «чтения в кружок», была разработана преподавателями Ливерпульского университета и очень востребована в Великобритании. Группы численностью 8-12 читателей под руководством преподавателя собираются примерно на полтора часа, чтобы совместно прочитать и обсудить небольшие по объему литературные тексты (стихи или новеллы). Тексты заранее известны только преподавателю. Каждый в группе делится впечатлениями от прочитанного.

В Швеции растет интерес в британской модели Shared Reading, которое все чаще организуется специально подготовленными педагогами в народных школах, библиотеках, на учебных курсах. Существует также специальная страничка в Фейсбуке: «Nätverket Shared Reading Sverige». «Литературный банк» подбирает и публикует художественные тексты в том числе и для практики совместного чтения.

Таким образом, шведский «Литературный банк» – не просто электронная библиотека, а общедоступный Интернет-ресурс, знакомящий как с собственно художественными текстами, так и с творчеством их авторов, с историей литературы, ее рецепцией, критикой, переводами на другие языки, звуковым и визуальным рядом, а также с рекомендациями по чтению и преподаванию литературы.

Библиографический список

1. URL: www.gutenberg.org/ebooks
2. URL: www.runeberg.org/katalog.html
3. URL: www.litteraturbanken.se/bibliotek
4. URL: www.litteraturbanken.se
5. URL: www.litteraturbanken.se/om/ide
6. URL: www.litteraturbanken.se
7. URL: www.litteraturbanken.se/skolan/

Н.С. Шарафутдинова

Трудности перевода русских технических терминов-эпонимов на немецкий язык

Цель нашего исследования – выявить и представить лексические трудности, возникающие при переводе русскоязычных технических текстов, содержащих эпонимы, на немецкий язык.

Эпоним – это лексическая единица, содержащая в своей словообразовательной структуре имя собственное. Наиболее распространенной антропонимической структурой в научно-технической сфере является фамилия. Например: *телескоп Максудова* – das Maksutow-Teleskop (по имени русского оптика Д.Д. Максудова); *волна Маха* – die Machwelle (по имени австрийского физика Эрнста Маха); *трубка Вентури* – die Venturidüse // das Venturirohr (по имени итальянского учёного Джованни Вентури). Характерные признаки научных эпонимов достаточно подробно изучали языковеды С.Г. Казарина [Казарина, с. 33-42], Е.М. Какзанова [Какзанова, 2015, с. 182-190; Какзанова, 2016, с. 128-132].

Актуальность данного исследования объясняется тем, что технический перевод требует достоверность и является одним из наиболее сложных видов перевода. Однако возможности перевода эпонимических терминов в недостаточной мере освещены в научной лингвистической литературе, хотя эпонимы имеются в каждой отраслевой

терминологии и функционируют в научно-технических текстах разных жанров.

Лингвисты отмечают как положительные, так и отрицательные свойства терминов-эпонимов. Положительным является то, что термины-эпонимы увековечивают в своей структуре имена ученых и исследователей, которые открыли новое явление или имели отношение к этому изобретению. Наряду с мемориальной функцией положительным качеством терминов-эпонимов является их интернациональный характер, поскольку эпонимический компонент различается в разных языках лишь графическим оформлением в результате транскрипции и транслитерации при переводе с одного языка на другой [Шарафутдинова, с. 181-185], например: *доплеровский радар* (рус.) – Doppler-Radar (нем.) – Doppler radar (англ.); *закрылок Фаулера* (рус.) – Fowlerklappe, Fowler-Klappe (нем.) – Fowler flap (англ.); *неустойчивость по Тейлору* (рус.) – Taylor-Instabilität (нем.) – Taylor instability (англ.).

Следует отметить, что в нами исследуемых языках эпонимический компонент термина всегда пишется с прописной буквы.

В качестве важного свойства терминов-эпонимов следует назвать также легкость их образования. Термины-эпонимы создаются согласно правилам словообразования конкретного языка. В русском языке эпонимический компонент термина является определяющим компонентом терминологического словосочетания и имеет грамматическую форму имени существительного в родительном падеже или прилагательного, образованного от имени собственного суффиксальным способом, а в немецком языке эпонимический компонент может быть как компонентом словосочетания, так и первым компонентом сложного термина. Например: *течение расширения Прандтля-Мейера* – die Prandtl-Meyer-Strömung – die Prandtl-Meyersche Expansion; *постоянная Планка* – die Plancksche Konstante.

Следующее специфическое свойство эпонимных терминов заключается в том, что термин-эпоним точно и эксплицитно передает содержание терминологического понятия.

В качестве межкультурно обусловленной характеристики терминов-эпонимов следует назвать то, что зачастую одно и то же явление в разных странах обозначается по-разному, при образовании эпонимических

терминов могут быть использованы имена разных ученых, что создает путаницу и затрудняет профессиональную коммуникацию. Например:

полупетля Нестерова – die Immelmann-Kurve // der Immelmann-Turn.

Следует рассмотреть следующие случаи, которые могут вызвать трудности при переводе текстов с терминами-эпонимами:

1) Русские термины-эпонимы, по сравнению с их немецкими эквивалентами, часто содержат дополнительные уточняющие компоненты. Ср.:

радиометрический манометр Кнудсена – das Knudsen-Manometer;

правильная машина системы Абрамсена – die Abramsen-Maschine;

спутниковая фотокамера Бейкера-Нанна – die Baker-Nunn-Kamera.

2) Главный компонент термина в исходящем русском языке и в целевом немецком языке может быть представлен разными лексическими единицами, значение которых не совпадает. Например: *коридор входа Чэпмена* – der Chapman-Korridor // der Chapman-Rückkehrkorridor // der Chapmanscher Wiedereintrittskorridor.

3) Ученые разных стран одновременно и независимо друг от друга проводят исследования в определенных областях, делают открытия и желают увековечить в термине имя ученого-соотечественника. Например, в русском языке функционирует термин-эпоним, содержащий два антропонимических элемента, один из которых является именем отечественного ученого, а в немецком языке эквивалент этого термина имеет только один антропонимический элемент и не отражает в своей структуре имя российского ученого:

фигура Биттера-Акулова – das Bitter-Muster.

4) Большинство терминов-эпонимов имеет лишь один антропонимический компонент. Однако встречаются и термины, имеющие в своем составе несколько имен собственных. В профессиональной коммуникации такой многоэлементный антропонимический компонент термина нередко подвергается аббревиации. Это в определенной степени затрудняет поиск иноязычного эквивалента. Ср.:

теория БКШ – die Bardeen-Cooper-Schliefer-Theorie;

ванна Ленгмюра-Блоджега – der L-B-Trog;

метод Брунауэра-Эммета-Теллера – die BET-Methode.

5) Перевод терминов-эпонимов с конфиксом или префиксоидом также вызывает трудности. В русском языке префиксоид присоединяется обычно к базовому компоненту термина, а в немецком языке – к антропонимическому компоненту. Например:

антидефект Френкеля – der Anti-Frenkel-Defekt.

6) Если эпонимический термин входит в синонимический ряд, то это может вызвать трудности при поиске эквивалентного термина. В первом примере русским терминам-синонимам соответствует в немецком языке лишь один эквивалентный термин-эпоним, а во втором примере для русского квалификативного термина в немецком языке имеются два эквивалента, один из которых является термин-эпоним:

ленгмюровские колебания // электростатические колебания // плазменные колебания – die Langmuir-Schwingungen;

прямоточный воздушно-реактивный двигатель – das Lorin-Triebwerk // das Staustrahltriebwerk.

7) Русскоязычному квалификативному термину в немецком языке может соответствовать термин-эпоним:

влияние количества протекающего электричества – der Amperstundeneffekt;

двигатель внутреннего сгорания с принудительным зажиганием – der Otto-Benzinmotor // der Otto-Motor.

Таким образом, архитектурная структура и семантический объем терминов-эпонимов в русском и немецком языках могут не совпадать, что необходимо учитывать при переводе специальных текстов.

Библиографический список

1. Казарина С. Г. Эпонимические термины: достоинства и недостатки // Научно-техническая терминология. Научно-технический реферативный сборник. М., 1998. Выпуск 1. С.33-42.

2. Какзанова Е. М. Интернациональные эпонимы антропонимического содержания // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам второй международной научной конференции (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.). В двух частях. Ч. 1.

СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. С. 182–190.

3. *Какзанова Е.М.* Эпонимы антропонимического содержания и вопросы этики // материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции «Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе» (Москва, 24 ноября 2016). М.: Изд-во Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 2017. С. 128–132.

4. *Шарафутдинова Н.С.* Из практики перевода терминов-эпонимов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, 2007. Вып. 1. С. 181–185.

Список источников примеров

1. *Словарь по науке и технике* (английский, немецкий, русский): / Г.В. Галевский, Л.В. Мауэр, Н.С. Жуковский; под ред. Г.В. Галевского. М.: Флинта: Наука, 2003. 319 с.

2. *Шарафутдинова Н.С.* Немецко-русский синонимический словарь авиационных терминов / Н.С. Шарафутдинова. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 196 с.

РАЗДЕЛ 3. ИНТЕГРАТИВНОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Ж.Е. Гостева

Фрейм map на материале английских паремий

Лингвокультурологический подход к изучению концептуальных структур продолжает активно развиваться в отечественном языкознании.

Исследователи в разных областях — историки, фольклористы, литературоведы, лингвисты — рассматривают паремии как инструмент для получения информации об опыте поколений, значимость которого имеет степень всеобщности и, следовательно, позволяет его использование в любой ситуации. В лингвокультурологическом ключе подобные исследования направлены на установление характеристик конкретной культуры, культурных универсалий, представленных в паремиях. Паремиологическое сознание выступает составляющей этнокультурного языкового сознания [Кацюба 2010: 73–75].

Изучение гендера — одно из направлений современной тенденции в лингвистике, называемой антропоцентризмом [Костомаров 2014: 34]. Антропоцентричность гуманитарного знания объясняет неослабевающий интерес к изучению на материале различных языков структур знания, которые связаны с социальными моделями, положением и ролью основных групп в обществе. Как считают А.В. Кирилина и М.В. Томская, гендер — это социокультурное понятие, под которым понимается приписывание индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола, однако не всегда от него зависящих [Кирилина, Томская 2005: 69].

Изучение когнитивной области map неразрывно связано со всей совокупностью противоположных начал, составляющих фундаментальные оппозиции человеческой культуры — концептом woman и, шире, концептами маскулинности и фемининности. Информация об этом ментальном пространстве раскрывается благодаря типизированности и стереотипности представляемого явления.

Одной из моделей представления знаний о типичном явлении, ситуации или ее фрагменте, о вероятностных реакциях и сопутствующих

обстоятельствах выступает фрейм. Фреймовый анализ — моделирование лексикона в виде максимально обобщенных и универсальных фреймовых структур, которые представляются как когнитивные области, ассоциируемые с определенной лингвистической единицей или лексико-семантической группой. Фрейм — оперативная структура, в которой узлы заполняются изначально равноценным содержанием. Но в конкретном коммуникативном контексте конкретный пользователь актуализирует те, которые считает решающими в данный момент. Разные модификации фрейма предлагают разные ракурсы рассмотрения одной и той же ситуации.

Фрейм мужчина представляет собой понятийную рамку концепта мужчина и, очевидно, закреплена в языковом сознании как многомерная структура, состоящая из субфреймов.

Некоторые базовые слоты /узлы фрейма man выявляются уже на этапе анализа дефиниций лексемы man: an adult male human (a good-looking young man); a man who comes from the place mentioned or whose job or interest is connected with the thing mentioned (a businessman, a medical man); a man who likes or who does the thing mentioned (I've never been a gambling man); a man who works for or supports a particular organization, comes from a particular town, etc. (a loyal Republican Party man); a person's husband, boyfriend or male partner (I now pronounce you man and wife); a person who is strong and brave or has other qualities that some people think are particularly male (Come on, now — be a man). При анализе намеренно были исключены те значения лексемы, которые связаны с обозначением людей обоего пола, например, humans as a group, both male and female (the damage caused by man to the environment); a person, either male or female (How could a human torture his fellow man?) и humans from a particular period of history (Prehistoric man) [Oxford Learner's Dictionaries]. Итак, к числу базовых признаков можно отнести признак возраста (adult), признак пола (male), признак семейного положения/вовлеченности в отношения (a husband, a boyfriend), признак принадлежности к определенной профессиональной и др. группе (a worker), признак наличия типично мужских качеств (a strong person).

Переходя к анализу паремий, следует отметить, что в связи с отсутствием грамматической категории рода в английском языке провести

строгие родовые различия не так просто, как, например, в русском. На первом этапе были отобраны гендерно-маркированные лексемы, в семантике которых гендерный компонент находится в ядре значения. Таким образом, фрейм man может быть актуализирован антропометрическими лексемами, в которых признак пола имеет решающее значение, лексемами, которые обозначают традиционно мужскую профессию или род занятий (man, male, lad, chap, bloke, guy, fellow, beardy, gaffer, spiv, fiancé, bridegroom, gigolo, gentleman, king, prince, knight, wizard, priest, shepherd, monk, etc), терминами родства/свойства (father, dad, brother, uncle, grandfather, nephew, brother-in-law, son, godson, etc.), антропонимами (Judas, Jack, Peter, etc.), личным местоимением he, притяжательным his и возвратным himself. Затем методом сплошной выборки были отобраны поговорки, содержащие эти единицы.

Далеко не все лексемы этого не закрытого списка обнаруживаются в составе английских поговорок. Наиболее частотной лексемой / компонентом лексемы в составе поговорок, как и следовало ожидать, является нейтральное man (A man without a wife is but half a man. An Englishman's home is his castle) (42 %). Вторым наиболее часто используемым обозначением мужчины оказывается личное/притяжательное местоимение he/him/his (He who hesitates is lost) (10 %). О возможности номинации через репрезентацию основных социальных ролей мужчины, быть главой семьи и отцом, и о значимости реализации мужчины в качестве мужа и отца с точки зрения английской лингвокультуры свидетельствует тот факт, что лексемы husband/goodman (A good husband makes a good wife. As the goodman says, so say we; but as the good wife says, so must it be) и father (Like father like son) занимают третье место. Остальные лексемы представлены в следующем списке в порядке уменьшения частоты встречаемости: master (No one is born a master), son (A son is a son 'till he gets him a wife; a daughter's a daughter all her life), king (Every king needs a queen), gentleman (It takes three generations to make a gentleman), boy (One boy is more trouble than a dozen girls), brother (The younger brother the better gentleman), workman (A bad workman blames his tools), male (Deeds are males, and words are females), cobbler (The cobbler's wife is the worst shod), shoemaker (The Shoemaker's son always goes barefoot), locksmith (Love laughs at locksmiths), thief (A thief thinks everyone steals), shepherd (Red sky at night shepherd's

delight; red sky in the morning, shepherd's warning), poet (Poets are born, but orators are trained), actor (There are no small parts, only small actors), physician (He is a good physician who cures himself), monk (The cowl does not make the monk), orator (He is a good orator who convinces himself), ploughman (A bad ploughman beats the boy), archer (A good archer is not known by his arrows, but his aim).

Проведенный анализ паремий позволяет выделить в структуре фрейма *man* несколько субфреймов, таких как «Семейно-родственные отношения», «Физическая идентификация мужчины», «Черты характера». Некоторые сложные субфреймы могут быть представлены субфреймами второго порядка или подсубфреймами, например, субфрейм «Черты характера» иерархически связан с подсубфреймами «Положительные черты» и «Отрицательные черты». Выявленные характеристики фрейма *man* не претендуют на исчерпывающий характер и могут дополняться в ходе дальнейшего исследования.

Субфрейм «Физическая идентификация мужчины» состоит из слотов *пол*, *возраст*, которые заполняются информацией о том, что возраст мужчины определяется не числом лет, а ощущениями: *A man is as old as he feels, and a woman is as old as she looks*; что преклонный возраст мужчины может стать причиной ошибки в выборе партнера и лишить душевного равновесия и гармонии в отношениях: *Old men, when they marry young women, make much of death. A young maid married to an old man is like a new house thatched with old straw*. Слот *возраст* также содержит информацию о возрастной стратификации. Возраст знаменует этапы и периоды жизни и развития мужчины. В собранном корпусе обнаружены указания на три этапа: *детство / юность – зрелость – старение*. Cf. *One boy is more trouble than a dozen girls. The man in boots does not know the man in shoes. An old man who weds a buxom young maiden, bids fair to become a freeman of Buckingham. Better to be an old man's darling than a young man's slave*. Поскольку полученные результаты не позволяют выделить в этом субфрейме слот *внешность*, можно сделать вывод, что привлекательная внешность для мужчины — явление необязательное и даже ненужное. Более того, внешний вид не является параметром оценки в паремиологии: *I rather would a husband wed with a beetle brow than a beetle head. The uglier the man, the better the husband*.

Субфрейм «Семейно-родственные отношения» содержит следующие слоты: отношения с женой, отношения с другими членами семьи, причем количество паремий, раскрывающих специфику первого типа отношений, намного превосходит паремии второй группы. В большинстве паремий находит отражение значимость женщины/жены в жизни мужчины: A good wife and health is a man's best wealth. A good wife makes a good husband. Man is the head, but woman turns it. He that will thrive must first ask his wife. Wives must be had be they good or bad. A virtuous wife is a crown to her husband. A man's best fortune or his worst is a wife. The best or worst thing to man, for this life, is good or ill choosing his good or ill wife. There is one good wife in the country, and every man thinks he has her.

Большинство источников, за исключением следующих примеров Men make houses; women make homes, Men get wealth and women keep it не сообщают о распределении ролей в семье или о безоговорочно ведущей роли мужчины в доме. В некоторых случаях даются рекомендации по выбору супруги Never marry a widow unless her first husband was hanged. He that marries a widow and two children marries three thieves. He that woos a maid, must seldom come in her sight, but he that woos a widow must woo her day and night. Иногда это делается косвенно через объяснение, какими качествами должна обладать хорошая жена: Husbands are in heaven whose wives scold not. An obedient wife commands her husband. A good wife cleaves to her husband. Three things drive a man out of his house — smoke, rain and a scolding wife. Таким образом, самое большое несчастье для мужчины — ворчливая, мелочная, придирчивая и конфликтная жена. О сложностях взаимоотношений в семье свидетельствуют и следующие высказывания, в которых мужчина/муж выступает в качестве потерпевшей от негативной деятельности женщины /жены стороны: The husband is always the last to know. The only woman who always praises her husband is a widow. С другой стороны, мужчине дается именно такая жена, которую он заслуживает: A bad Jack may have as bad a Jill

В слоте отношения с другими членами семьи выявлен только один терминал взаимоотношения отца и сына; влияние/отсутствие влияния отца на сына или сына на отца: A son inherits from his father. Like father like son. A miserly father makes a prodigal son. A son can't help who his father is. A son does not answer for his father. Many a good father has but a bad son. Do not

rash, brother, to be ahead of your father. Итак, конкретизируя содержание терминала взаимоотношения отца и сына, следует отметить, что сын наследует все отцовское имущество; некоторые сыновья идут по стопам отца, другие могут оказаться отцовской противоположностью.

Субфрейм «Черты характера» содержит терминалы, связанные с эмоциональными состояниями, чувствами, характером и поведением мужчин, а именно: смелость, напористость: He who dares wins; терпение: He that can have patience can have what he will. All good things come to he who waits. Мужчине приписывается также молчаливость, сдержанность в словах и приверженность делам: Deeds are males, and words are females. He is wise who says nothing when he has nothing to say. He knows most who speaks least. He knows much who knows how to hold his tongue. Мужчины ценятся как профессионалы и мастера своего дела: A bad workman blames his tools. He is a good orator who convinces himself. A bad workman quarrels with his tools. Bad priests bring the devil into the church. He is a good physician who cures himself. A bad ploughman beats the boy.

Итак, паремиологический фонд английского языка является одним из наиболее эффективных источников информации о мировосприятии носителей языка. Пословицы наглядно представляют образ мужчины, отражая понятийную рамку этого культурного концепта, и раскрывают фрагмент гендерной картины мира. Особенность фреймового моделирования — в экспликации связи значения с экстралингвистическим контекстом.

Фрейм man представляет собой структуру, состоящую из трех субфреймов, каждый из которых объединяет в себе как минимум два слота. Слоты заполнены информацией о наиболее важных чертах в образе мужчины, некоторые из которых являются универсальными для многих культур: понимание важности крепких семейных отношений, специфики отношений с разными членами семьи (в данном случае — с женой и сыном), практические советы по обращению с женой. Самая подробная информация представлена в терминалах субфрейма «Черты характера», описывающих поведение и характер мужчин, в части примеров присутствует отрицательная оценка, так как именно негативные моменты, в данном случае поведения мужчины, вызывают непосредственную реакцию у человека. Негативное отношение вызывает бестактность,

многословность, плохой внутрисемейный климат и необразованность. В мужчинах ценятся профессионализм, реализм мышления.

Библиографический список

1. Кацюба Л.Б. Паремиологическое сознание: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 2. С. 73–75.
2. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 112–132.
3. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №2 (58), том 1. С. 198–203.
4. Longman dictionary of English idioms. Longman Group UK Limited. 1992. 387 p.
5. Oxford Dictionary of Idioms. New York: Oxford University Press Inc., 2004. 340 p
6. Oxford Learner's Dictionaries. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com
7. Penguin Dictionary of Proverbs. Ltd Market House Books, 2001. 365 p.

О.Б. Кафанова

Ранние переводы А. Фета: элегии А. де Ламартина

А.А.Фет занимался переводами на протяжении всей жизни, с юности до старости, то есть около пятидесяти лет (1840–1890-е гг.). В его обширном переводческом наследии французская литература является «падчерицей». Владея классическими и основными европейскими языками, он как переводчик отдавал предпочтение античной, немецкой и английской литературам. Во Франции за полвека сменилось несколько литературных направлений, появились десятки замечательных поэтов, лириков. Развитие получил импрессионизм, к которому по своей поэтической системе тяготел сам Фет, символизм. Однако русский поэт и переводчик словно и не заметил появления Ш. Бодлера, П. Верлена, А.

Рембо. Однако и современные ему французские романтики – А. де Виньи, В. Гюго – тоже не пользовались его вниманием. Тем не менее, он перевел несколько элегий А. Шенье, последнее стихотворение П. де Беранже, элегию А. де Мюссе и три элегии А. де Ламартина. При этом из признаний самого Фета известно, что он не особенно любил Беранже, видел много недостатков в поэзии Ламартина. И даже Мюссе, в котором он признавал настоящий поэтический талант, не удовлетворял его своими длиннотами.

«Новый лиризм» А. де Ламартина

Остановимся на анализе переводов двух элегий Ламартина, которые относятся к раннему этапу деятельности Фета-переводчика. Фет еще не сформулировал никаких переводческих принципов, он интуитивно стремился воспроизвести образцы французской поэзии, ценимой современниками. В 1840 г. он перевел «Призывание» («L'Invocation») и «Озеро» («Le Lac»). Обе элегии взяты из поэтического сборника Ламартина «Méditations Poétiques» (1820). Можно предположить, что знаменитый поэт, продемонстрировавший интимность особо рода, должен был привлечь молодого переводчика. Однако, при этом можно ошибиться, поскольку Фет оставил доказательства своего неприязненного отношения к Ламартину в своих мемуарах. Он признавался, что иронически относился к увлечению своего друга Аполлона Григорьева этим модным французским романтиком: «Главным в то время идолом Аполлона был Ламартин. Последнее обстоятельство было выше сил моих. Несмотря на увлечение, с которым я сам перевел “Озеро” Ламартина, я стал фактически, чтением вслух убеждать Григорьева в невозможной прозаичности бесконечных стихов Ламартина и довел Григорьева до того, что он стал бояться чтения Ламартина, как фрейлины Анны Иоанновны боялись чтения Тредьяковского» [Фет, 2002, с. 421].

Поэтический сборник Ламартина воспринимался современниками как репрезентация нового лиризма. «Поэтические размышления» открыли новую эпоху в истории французской поэзии. Тиражи книги были огромными: 9 изданий за три года, 20000 экземпляров. Спустя 20 лет критик А. Вине писал в 1843 г.: «Кажется, если бы в мире не существовало лирической поэзии, Ламартин мог бы её изобрести, настолько она естественна для него, настолько он чужд традициям лирического рода... Он восходит к отправной точке существования поэзии, как Декарт – к

истокам философии» [Vinet, p. 152–153]. Сам Ламартин пытался разобраться в природе своего дарования. В предисловии к «Поэтическим размышлениям» в издании 1849 г. он замечал: «Публика услышала душу автора, не видя ее». Он считал, что заставил звучать «струны самого человеческого сердца, тронутого и взволнованного неисчислимыми колебаниями души и природы» [Lamartine, p. 357]. В элегиях Ламартина впервые нашли свое поэтическое выражение идеи, появившиеся в литературе преромантизма и сентиментализма, – прозе Ж.-Ж. Руссо, Ф. де Шатобриана, Б. де Сен-Пьера, Ж. де Сталь [Богомолова].

Всем элегиям Ламартина свойственна интонация «поэтической жалобы» (будь то жалоба на измену возлюбленной или на несовершенство мироздания). Печаль, меланхолия – главный мотив, проходящий через все его поэтические «медитации». Другое открытие Ламартина – новое отношение к природе, лирический пейзаж, запечатлевший связь человеческой души с природой. Именно такова природа в его стихах: поэт здесь поверяет свои меланхолические чувства озеру, лесу, небу. И пейзаж оказывается для него самым лучшим и близким собеседником. Важное качество – восприятие пейзажа вне мифологических «посредников», описание дерева и ручья как конкретного дерева и ручья, а не как обиталищ дриады и наяды. Подобное отношение к природе являлось развитием наследия Геснера и Руссо.

Секрет успеха «Поэтических размышлений» состоял в естественности чувства, которая формировала язык, способный воздействовать на человека. Что касается «старого риторического лиризма XVIII века», то он представлял собой «типичную эмоциональность, приличествующую обращению к определённым темам и жанрам; в таком лиризме не предполагалось искренности» [Пинковский, с. 256]. Таким образом, естественность стала отличительным признаком нового лиризма, характерного для поэзии Ламартина. Однако не все элегии отвечают требованиям новой поэтики, по мнению французских литературоведов. Альбер Тибодэ полагал, что из 24 элегий, вошедших в сборник, едва ли четыре открывают для нас «в неприкосновенной чистоте эту ноту чистой поэзии, этот звук», «чистый, как искусство», который связывал смысл «Медитаций» «с музыкальным смыслом». К шедеврам он отнес *l'Isolément*, *le Vallon*, *le Lac* и *l'Automne* [Thibaudet, p. 124].

Удалось ли А. Фету передать при переводе «новый лиризм»? «Призывание» не принадлежит к лучшим элегиям Ламартина. Речь в ней идет о бесконечной любви к женщине, близкой к смерти:

O toi qui m'apparus dans ce désert du monde,
Habitante du ciel, passagère en ces lieux!
O toi qui fis briller dans cette nuit profonde
Un rayon d'amour à mes yeux ;
A mes yeux étonnés montre-toi tout entière,
Dis-moi quel est ton nom, ton pays, ton destin.
Ton berceau fut-il sur la terre?
Ou n'es-tu qu'un souffle divin? (Lamartine, p. 141)

Перевод Фета

*О ты, которая мне в душу заглянула,
Как странница земли, как горный серафим,
Твоя любовь лучом во тьме блеснула
Глазам восторженным моим.
Явися мне, прелестное создание,
Скажи мне имя, родину и цель,
Земля ль твоя святая колыбель,
Иль ты небесное дыханье? (Фет, с. 49)*

Поэтические достоинства перевода несомненны. Фет точно воспроизводит ритмику, сохраняет перекрестную рифму и мелодику стиха. Однако он постоянно прибегает к «высокому штилю»: «горный серафим», «явися», «горные места», «боготворенье», «принесть», «блаженные небеса». Иногда высокая лексика неожиданно сочетается с почти фамильярной: «De tes pas adorés je baise la poussière» («я целую пыль с твоих обожаемых ног») превращается у Фета в странную смесь: «я тот прах целую, где земли ты ножскою коснёшься». «Прах» и «ножка» относятся к разным стилевым пластам. В целом существенно меняется вся образная система: вместо возлюбленной, которую лирический герой любил и которую хотел бы любить на земле, возникает какой-то неземной образ, вызывающий явные религиозные ассоциации, т.е. в переводе Фета во многом утрачена естественная интимность Ламартина, и его вряд ли можно назвать удачным.

А что же можно сказать о переводе шедевра Ламартина, элегии «Le Lac»? Одна из главных ее особенностей заключается в том, что в ней нет последовательного законченного рассуждения. Она начинается со служебного слова «ainsi» (итак), которое вводит как бы фрагмент продолжающихся эмоциональных размышлений:

Ainsi, toujours poussés vers de nouveaux rivages,
Dans la nuit éternelle emportés sans retour,
Ne pourrons-nous jamais sur l'océan des âges
Jeter l'ancre un seul jour? (Lamartine, p. 115)

Вся элегия выстроена подобными катренами с усеченной последней строкой, что создает напевное меланхоличное музыкальное звучание.

Перевод А. Фета

*Итак, всему конец! К таинственному берегу
Во мрак небытия несёт меня волной,
И воспротивиться на миг единый бегу
Не в силах якорь мой (Фет, с. 47).*

Фет начинает тоже с союза «*итак*» и сохраняет ритмический рисунок оригинала, строго воспроизводя катрены, усеченность последней строки и перекрестную рифму. Это очень важно в поэтическом переводе, однако интонация разрушена. У Ламартина вопрос, у Фета – утверждение; вследствие этого исчезает образность, передающая неумолимую текучесть времени: «*океан лет*». Вместо этого переводчик вводит отсутствующую в оригинале лексику, придающую большую определенность и однозначность (принадлежащий к высокому стилю «*берег*» вместо «*новых берегов*»), или добавление «*в слезах*»:

Tout à coup des accents inconnus à la terre
Du rivage charmé frappèrent les échos ;
Le flot fut attentif, et la voix qui m'est chère
Laissa tomber ces mots : <...> (Lamartine, p. 115)

Перевод Фета

*Но вдруг раздался звук среди тишины священной,
И эхо сладостно заворило словам,
Притихло озеро, – и голос незабвенный
Понесся по волнам: <...> (Фет, с. 48)*

В строфе, предшествующей появлению женского голоса, Фет ввел опять много дополнительной эмоциональной лексики, которая, к сожалению, больше соответствует риторической традиции, чем естественному лиризму Ламартина (тишины священной, сладостно, незабвенный). И особенно плохо, что голос возлюбленной «*понесся по волнам*». В оригинале он доносится («падает») сверху, с неба.

Нужно отдать справедливость Фету как переводчику: он удачно перевел фрагмент, передающий речь умершей возлюбленной. Слова женщины у Ламартина лишены конкретики (которая была свойственна голосу лирического героя), они эмоциональны по форме (повторы, восклицания, призывы) и одновременно бесстрастны по выражаемому обобщённому смыслу. Фет воспроизводит и восклицания, и повторы, и призывы. Самое главное – он передает дистанцированность героя и его возлюбленной. Никакого диалога между ними не возникает; два существа, когда-то любившие друг друга, навечно разобщены. И Фет хорошо запечатлевает сожаление о краткости, мимолетности счастья, которое разрушает бег времени:

Ô temps ! suspends ton vol, et vous, heures propices !

Suspendez votre cours :

Laissez-nous savourer les rapides délices

Des plus beaux de nos jours! (Lamartine, p. 115)

Перевод А. Фета

О время, не лети! Куда, куда стремится

Часов твоих побег?

О, дай, о, дай ты нам по доле насладиться

Днём счастья, днём утех! (Фет, с. 48)

Однако, к сожалению, переводчик вновь перешел на риторический язык и ввел метафору «*Сатурн летит стрелой*» вместо «время от меня ускользает и убегает». А «заря» (l'aurore) превращается у него в «*блеск востока*»). И это уже совсем неудачно, потому что вместо передачи «нового лиризма» переводчик соскальзывает к лиризму риторическому:

Mais je demande en vain quelques moments encore,

Le temps m'échappe et fuit;

Je dis à cette nuit: Sois plus lente; et l'aurore

Va dissiper la nuit (Lamartine, p. 116)

Перевод А. Фета

Напрасно я прошу хоть миг один у рока:

Сатурн летит стрелой.

Я говорю: о ночь, продлись! — и блеск востока

Уж спорит с темнотою (Фет, с. 48).

После монолога женщины, где нет упоминаний о прошедшей любви, герой мучится из-за бесследного исчезновения всех примет чувства:

Temps jaloux, se peut-il que ces moments d'ivresse,

Où l'amour à longs flots nous verse le bonheur,

S'envolent loin de nous de la même vitesse

Que les jours de malheur? (Lamartine, p. 116)

Перевод А. Фета

О время, неужель позволено судьбою,

Чтоб дни, когда любовь все радости свои

Дает нам, пронеслись с такой же быстротою,

Как горестные дни? (Фет, с. 48).

В целом этот «мужской» монолог передан в переводе достаточно адекватно: сохранены ритмический рисунок, лексико-стилистический потенциал, вопросы, обращенные к озеру, эмоциональные восклицания. Лирический герой в отчаянии обращается к конкретным реалиям природы – озеру, скалам, лесу, пещерам, которые полно переданы в переводе. Воспроизведены также индикаторы времени (*nuit, jour – день, ночь*) и длительности (*heures, année – часы, год*); а также индикаторы быстроты течения воды, являющейся метафорой времени: *скорость, быстрые – vitesse, rapides*.

Однако финал у Фета неудачен. Лирический герой тщетно заклинает прекрасное озеро, черные сосны, дикие скалы и т.д. хранить воспоминание об исчезнувшей любви, протекавшей в их лоне, и говорить: «они любили»:

Que le vent qui gémit, le roseau qui soupire,

Que les parfums légers de ton air embaumé,

Que tout ce qu'on entend, l'on voit ou l'on respire,

Tout dise: « Ils ont aimé! » (Lamartine, p. 116–117)

У Фета плоха и нелепа последняя фраза. Никакого обращения к «любви» у Ламартина нет, тем более нет призыва к слезам:

*Чтоб свежий ветерок дыханьем ароматным,
И даже шелестом таинственным тростник, —
Всё б говорило здесь молчанием понятным:
«Любовь, заплачь о них!»* (Фет, с. 49)

Виктор Пинковский хорошо объясняет это «финальное заклинание», которое «может показаться излишним, потому что уже в первых строфах элегии показано равнодушие природы к человеческим переживаниям». Однако именно этот повтор необходим, поскольку больная душа «находит некоторое утешение в бесконечном выражении своих сетований, в упоении самим процессом такого выражения, выливающимся в формы мольбы, плача, заклинания («рыдания сердца»)» [Пинковский, 258]. Именно поэтому большинство стихотворений первого сборника Ламартина достаточно длинны и часто производят впечатление избыточного многословия.

Любопытно, что слова элегии были положены на музыку французским композитором Луи Нидермейером (Niedermeyer; 1802–1861гг.), и этот романс был очень популярен в середине XIX века. Его исполнение Тургенев ввел в роман «Накануне» в тот момент, когда «уже возникают первые трепетные чувства любви у Елены Стаховой и Дмитрия Инсарова» [Доманский, с. 204–205].

В целом можно утверждать, что Фет не очень любил французскую поэзию и Ламартина в том числе. По его мнению, французы портят впечатление «бесконечно долгими лирическими стихотворениями, в которых и то хочется сказать, и то хочется сказать, и так до бесконечности», а также неудачными романтическими оборотами [Фет, 2011, с. 840]. Вместе с тем он сделал несколько переводов, среди которых «Озеро» Ламартина можно считать одним из лучших. Перевод получился не вполне адекватным: в нем значительно утрачена естественная интимность из-за тяготения к архаике и риторизму. «Новый лиризм», составляющий примету поэтики Ламартина, ему передать не удалось. Тем не менее, «Озеро» в переводе А. Фета вошло в ряд антологий, например: «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв.» «Французская поэзия. От Вийона до Аполлинера».

В 1822 г. «Озер» перевел М. Вронченко. В его тексте тоже много высокой архаической лексики (*десница, денница, почто*), при этом гораздо

хуже, чем у Фета передана ритмика и мелодика стиха. Он изменил способ рифмовки и разрушил мелодичность. Еще хуже, что Вронченко наделил возлюбленную лирического героя именем – Эльвира. Оно встречается в некоторых элегиях ламартиновского сборника, но ее безымянность принципиальна для «Озера» [Вронченко, с. 363–365].

В целом в ранних переводах из Ламартина Фет предстал уже большим поэтом. Он понимал, что его первые опыты еще несовершенны, поскольку ни разу не пытался их переиздать. Но по ним уже можно предвидеть формирование будущего талантливого переводчика, в особенности поэтических произведений.

Библиографический список

1. *Богомолова Е.С.* Философско-эстетическое своеобразие элегий Альфонса де Ламартина в контексте художественных исканий романтизма. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. М., 2006. 20 с.
2. *Вронченко М.П.* Озеро А. де Ламартина // Французская элегия XVIII-XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. 688 с.
3. *Доманский В.А.* Музыкальные страницы романа Тургенева «Накануне» // Доманский В.А., Кафанова О.Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2018. С. 204–214.
4. *Пинковский В.И.* Элегия «Озеро» А. де Ламартина как воплощение «нового лиризма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 255–259.
5. *Фет А.А.* Сочинения и письма: В 20 т. Т. 1. – СПб.: Академический проект, 2002. 552 с.
6. *Фет А.А.* Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.) 1886–1892 // Литературное наследство. Т. 103. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1040 с. С. 551–978.
7. *Lamartine A. de.* Première préface des Méditations // Lamartine A. de. Méditations poétiques: 2 vol. Paris: Hachette, 1922. Т. 2. P. 347–374.
8. *Thibaudet A.* Histoire de la littérature française de 1789 à nos jours. Paris: Éditions Stock, 1936. P. 103–292.

9. *Vinet A.* Etudes sur la littérature française au XIX siècle: 3 t. Lausanne – Paris: G. Bridel; Fischbacher, 1915. Т. 2. Lamartine et Victor Hugo. 462 p.

Список источников примеров

1. *Фет А.А.* Сочинения и письма: В 20 т. Т. 1. – СПб.: Академический проект, 2002. 552 с.
2. *Lamartine A. de.* Méditations poétiques. URL// [http: www. ebooksgratuis.com/](http://www.ebooksgratuis.com/) Décembre 2006

Л.В. Кушнина

О переводческом метатексте в творческом наследии А.А. Фета

Литературное и переводческое творчество великого русского поэта А.А. Фета многократно становилось предметом научного исследования. В центре нашего исследовательского интереса – не собственно перевод, а так называемая околопереводческая деятельность. Речь идет о переводческом метатексте или метапереводе. Несмотря на то, что данный вид деятельности в различных видах и формах известен исследователям, предметом специального рассмотрения он стал относительно недавно.

В конце XX начале XXI веков европейские ученые заинтересовались феноменом параперевода (*paratranslation* – англ., *paratraduction* – франц.). Наиболее плодотворно этот феномен изучал французский исследователь Ж. Женнет. В России в это же время появляются работы В.Б. Кашкина, который составил номенклатуру текстов в данной сфере и назвал ее метаперевод. К метапереводу относятся переводческие предисловия и послесловия, примечания переводчика, сноски, критика перевода, фильмы и книги о переводчиках и др. Мы также опираемся на термин метаперевод.

Интересно отметить, что по наблюдениям исследователей, XVIII век – эпоха творчества изучаемого нами поэта А.А. Фета, считается веком предисловий, т.к. перевод подчинялся общественно-культурным задачам: отсутствовало ощущение национальных границ текста, национальной

специфики, что давало переводчикам возможность применять приемы адаптации текста, вводить различные культурные замены. Сразу отметим, что эти традиции оспаривались в теоретических работах Фета, который занимался проблемой переводимости, формулировал новые принципы перевода. Но самое главное он оставил не только богатое поэтическое наследие, не только множество переводных произведений, но те самые метатексты, которые нам еще предстоит изучить в свете современных концепций. Разумеется, в настоящее время понимание роли и содержания переводческого метатекста в виде предисловия к переводу изменилось, но оно развивается, также как развиваются подходы к его трактовке.

Наш интерес к изучению метатекста возник в 2013 г. на международной франкоязычной конференции в Румынии во время выступления молодого ученого из Испании Мариан Паншон Идальго, посвященного проблеме параперевода на испанский язык романа французского писателя Робера Десно «Свобода или любовь» (Panchon M.H. «La paratraduction en espagnol de l'oeuvre «La liberté et l'amour» de Robert Desnos»). Как отмечает автор, «le concept de paratraduction fait référence à l'ensemble visuelle des productions verbales, iconiques, verbo-iconiques et matérielles des paratextes édités dans les traductions, considérant les paratextes comme tout ce qui accompagne et encadre le texte proprement dit» [Panchon Hidalgo 2014: 137] – (концепт «параперевод» отсылает к совокупности вербальных, иконических, вербально-иконических и материальных паратекстуальных продуктов переводческой деятельности, рассматривающих паратекст как все то, что сопровождает и обрамляет собственно текст – пер. наш. – Л.К.).

Концепт *параперевод* был введен в научный оборот на конференции в г. Виго (Испания) в 2004 г. До этого были исследования Ж. Женнета (1987), позже появились работы Ж.Фриаса (2010). Основное предназначение параперевода ученые видели в том, что благодаря ему переводчик может быть уверен в том, что его перевод будет принят и воспринят реципиентом.

В России исследования того же самого явления начались с работ В.Б. Кашкина, который обозначил его как метаперевод. Ученый так объясняет данный термин: приставка «мета» означает «взгляд со стороны», т.е. переводчик смотрит на себя со стороны, создавая как бы зеркальное

отражение своей деятельности в виде переводческого метатекста [Кашкин 2009].

Эти идеи вдохновили нас с Н.А. Пластининой, и мы приступили к изучению работ на английском и французском языках, что позволило сформировать собственную трактовку данного процесса. Мы начали с объяснения того, для чего нужен переводческий метатекст, что нового вносит он в переводческий дискурс, который лежит в основе метадискурсивной деятельности переводчика. Мы предположили, что это может быть совокупность коммуникативных актов: аппроксимации текста оригинала, рецепция и ассимиляция текста перевода. Главное – что переводческий метатекст есть результат рефлексии переводчика над своим переводом.

В своих работах Н.А. Пластинина обратилась к исследованию переводческих предисловий/послесловий к художественным текстам, опубликованным в журнале «Иностранная литература» в течение 25 лет. Результатом исследования послужила кандидатская диссертация по теме «Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на примере переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту)» [Пластинина 2018].

Как поясняет в своем исследовании Н.А. Пластинина, в общелингвистическом значении метатекст является разновидностью текста, выполняющего в процессе коммуникации функцию комментирования и пояснения основного текста. Метатекст, представленный предисловием и послесловием, является более свободным, чем текст перевода; он создается для читателя в процессе прогнозирования его восприятия, интерпретации и осмысления прочитанного. Можно сказать, что предисловие как метатекст является «промежуточным» текстом между исходным и переводным, и создается с целью сообщить читателю сведения, необходимые для лучшего понимания текста перевода.

В работе Н.А. Пластинина вычленила структуру, функции и кванты смысла переводческого предисловия к художественным текстам, в основе которых лежат лингвокогнитивные механизмы создания переводческого метатекста.

«В качестве квантов смысла переводческого предисловия/послесловия выступают следующие семантические параметры: аттракторы текста

оригинала, признание автора, контекстуализация, реконтекстуализация, оправдание перевода, апеллирование к читателю, рекомендации к прочтению, переводческий комментарий» [Пластинина 2018: 9].

«Функциональными параметрами переводческого предисловия/послесловия являются: функция комментирования произведения, функция авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, функция валоризации текста перевода, экспликативная функция, функция речевого воздействия, интродуктивная функция, функция актуализации переводческой деятельности» [Пластинина 2018:9].

Основываясь на полученных Н.А. Пластининой результатах исследований, мы проанализировали некоторые метатексты, созданные А.А. Фетом, с позиций реализации в них такого кванта смысла как **возвышение репутации автора** и такой функции, которая касается **освещения эпохи автора**. Более подробный анализ квантов смысла и функций переводческих метатекстов А.А. Фета является предметом другого исследования.

А.А. Фет переводил многих латинских поэтов: Овидия, Вергилия, Ювеналия, Горация и др. Он придерживался строгих принципов их перевода на русский язык, не допуская русификации. Он считал, что творения латинских поэтов требуют от переводчика серьезной филологической работы.

Известно, что как переводчик он был первооткрывателем Горация для российских читателей, а множество предыдущих переводов были подражанием Горацию. Критики спорят о качестве его переводов: одни считают, что Фет добился соразмерности переводов (что мы определяем как гармоничность) ввиду изящества форм, полагая, что такого перевода Горация нет ни в одном другом языке, другие считают, что переводы Фета недостойны глубины и мудрости античного автора.

Очевидно, проблема состоит в том, что каждый исследователь опирается не только на собственные эстетические вкусы относительно перевода поэзии, но и на собственные, достаточно субъективные критерии перевода. При этом теория перевода предлагает лишь два ключевых критерия: адекватность и эквивалентность. В нашей концепции переводческого пространства мы рассматриваем четыре критерия, где адекватность и эквивалентность занимают промежуточное положение. Мы

выдвинули новую аксиологическую доминанту: гармонию как соразмерность смыслов, а в случае переводческой ошибки мы констатируем дисгармонию. Так выстраивается система критериев оценки качества перевода.

Возвращаемся к идеям А.А. Фета, который четко сформулировал переводческое кредо, и следовал ему.

Он полагал, что перевод может быть тяжеловесным и шероховатым, но сквозь перевод читатель должен понять силу оригинала. Фет писал, что плохая фотография Венеры Милосской лучше, чем ее словесное описание. Так и перевод. Переводчик не должен в угоду гладкости текста перефразировать, т.е. искажать оригинал древних поэтов. Переводчик должен, по его мнению, добывать с болью каждую мысль подлинника своему языку и своему народу.

Он объяснял свой перевод грациозно и тонко, используя механизм метафоры. Его метатексты метафоричны. Приведем некоторые примеры.

Перевод древних классиков он сравнивал с охотой в безлюдной степи. И чтобы получить наслаждение и истинное удовольствие от переведенных текстов, переводчик должен быть очень ответственным. Сам Фет переводил Горация в течение всей своей жизни. О своих переводах он писал так: я смотрю на себя как на ковер, на котором в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала.

Он сравнивает текст перевода с цветком, который пересаживают в другую почву. Вместе с цветком поэт-переводчик вносит и его корень, а на нем следы родной почвы. Самого переводчика он сравнивает с дерзновенным водолазом, ищущем на дне морском скрытые драгоценности. Текст перевода он сравнивал с ожерельем, отдельные фрагменты которого нельзя произвольно смешивать.

Одним из принципов перевода Фет считал точность. Это касалось сюжета и образов, а также количества слов в строке и др. Он утверждал, что от Горация до Гоголя произведения латинских поэтов дошли до нас в безукоризненной чистоте, поэзия как богиня сохраняет вечную свежесть.

Можно сказать, что метапереводческая деятельность А.А. Фета является уникальным достоянием, которое нам еще предстоит изучать, несмотря на то, что нас отделяют два столетия. Можно не соглашаться с некоторыми его идеями, но как он трепетно относился к латинским

поэтам, так и нам завещал относиться к поэтам, поэзии, переводам, их интерпретации переводчиками в виде метатекстов.

Приведу в качестве примера фрагмент поэтического текста А.Ламартина в оригинале и переводе А.А. Фета:

Alphonse de Lamartine (оригинал)

Invocation

.... A mes yeux étonnés montre-toi toute entière
Dis-moi quell est ton nom, ton pays, ton destin,
Ton berceau fut-il sur la terre
Ou n'es-tu qu'un soufflé divin...

Перевод Фет

Призывание

...*Явися мне, прелестное созданье,
Скажи мне имя, родину и цель.
Земля ль твоя святая колыбель,
Иль ты небесное дыханье....*

Как видим на примере данного перевода, Фет-переводчик настолько же гениален, как и Фет-поэт. И если некоторые критики отмечали, что его переводы не достигали своей мелодикой его собственные произведения, то мы вряд ли с этим согласимся.

Как показали наши наблюдения, исследование метаперевода представляет собой широкое поле исследовательской деятельности, которое в совокупности с изучением собственно перевода позволит глубже понять когнитивную природу данных процессов, связанных с национальной картиной мира, национальным сознанием коммуникантов. По мнению Н.В. Уфимцевой, «сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым перекодированием перевести на язык культуры другого народа».

Для понимания языкового сознания важно замечание ученого о том, что «слово родного языка несет в себе потенциальную энергию живого действия, а слово чужого языка такой потенциальной энергии не несет» [Уфимцева 2017:23]. Это означает, что за словом родного языка стоят различные знания и умения, связанные с предметом родной культуры, а при переходе к другой культуре мы усваиваем лишь знания.

Следовательно, напрашивается вывод о необходимости компенсировать отсутствие соответствующих умений, что может быть реализовано, в частности, с помощью создания переводческого метатекста.

Этой же проблемой занималась Т.Г. Пшенкина. Изучая языковое сознание переводчика, автор подчеркивает, что под влиянием разных языков и разных образов мира формируется новый тип языкового сознания. В связи с этим принимаемые переводчиком решения зависят от того, «встретятся ли образы мира в сознании коммуникантов» [Пшенкина 2005]. Только в этом случае состоится успешная коммуникация.

Завершая, хотелось бы напомнить слова М.Л. Гаспарова о том, что «никакой комментарий не должен объяснять все». Соглашаясь с данным высказыванием, подчеркнем, что комментарий снимает проблемы непонимания. При решении трудных переводческих задач, наряду с мысленно создаваемым переводческим пространством возникает потребность в создании мысленного метапереводческого пространства, а вслед за ним, реального переводческого метатекста.

Библиографический список

1. *Кашкин В.Б.* Метакогнитивные исследования перевода //Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб. 2009, вып.10. С. 230-242.
2. *Кушникова Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, ПГТУ, 2009. 196с.
3. *Пластинина Н.А.* Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на примере переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту). автореф. дисс. канд.....филол. наук, Ижевск, 2018. 25с.
4. *Пшенкина Т.Г.* Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул, 2005. 239с.
5. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология. колл. монография под ред. Л.В. Кушниковой. М., Флинта, 2020. 336с.
6. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности//(Нео)психолингвистика и

- (психо)лингвокультурология. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В.Красных, Н.В.Уфимцева. М. Гнозис, 2017. С. 21- 96.
7. *Fet A.A.* Вечерние огни. Под ред. Д.Д. Благой. М., Наука, 1971. 800с.
8. *Panchon M.H.* La paratraduction en espagnol de l'oeuvre "La liberté et l'amour" de Robert Desnos //Atelier de traduction. Dossier: La traduction culturelle du texte littéraire en traduction. 2014, N 22, vol. II, P. 137-148.

А.М. Поликарпов, Д.Н. Томилова

Ненцы и их культура в западноевропейском медиадискурсе

Термин «медиадискурс» происходит от двух латинских лексем: существительного *discursus*, значение которого можно толковать как «добавить» и прилагательного *medius*, а, um, которое в переводе на русский язык означает 'существенный', 'центральный'. Можно согласиться с тем, что при помощи средств массовой информации в медиадискурсе освещаются, действительно, центральные и важные события. Неслучайно, некоторые отечественные ученые указывают на то, что «примерно четвертую часть времени бодрствования человек испытывает воздействия СМИ» [Желтухина с. 111]. Следует согласиться и с тем, что «стремление воздействовать на широкие массы можно считать одним из основополагающих признаков социальной дискурсии нашего времени» [Радченко с. 62].

Мы солидарны с мнением ученых, которые считают, что Интернет является неотъемлемой частью современных средств массовой информации [Володина; Добросклонская]. Электронные СМИ обладают, действительно, «новыми возможностями в скорости и оперативности обновления информации при более гибком подходе к фиксированной периодичности, имеют особый ареал распространения (распространяются по информационно-коммуникационным каналам, которые глобальны по широте охвата аудитории и локальны по возможностям доступа к малым социальным группам)» [Волкова с. 97].

Медиадискурс – это одна из разновидностей дискурса, некая знаковая структура, представляющая собой фрагмент лингвокультурной

реальности, отражающая субъект, объект, место, время, обстоятельства создания дискурса, содержащая интерпретацию социально значимого поведения человека, передаваемая по электронным информационным каналам связи, характеризующаяся жанровым многообразием и особой формой взаимодействия адресанта и адресата. Следует отметить, что основной целью медиадискурса является создание у получателя сообщения (читателя) определенной модели мира [Данильев, Синельникова с. 225].

Рассматривая жанровые характеристики западноевропейского медиадискурса, целесообразно выделять следующие основные его жанры: информационные, аналитические и художественно-публицистические [Пастухов с. 68]. Особого внимания, по мнению А.Г. Пастухова, заслуживают медийные аналитические жанры, которые обнаруживают следующие признаки: «1) актуальную информацию; 2) особую организацию, в основе которой лежит опорный тезис (факт); 3) неограниченный (в допустимых пределах) объем, связанный с достижением точности и понимания того, какие интенции вкладывает автор в текст сообщения; 4) исходную информацию (background), служащую поддержанию непрерывного потока новостей и соблюдению определенной конкретики; 5) стилистические приемы оформления речи в сочетании с точным, динамичным характером передачи содержания; 6) средства экспрессивности (эмоционально-окрашенная и оценочная лексика); 7) выразительные <...>заголовки» [там же: 69].

Говоря о выборе представленной информации в медиадискурсе, следует согласиться с мнением Т.Н. Маляр в том, что медиадискурс обусловлен «не только коммуникативными, но и этнокультурными факторами разного характера: особенностями быта и культуры народа на конкретном историческом этапе его развития, существующими в данном языковом сообществе системами ценностей и особенностями восприятия и осмысления определенных видов информации» [Маляр с. 54].

Следует подчеркнуть, что медиадискурс последнего времени характеризуется жанровой гибридностью (понятие, введенное О.А. Костровой [Кострова]). Вслед за О.А. Костровой, будем считать, что «функция гибридизации становится кананообразующей, кристаллизуясь в ментальных пространствах современного человека в виде особого стереотипа» [Кострова с. 127].

Масс-медийная коммуникация на современном этапе ее развития характеризуется как сфера политической, экономической, социальной и религиозной деятельности, которая осуществляется по следующей модели: адресант с определенной интенцией порождает и отправляет сообщение адресату по информационному каналу связи и реакция связи [Желтухина с.110]. Под каналом связи принято понимать материальную форму, «в которой осуществляется речевой акт» [Жеребило с. 140].

Ученые обычно выделяют пять каналов связи: 1) звуко-слуховой; 2) письменно-зрительный; 3) жестово-зрительный; 4) осязательный; 5) экстрасенсорный [там же]. При изучении информации о ненцах и их культуре в западноевропейском медиадискурсе по понятным причинам нами будет учитываться только письменно-зрительный канал связи.

Важным аспектом исследования медиадискурса является изучение эффекта воздействия адресанта на адресата. Как справедливо полагают многие отечественные лингвисты, сущность феномена медийного воздействия, характер его влияния на сознания получателей информации остается не до конца выясненной [Бутакова, Миронова с. 19]. Одним из проявлений эффекта воздействия можно считать языковое манипулирование, которое интересует нас при рассмотрении медиатекстов по ненцам и их культуре, в первую очередь.

Вслед за А.А.Любимовой, под манипулированием будем понимать «скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны с целью достижения определенного эффекта» [Любимова с. 5]. Одним из главных приемов языкового манипулирования считается перенос смыслового акцента [Данилова с.142; Россошанский с.151]. Мы солидарны с А.А. Даниловой в том, что при применении данного приема «внимание реципиента концентрируется не на основной мысли текста <...>, а рассеивается в мозаичности незначительных подробностей или некорректных аргументов» [Данилова с. 142].

Проследим использование указанного выше приема манипулирования на конкретном примере:

(1) Nach der Russischen Revolution litt die Nenets-Kultur unter der sowjetischen Kollektivierungspolitik. Die Regierung der Sowjetunion versuchte, die nomadischen Samoyeds zu zwingen, sich

dauerhaft niederzulassen. Sie wurden gezwungen, sich in Dörfern niederzulassen und ihre Kinder wurden in staatlichen Internaten ausgebildet, was zu einer Erosion ihrer kulturellen Identität führte. Eine signifikante Möglichkeit, die Nenets-Kultur zu beeinflussen, war die Veränderung der gesellschaftlichen Rolle des Mannes (Neues Wissen).

Автор статьи *Nenze Menschen*, опубликованной в немецкоязычном онлайн издании *Neues Wissen*, дает краткий экскурс в историю развития ненецкого этноса. В приведенном пассаже медиатекста речь идет о том, что после прихода к власти большевиков, ненцы, якобы, были вынуждены поселяться в деревнях, а дети учиться в государственных школах-интернатах, что привело, по мнению автора текста, к размыванию культурной идентичности, с чем никак нельзя согласиться.

В микроконтексте прослеживается явно негативное отношение автора к событиям советского времени, что подтверждает использование формы пассивного залога *wurden gezwungen*, образованной от глагола *zwingen* в значении ‘durch Drohung, Anwendung von Gewalt o. Ä. dazu veranlassen, etwas zu tun; zu etwas bringen; nötigen’ (побуждать сделать что-либо с помощью угрозы, применения силы или т.п.; заставлять сделать что-либо; принуждать) [Duden]. На наш взгляд, в приведенном пассаже интернет-текста проявляется весьма наивное представление немецкого обывателя по вопросу истории развития Крайнего Севера и ненецкой культуры в советский период. Важно в связи с этим указать на то, что только после прихода большевиков к власти, а именно в 1932 году, у ненцев появилась письменность [Ненецкий автономный округ: энциклопедия: в 2 т.с. 48], а впоследствии была развернута сеть кочевых учреждений культуры «Красный чум» (существовавшая до 1975 года), основной целью которой являлось устранение неграмотности среди кочевого населения [«Централизованная библиотечная система» г. Воркуты], в том числе и взрослого. Это свидетельствует о том, что дети кочевников обучались в государственных бесплатных школах-интернатах вовсе не по принуждению, а с целью ликвидации неграмотности. Необходимо также заметить, что в 1927 году сами ненцы написали обращение во Всероссийский центральный исполнительный комитет: «за десять лет Советская власть стала сильной и хорошо помогает самоедам. У самоедов оленей стало больше, товаров стало больше. Самоедских детей учат и

лечат в больницах. Самоеды хотят жить вместе, просим скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распорядились» [Канев с. 85]. Данное обращение не осталось без внимания органов советской власти, и в 1929 году постановлением ВЦИК был создан первый на Севере Ненецкий национальный округ [там же], что подчеркивает весьма доброжелательное отношение самих ненцев к новой власти.

Вслед за М.В. Берендеевым, будем считать подобное искажение информации в медиатекстах семиотической инверсией. Под данным термином будет пониматься «процедура искажения или полного изменения смысла (в том числе его онтологических, аксиологических и когнитивных параметров) с последующим его укоренением в определенной знаковой и культурной системе (включая язык)» [Берендеев с. 97].

При изучении информации о ненцах и их культуре в западноевропейском медиадискурсе обращает на себя внимание факт активного задействования в нем такой категории медиадискурса как интердискурсивность. Одним из маркеров интердискурсивности являются реалии, под которыми понимаются «специфические для определений культуры предметы и явления, не имеющие прямых аналогов в других культурах» [Вишневский с.147].

Для того, чтобы можно было показать роль реалий в маркировании интердискурсивности, обратимся к примеру из англоязычного медиатекста, повествующего о жизни ненцев:

(2) Nenets life

The chum is the living space and is made of reindeer skins that are laid over a skeleton of long wooden poles, many of which have a special position in the structure and are not interchangeable. Usually there will be one family per chum and the number of chums will depend on the size of the brigade or camp. During migrations chums are moved every other day among the most mobile herders and the chum sites are chosen based on pasture, relief and ground quality - having a water source nearby is also important, for brewing the number one Nenets beverage, Sri Lanka black tea. After checking the vegetation on a chum site the Brigadier thrusts his reindeer driving stick (called khorei) into the ground exactly where he wants the centre of the chum to be (BBC).

В статье «*Tribe*», опубликованной 29 октября 2014 года в британском онлайн-издании *BBC*, речь идет о быте, промысле и культуре кочевых ненцев. В данном пассаже встречаются такие реалии ненецкой культуры как «чум» и «хорей». Авторы статьи приводят описание построения чума – традиционного жилища ненцев. Следует обратить внимание на то, что в данном примере слово *chum* содержит гиперссылку на схему внутреннего убранства чума (см. Рисунок 1), что свидетельствует о явной взаимосвязи бытового и культурного дискурсов.

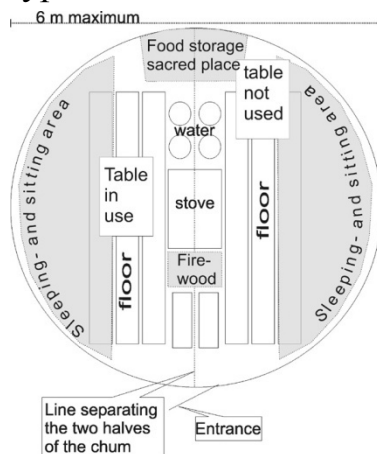

Рисунок 1 – Внутреннее убранство чума (BBC)

Хорей, упоминаемый в приведенном выше фрагменте интернет-текста, представляет собой «шест длиной до 5 метров, с костяным шариком на конце или железным наконечником» [Корпоративный информационно-библиотечный портал Ямало-Ненецкого автономного округа]. Его ненцы сжимают в левой руке, а в правой держат поводья упряжи [там же]. Хорей может также служить центральной точкой для возведения чума, о чем как раз и сообщается в интернет-статье. Такие культурно обусловленные понятия западноевропейским читателям незнакомы, поэтому представитель Би-би-си поясняет их таким образом, что при этом подчеркивается примитивность жизни и быта ненцев.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые стороны прагматического аспекта западноевропейского медиадискурса, направленного на дискредитацию советской власти и политики постсоветской России в отношении жизни и культуры ненцев на примере медиатекстов западных электронных СМИ. При изучении материала исследования были выявлены приемы языкового манипулирования, аксиологичность по шкале (хорошо/плохо), свидетельствующая не о реальном состоянии событий и

явлений, а также о языковом манипулировании, которая проявляется в наличии реалий и гиперссылок, свидетельствующих о фактах, связанных с ценностями и их культурой.

Библиографический список

1. *Берендеев М.В.* Семиотические инверсии в формировании политического образа в медиадискурсе (на примере образа России в СМИ Германии) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 94–102.
2. *Бутакова Л.О., Миронова Н. Ю.* Автор – Текст – Реципиент: Тексты СМИ в аспекте рецепции авторами // Филология и человек. 2008. № 1. С. 19–29.
3. *Вишневский А.В.* Теоретические и прикладные аспекты перевода. Учебное пособие. Иваново: Ивановский гос. ун-т. 2009. 208 с.
4. *Волкова Т.А.* Дискурсивно-коммуникативная модель перевода: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 128 с.
5. *Володина М.Н.* Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2004. Ч.2. 416 с.
6. *Данилова А.А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд.: монография. М.: Издательство «Добросвет», «Издательство „КДУ“», 2011. 228 с.
7. *Данильев А.А., Синельникова Л.Н.* Прагматика масс-медийного дискурса // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения: сборник научных трудов Международной конференции 16-18 июня 2009 года: в 2. т. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009. Т.1. С. 224-228.
8. *Добросклонская Т.Г.* Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М.: 2000. 368 с.
9. *Желтухина М.Р.* Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиакоммуникации на избирательный процесс // Массовая

- культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М.: «Азбуковник», 2003. С. 109-132.
10. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. 5-е изд., испр., и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 487 с.
 11. *Канев Ю. В.* История Ненецкого края. Пособие по краеведению. Нарьян-Мар, 2005. 144 с.
 12. Корпоративный информационно-библиотечный портал Ямало-Ненецкого автономного округа URL:https://libraries-yanao.ru/elektronnye-resursy/bazi/?ELEMENT_ID=3592.
 13. *Кострова О.А.* Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы : монография. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.
 14. *Любимова А.А.* Языковые аспекты воздействия на общественное сознание: На сопоставительном материале средств массовой информации конца XX - начала XXI вв: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23с.
 15. *Маляр Т.Н.* Представление информации в дискурсе: межъязыковые различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. 2012. № 6 (639). С. 46-55.
 16. *Ненецкий автономный округ: энциклопедия:* в 2т. М.: ОСТ ПАК НТ, 2019. Т.2: Н-Я. 496 с.
 17. *Пастухов А.Г.* К вопросу о связанности жанров в политической журналистике (на материале немецких медиатекстов) // Иностранные языки в высшей школе. Научный журнал. 2016. № 3 (38) С. 63-74.
 18. *Радченко О.А.* Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 60-66.
 19. *Россошанский А.В.* Способы языкового воздействия СМИ на политическое сознание аудитории (по материалам региональной прессы) // Вести Волгоградского государственного университета. Сер. 4 Ист. 2012. С. 149-154
 20. «Централизованная библиотечная система» г. Воркуты URL:<http://www.vorkuta-cbs.ru/vorkutinskiye-syuzhety/pro-krasnyj-chum>
 21. *DUDEN* URL:<https://www.duden.de/rechtschreibung/zwingen>

Список источников примеров

1. BBC Tribe URL: <https://www.bbc.co.uk/tribe/tribes/nenets/#further1>
2. de.knowledgr.com. neues Wissen. Nenze Menschen URL: <https://de.knowledgr.com/00126653/NetzeMenschen#BemerkenswertesNetze>

Е.В. Поликарпова, В.Н. Плахина

Географический образ Арктики в концепции колористики (на примере книги Н.М. Бызовой «Приближая Арктику»)

Понятие «колористика» можно определить как науку о цвете. С колористикой связаны такие понятия, как «характеристика цвета» и «психологическое восприятие цвета» [Власов, с. 236]. С точки зрения лингвистики термин «колористика» можно определить следующим образом: «намеренно используемое средство создания требуемого эмоционального фона, зачастую ставшее составной частью литературного образа и приобретающее черты определенного символа» [Лядова, с. 54].

В Арктике мы имеем дело не с литературной колористикой. Поставщиком цвета в Арктике являются прежде всего ландшафт и живая природа. С Арктикой мы автоматически ассоциируем образ полярного медведя на льду. Тем не менее, животный и растительный мир в северной части света может предложить гораздо больше: огромные тундровые районы цветущих растений и несколько тысяч видов животных. Особенно он изобилует жизнью в ранние летние месяцы, когда перелетные птицы возвращаются в свои арктические ареалы.носителем короля цветов – белого цвета – традиционно считается белый медведь. Хотя этот крупнейший хищник на планете и является самым известным животным в Арктике, он далеко не единственный: на суше обитает около 6000 видов животных. Более половины видов животных являются насекомыми. Млекопитающие представлены сравнительно мало, их число составляет лишь 75 видов. К ним относятся, помимо прочих животных, полярные волки, песцы, россомахи, снежные кролики, лемминги, мускусные осы, карibu и олени. В Арктике обитает 240 видов птиц – особенно в летние

месяцы, когда многочисленные перелетные виды птиц отправляются на крайний север для размножения. Этот район является настоящим раем для орнитологов. Вот составляющие палитры красок настоящей зимней, весенней, осенней и летней Арктики.

В книге Н.М. Бызовой «Приближая Арктику» [Бызова, с. 9] цветовая палитра территории Арктики описывается отсутствием резкости и контрастности цвета, поскольку основной цветовой фон данной территории задают лед и снег. Небольшое разнообразие цветовой палитры также характеризуется небольшой интенсивностью солнца и малым количеством атмосферных осадков. Лидирующим основополагающим, собственно арктическим цветом, является белый цвет. В ландшафте Арктики белый цвет выступает цветом бескрайнего льда, бесконечного снега. Однако, именно белый цвет позволяет другим цветам выделяться на его фоне, в связи с чем любая игра красок становится намного более выраженной и приятной глазу. Например, бросается в глаза, как на фоне пейзажа в оттенках белого контрастируют черно-коричневые скалы. Это буквально пронзает взгляд и создает запоминающийся эффект. Загадка белого арктического цвета объясняется неустойчивостью, переменчивостью природы Арктики. Как полюсной цвет бинарной цветовой оппозиции он противопоставлен сам себе: «белый цвет – не белый цвет». Белый цвет, преломляясь в солнечных лучах, отражаясь в водной глади, приобретает самые немыслимые фантастические оттенки вплоть до бирюзового и синего цвета. Белый цвет шкуры медведя вопреки общепринятому мнению иногда описывается специалистами не как белый. Белый цвет шерсти медведя оттеняется черным цветом кожи этого самого сильного хищника планеты. Это особое приспособление природы: солнечные лучи притягиваются черным цветом кожи и помогают согреть животное.

Белый цвет имеет, таким образом, аморфную, диффузную природу, амбивалентно растворяющим все остальные цвета в своей белой цветовой основе. Другим обращающим на себя внимание свойством белого арктического цвета является тот факт, что он как элемент многочленной оппозиции высвечивает как фон другие цвета: несмотря на полярную ночь, Арктика умеет удивлять своими красками, которые создает, например, полярное сияние.

Полярное сияние, северное сияние (*Aurora Borealis*) – люминесценция верхних слоёв атмосфер планет – является свечением, возникающим вследствие взаимодействия магнитосферы планеты с заряженными частицами солнечного ветра [Булат, с. 36]. В моменты северного сияния небо играет красными, желтыми, зелеными, синими и фиолетовыми цветами и их оттенками. Северное сияние отражается в арктических снегах, ледниках, заставляя пейзажи Арктики играть новыми яркими красками, как бы «оживляя» картинку, которая может длиться от нескольких минут до нескольких суток [Исаев, с. 29].

При наступлении полярного дня цветовой фон Арктики становится более богатым. Небо Арктики окрашивается в голубой цвет. На его фоне играют солнечные лучи, отражаясь в воде и ледниках, создавая при этом разнообразие оттенков в ландшафте. Кроме того, в цветовой палитре появляются вкрапления зеленого и красного цвета. Причиной этого является цветение зеленых и красных мхов и лишайников, желтых арктических маков, лютиков и фиолетово-синих камнеломок.

Составляющей цветовой палитры Арктики является цвет оперения птиц, боевой и мирный окрас, то есть постоянный и меняющийся окрас меха животных, обитающих в данном регионе. Пока длится полярный день, птицы находятся в Арктике, сбиваясь в крупные стаи и образуя целые птичьи базары. В местах скопления птиц цветовой палитра Арктики поражает фантазией матушки природы, наделившей пернатых черным, белым, желтым, оранжевым, красным цветом. Многообразие маркирует фазы жизни животных, их повадки, образ жизни, подсказывая природные данные. Яркие цвета отпугивают, выступают своеобразным природным предупреждением для хищников, маркируя их несъедобность. Спокойные природные цвета защищают, прячут животное, растворяя в палитре окружающего ландшафта. Таков цвет лежбищ моржей. Их обитает в Арктике большое количество. Это довольно крупные животные, достигающие трех метров в длину при массе около двух тонн [Faу, p. 45]. В местах их обитания преобладают серо-коричневые оттенки, вторящие их природным цветам, защищающие их от возможных хищников.

Немалую роль в формировании колористики Арктического пространства играет местный колорит, созданный людьми, когда-либо жившими и ныне живущими в этих суровых условиях. Люди в Арктике

создали много исторических и археологических объектов, также влияющих на цветовую палитру данного региона. К таким объектам относятся поклонные и обетные кресты, места захоронения и остатки жилищ. В местах поселения людей такие объекты добавляют красок арктическому пейзажу, как правило, довольно темные оттенки коричневого, серого, черного цвета. Колористику Арктики местные жители разбавляют своей традиционной одеждой и предметами хозяйства. Следует отметить, что существует несколько народов Арктики, самые распространенные из них – ненцы, саамы и чукчи. Так, например, традиционный ненецкий наряд пестрит красным и синим цветом, у саамов – красным, синим, зеленым и желтым, у чукч – оранжевым, синим, желтым [Хомич, с. 126]. Зимой коренные народы Арктики облачаются в меха, которые по своему цвету приближены к природному: мех принадлежал реальному животному, которого природа наделила цветом, не выделяющим его и не привлекающим хищника. Но отделка меховой одежды коренных народов Арктики, упрямо повторяющая предпочитаемые яркие национальные орнаменты, добавляет разнообразия в цветовую палитру одежды жителей конкретного региона. В конце концов, человек не мыслится ныне как животное в питательной цепочке представителей фауны региона, утвердил себя в роли хозяина природы и научился доминировать в цветовой гамме, не прячась. Но стоит измениться условиям, оказавшись, например, на охоте, как человек отказывается от яркого облачения, желая раствориться в цветовой гамме природы. Вместе с тем, оказавшись в опасной ситуации один на один с хищником, любой представитель коренных народов Арктики предпочтет не выделяющую его одежду.

Таким образом, цветам Арктики свойственны такие характеристики, как природная обусловленность, способность изменяться в фазах жизни, во времени, в окружении и в соседстве с другим цветом. При восприятии человеком цвета важны еще две важные характеристики: во-первых, это наличие источника цвета. Цвет исходит от конкретных объектов. Во-вторых – это психологическое ощущение, вызванное восприятием человеком отражения света от объекта (например, красный мак) [Вавилов, с. 61].

Каждый цвет, составляющий пейзаж Арктики, действительно, имеет свою характеристику, оказывая определенное влияние на восприятие человека. Так, например, считается, что белый цвет, преобладающий в цветовой палитре ландшафта Арктики, как правило, приносит человеку чувство спокойствия, умиротворения и уверенности [Михалец, с. 311]. Недаром Арктику описывают как «белое безмолвие», поскольку именно безмолвие, тишина ассоциируются со спокойствием.

В пейзажах Арктики на фоне преимущественно белого цвета ярко контрастирует темный цвет скал – коричневый, серый и черный. Насыщенные темные цвета вызывают у человека чувство уверенности и строгости [Михалец, с. 312].

В полярный день солнце практически не заходит, поэтому оно отражается в воде и снегах, отчетливо играя желто-оранжевыми оттенками. Как правило, желтый цвет вызывает у человека чувство радости и гармонии [Михалец, с. 310]. Летом цветовая палитра Арктики становится более разнообразной за счет появления растительности. Места наиболее активного расположения растительности играют зелеными, красными, желтыми и синими оттенками. Такие сочетания цветов отчетливо выделяются на фоне пейзажей, нередко кажущихся весьма однообразными, при этом привлекают взгляд человека, улучшая его настроение.

Анализ колористики Арктики интересен в терминах стилистики. Парадоксальным вплоть до гротескности является разнообразие цветовой палитры Арктики, наблюдаемой в полярную ночь. Вопреки представлению о глубокой темной полярной ночи, мрачно действующей на психику аборигенов края, Арктика интересна с точки зрения колористики именно полярной ночью. Основной концентрацией цвета в полярную ночь служит наличие полярного сияния, основными цветами которого является зеленый или красный цвет. Красный цвет производит сильное впечатление на человека, вызывая желание активности, придавая заряд бодрости. Зеленый же цвет, наоборот, вызывает у человека чувство усталости.

Таким образом, несмотря на кажущееся внешнее однообразие цвета, колористика Арктики представляет собой яркую палитру, является природно-обусловленной. Цветовая гамма Арктики может быть резко выделяемой на фоне темноты полярной ночи, парадоксально контрастной,

как в случае с полярным сиянием, выглядит впечатляюще, приковывает взгляд человека, а может вторить естественным природным краскам, повторяя релевантные для населяющей Арктику флоры и фауны цветовые характеристики.

Цвет живой и неживой природы Арктики может быть продолжением цвета соседнего обитателя или предмета: цвет взаимозависим от соседних объектов живой и неживой природы. Цвет не постоянен, отличается фазовой изменчивостью, переходностью, по большей части природного происхождения и только в местах соприкосновения с человеческой деятельностью маркирует ход хозяйствования человека.

Основной цвет Арктики – белый, именно этот цвет вызывает человека чувствовать спокойствие и умиротворение, заставляя ассоциировать Арктику с «белым безмолвием» [Михалец, с. 310]. Именно на белом фоне ярко контрастируют другие цвета арктических пейзажей – черный, коричневый, синий, красный, зеленый и их оттенки.

Колористику Арктики составляют пейзажи, включающие главным образом айсберги (белого, серого, голубого, и розового цвета), ледники (белый голубой, синий цвет), скалы (коричневый, серый и черный цвета), воды (белого, синего, голубого цвета), а также растительность (зеленый, красный, желтый, синий цвет) и животный мир (серый, коричневый, белый, черный цвета). Кроме того, в формировании колористики арктического пространства играют роль местные народы, их наряды и архитектура. При постройках жилищ они используют дерево и камень, а в своих традиционных нарядах носят меха, украшают одежду узорами, преимущественно яркого национально закрепленного за конкретным племенем, народом цвета.

Цветовая палитра арктического пространства для глаза туриста, а также для взора читателя иллюстрированного журнала, посвященного Арктике, имеет свойство как пробуждать у человека чувство умиротворения и спокойствия, так и возбуждать активность, поднимая настроение, призывая наслаждаться видами арктических пейзажей.

Библиографический список

1. Бызова Н.М. Приближая Арктику: книга для чтения/под общ. ред. А. Г. Кирилова; Национальный парк «Русская Арктика». М.: PressPass, 2021. 144 с.
2. Булат В.Л. Оптические явления в природе. // М., Просвещение, 1974, 143 с.
3. Власов В.Г. Колористика, колорит // Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. СПб.: Азбука-Классика. Т. IV, 2006. С. 550
4. Исаев С.И. Полярные сияния. // Мурманск, Книж. изд-во, 1980, 141 с.
5. Лядова Е.А. Колористика драматургии Е. И. Замятина // Вестник ТГУ. 2008. №3.
6. Михалец И.В. Влияние цвета на психику человека / И.В. Михалец, Д.А. Лагутова. Текст: электронный // NovaInfo, 2017. № 67. С. 307-313.
7. Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1966.
8. Fay, F.H. Ecology and Biology of the Pacific Walrus (*Odobenus rosmarus divergens*). Washington, DC.: U. S. Dept. of the Interior, Fish and Wildlife Service, 1982. 279 p.

О.А. Шенурева

Языковые средства репрезентации света в современном немецкоязычном дискурсе (на примере романа Томаса Хетхе «Herzfaden. Roman der Augsburger Puppenkiste»)

Изучению средств и способов чувственного восприятия посвящены работы таких ученых, как Ю.Д. Апресян (1995), Е.В. Падучева (2001), А.В. Бондарко (2004), Е.С. Кубрякова (2004), Г.Г. Харченко (2012) и др.

Исследование темы репрезентации света в текстах художественных произведений представлено в работах В.С. Андреева, Алимпиева Р.В. и С.В. Таран, А. Ернаровой и некоторых других ученых.

Целью данной статьи является стремление проследить, посредством каких языковых средств передается восприятие света в романе

современного немецкого писателя Томаса Хетхе «Herzfa den. Roman der Augsbu rger Puppenkiste».

Объектом исследования выступают языковые средства репрезентации света в романе.

Предметом исследования является семантика восприятия света, актуализированная в произведении.

Целью исследования является лингвистический анализ языковых средств восприятия света, представленных в произведении.

В результате проведенного лингвистического анализа текста выявлены словосочетания с лексемой «свет», лексика, представляющая природные и искусственные источники света.

В произведении свет представлен чаще всего лексемой Licht (свет). В зависимости от того, какие прилагательные используются в сочетании с этим существительным, передается разное восприятие света героями произведения, а читатель «видит», таким образом, разный свет.

В одной из ситуаций, описанных в романе, можно наблюдать, как девочке страшно находиться одной в темном помещении, она видит *слабый, тонкий свет* (dü nnes Licht), который медленно *просачивается* (absickern), что передает замедленное восприятие ребенком происходящего. Таким образом, показывается, что и течение времени замедляется. Самое большое световое пятно на полу – *лунный свет* (Mondlicht) – воспринимается героиней как *круглый белый ковер* (ein runder weißer Teppich), как будто расстеленный здесь кем-то для нее. Такое описание света свидетельствует о том, что страх девочки отступает.

Und nach einer Weile machte es tatsä chlich Schatten aus, dann dü nnes Licht, das von oben herab abzusickern schien. Unmerklich und langsam schälte sich ein Raum aus der Dunkelheit ein unabsehbar riesiger Raum. Hoch oben erkannte das Mädchen die offenen Balken eines Dachstuhls, durch das Mondlicht hereinfiel, und in der Mitte des riesigen Dachbodens, an dessen Rand es stand, eine Stelle, auf die das Mondlicht herabschien, als hätte man einen runden weißen Teppich ausgelegt (Hettche, S. 9).

Далее в романе описывается, как *рассеянный свет* (das spärliche Licht), проникающий сквозь закрытые ставни и собирающийся на золотисто-зеленом покрывале и зеркале изящного туалетного столика, передает уютную атмосферу родного дома ранним утром.

Die gestickte weiße Decke auf dem runden Tisch im Esszimmer, Sofa und Klavier neben dem dunklen Bücherschrank im Wohnzimmer, das Schlafzimmer der Eltern, in dem die Läden noch geschlossen sind und sich das spärliche Licht auf der goldgrünen Tagesdecke und im Spiegel der zierlichen Frisierkommode sammelt (Hettche, S.18).

Сестры, героини романа, даже при слабом свете узнают долгожданного любимого отца, которого они давно не видели. Для усиления эффекта в словосочетании *im wenigen Licht* используется наречие *wenig* (мало).

Die Schwestern schliefen schon, als er plötzlich zwischen ihren Betten stand. Hatü erschreck in dem wenigen Licht, das aus dem Flur auf ihn fiel, über den fremden Mann, doch dann hingen sie beide an seinem Hals und hielten ihn ganz fest (Hettche, S.35).

В романе сообщается, что во время войны и частых бомбардировок принимаются меры предосторожности, поэтому лампы на рождественском базаре используются маленькие и экранированные (kleine abgeschirmte Lampen) и излучают они слабый, скудный свет. В немецком тексте используется прилагательное *schütter*.

Die Bude des Christkindesmarktes drängen sich am Königplatz. Wegen der Verdunklungsvorschriften sind sie in diesem Jahr unbeleuchtet, nur kleine abgeschirmte Lampen werden sich nach und nach entzündet, ihr Licht fällt schütter auf Lebkuchen und Bratäpfel (Hettche, S.54).

При описании кукольного спектакля свет, получаемый с помощью прожектора, передается прилагательным *schummrig* (буквально: *сумеречный, тусклый*).

Der Vater nickt zu der Mutter hinunter, die den Vorhang unter den letzten verzauberten Tönen aufzieht und die Scheinwerfer einschaltet. Die Stube im Haus des Holzhackers und seiner Familie erscheint im schummrigen Licht (Hettche, S.75).

Для описания страха и ужаса жителей города Аугсбурга перед бомбардировками свет взрывов передается прилагательными *unheimlich* (жуткий) и *kalt* (холодный). Холодный тон света подчеркивается использованием глагола *glitzern* (сверкать).

Sie kommen immer in der Nacht. Erst die Vorausflieger, die die Ziele markieren, Tannenbäume nennen die Berliner, was dann hell am Himmel steht.

Dort, weiß man, fallen gleich die Bomben. Es ist ein unheimliches, kaltes Licht, das über den Häusern glitzert (Hettche, S.84).

В ситуации, когда главная героиня оказывается в темноте, ей страшно, она хочет как можно скорее включить свет, а самый доступный источник света в этой ситуации - телефон. При «цветном свете» (buntes Licht) страх отступает.

Das Mädchen ... wollte nur, dass es jetzt sofort hell war, drückte den Homebutton und der Bildschirm leuchtete auf. Es spürte, wie seine Angst nachließ im bunten Licht (Hettche, S.99).

Wie gern hätte das Mädchen sich jetzt im Licht des iPhones versichert...(Hettche, S.104).

В другом пассаже романа описывается, что девочке становится одиноко и беспокойно и она не может заснуть. А «тонкая полоска света» (ein dünnes Lichtstreifen), проникающая из коридора, успокаивает героиню, избавляет ее от одиночества.

Vor dem Fenster sieht die Nacht so rabenschwarz, wie sie es erst ist, seit wegen der Bombenangriffe alles verdunkelt sein muss, alle Straßenlaternen erloschen sind und die Scheinwerfer der Autos abgeklebt zu schmalen Schlitzen. Aus dem Flur dringt ein ein dünnes Lichtstreifen unter der Tür ins Zimmer, der Natü beruhigt, den sie kann nicht schlafen (Hettche, S.28).

Следует заметить, что в приведенном выше пассаже анализируемого художественного текста представлены две лексические единицы, обозначающие искусственные источники света: Straßenlaternen (*уличные фонари*) и Scheinwerfer der Autos (*фары*). На протяжении действия всего романа встречаются и другие номинации источников света: Glühbirne (*лампочка*), Kugellampe (*круглый светильник, лампа*), Lampe (*лампа*), Stehlampe (*торшер*) и др. Приведем лишь два примера использования лексем, обозначающих источник света:

Gedämpft von einem Seidentuch, verbreitet die Stehlampe einen dünnen roten Schein (Hettche, S.81).

Irgendwann leuchtet die Glühbirne flackernd wieder auf. Im Raum tanzt der Staub wie Nebel (Hettche, S.89).

В первом случае указывается на то, что «торшер излучает слабый красноватый свет». Во времена Второй мировой войны красный цвет традиционно использовался для ночного освещения. Во втором примере

лампочка «мигая снова загорается». Действие происходит в бомбоубежище, где были перебои с освещением.

Естественные источники света в тексте произведения представлены прежде всего лексическими единицами Sonne (*солнце*) и Mond (*луна*).

Так, например, описывается ситуация, когда на следующее утро после сильной бомбардировки в городе темно от пепла, гари, пыли. Автор показывает, что сквозь густую пелену дыма и копоти героиня все же видит *солнце* (die Sonne) как «красный диск» (eine rote Scheibe).

Ein neuer Tag, doch hell geworden ist es nicht. Die Sonne ist nichts als eine rote Scheibe im dichten Rauch (Hettche, S.90).

На наш взгляд, увиденное героиней солнце в виде красного диска символизирует в данном случае надежду на мирное время, мирное небо и солнце над головой.

Проведенный анализ текста позволяет сделать вывод, что средства репрезентации света в исследуемом немецкоязычном романе служат выражению намерений автора и передают эмоциональное состояние героев произведения. В целом ряде случаев они символизируют желание действующих лиц увидеть свет в мирное время.

Библиографический список

1. Алимпиева Р.В. Концептуализация света и цвета в как способ выражения перцептивной доминанты в поэтическом тексте (на материале поэзии А. Блока и М. Волошина) / Алимпиева Р.В., Таран С.В. // Вестник БФУ им. И. Канта. 012. №8. С. 93-98.
2. Андреев В.С. «Светлый» Лонгфелло: концепт *Свет* в меняющемся стиле // Известия Смоленского государственного университета. 2019. №3(47). С. 201-209.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка. Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С.37 – 67.
4. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.276 – 282.
5. Ернарлова А. Символика света и тьмы в рассказах Л. Петрушевской // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: материалы VII

- международной научной студенческой конференции / Отв. ред. Е.А. Журавлёва. Нур-Султан: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2020. С. 212 – 214.
6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
 7. *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С.23 – 44.
 8. *Харченко Г.Г.* Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012. 216 с.
 9. Deutsch-Russisches Wörterbuch / Walter Duda, Maria Frenzel, Marina Glodde und andere ; in der Endfassung erarbeitet von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Ronald Löttsch ; Begründet von Hans Holm Bielfeldt ; Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. 2. Aufl. Berlin : Akademie-Verlag, 1987. in 3 Bänden.
 10. *Hettche T.* Herzfaden : Roman der Augsburger Puppenkiste / Thomas Hettche ; mit siebenundzwanzig Zeichnungen von Matthias Beckmann. 3. Aufl. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2020. 279 S.
 11. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch / H. Paul ; Bearb. v. Helmut Henne, Georg Objartel ; Mitarb. v. Heidrun Kamper-Jensen. 9., vollst. neu bearb. Aufl. Tübingen : Max Niemeyer, 1992. XXXIX, 1130 S.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Переводы английской поэзии

Джон Р. Р. Толкин
«Хоббит, или Туда и Обратно»

Перевод Петровой Т.В.

Дорожная песня Бильбо

Спешит дорога в дальний путь –
на горный склон и в чащи,
в пещер бессолнечную жуть,
через поток бурлящий;

скользит в сугробах зимних дней,
в цветах и травах лета,
в ночи – по осыпям камней,
облитых лунным светом...

Зовет дорога вдаль и ввысь –
за облака и в небо...
Но сердце требует: "Вернись!
Ты год как дома не был."

И взгляд, выдавший смерть и ад,
с Огнем и Тьмой знакомый,
до боли рад пути назад –
к Реке, Холму и Дому.

Джон Р. Р. Толкин
«Властелин колец»

Перевод Петровой Т.В.

Заклятие Саурана

Бессмертным эльфским королям достались три кольца,
семь – долговечным праотцам, владыкам гномов горных,
а девять – людям, ибо тут недолго ждать конца,
одно же – Властелину Тьмы в его чертогах черных
в далеком Мордоре, чья тень растет, чтоб мир объять.
Одно – чтоб всеми управлять, чтоб всех их разыскать,
одно – чтобы собрать их всех и в цепь во тьме сковать
в далеком Мордоре, чья тень растет, чтоб мир объять.

Хоббитская банная

Усталость, грязь в вечерний час
мы в жаркой бане смоем враз.
Споем же, чтоб у нас всегда
была горячая вода!

Дождя певучего звончей
с холма сбегающий ручей,
но лучше ливня и ручья
воды горячая струя!

В себя уместней, может быть,
пивка холодного залить,
а на себя – нам в самый раз
воды горячей полный таз!

Фонтан сверкает и поет,
но нам милее, чем полет

его прохладных светлых струй,
воды горячей поцелуй!

Песня Галадриэль

О листьях пела я, и лес рос ярко-золотой.
О ветре пела я, и он шумел густой листвою.
А там, где Солнце и Луна свой завершают ход,
лежит чудесная страна у края пенных вод.
Там Эльдамар и Илмарин не знают перемен,
и золотой Лаурелин цветет у древних стен.
Он, озаряя Край Земли, сияет ярче звезд.
Но между них моря легли, соленые от слез.
О Лориэн! Безлистных дней, Зимы приходит срок;
Листву, слетевшую с ветвей, уносит прочь поток.
О Лориэн! Я с давних пор влачу здесь день за днем,
и золотистый эланор поблек в венце моем.
И если вдруг о корабле спую однажды я –
Найдет ли он пути к земле, где родина моя?

Эдгар Аллан По «Eldorado»

Перевод Окончук К.О.

В яркой броне
Храбрый рыцарь на коне,
И в палящий зной, и в ночную прохладу
На край света скакал,
И с песней искал,
Место, что зовется Эльдорадо.

Но стал уже старым
Рыцарь отважный,

Инет больше в сердце отрады.
Отдал все года,
Но нет и следа
Ни с чем не сравнимого края Эльдорадо

И нет больше сил
В агонии воин был
Увидев тень странника рядом:
«Тень, открой мне глаза,
Смогу ли найти я
Чудесный край Эльдорадо?»

За Лунной горой,
Где ночь и покой
Найдешь Долину Ада,
Держи дальше свой путь
И храбрым будь,
Если хочешь найти Эльдорадо!»

Уильям Эрнст Хенли
Echoes. 4. Invictus

Перевод Узкин А.А.

Застрав во власти безмолвной ночи,
Во мраке густом и холодном,
Спасибо Всевышнему ты прокричи,
Ведь дух твой побит, но не сломлен.

Оковы проблем давят сильно порой,
Нет сил с колен приподняться,
Ты свежую кровь ладонью прикрой,
И с честью продолжи сражаться.

Все в мире циклично: и слезы и гнев,
И нет ничего страшней тени.
Пусть нежданные беды, угрозы всех лет
Найдут тебя без капли сомнений.

Запомни, ты властелин своей судьбы,
Неважно, сколько темных туч на небе,
Ты капитан своей души,
Стань для остальных примером!

Уильям Вордсворт
Daffodils

Перевод Попова Д.И.

Авторский перевод:
Бродил я серым облаком,
По высоким долинам, холмам.
Увидал я покрытый золотом
Желтых нарциссов храм.
Их было множество вокруг,
От ветра трепетал их звук.

Как звезды в тишине ночной,
Бесчисленно сверкают головой
Цветы опушки золотой
Вдоль линии береговой:
Лишь взгляд мой нежно их ласкал,
Пока цветник задорно танцевал.

Поодаль волны бушевали,
Был пенный берег словно хор.
Но волшебство цветов они не затмевали,
Поэт внимал их разговор:

Смотрел, смотрел и размышлял,
Его раздор внутри терзал.

Когда один я прозябаю
В пустом гнетущем настроении,
Сиянье золотое представляю,
Как будто в этом есть спасенье.
И сердце радостью трепещет,
В цветочном танце ярко блещет.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК СТАТЕЙ

***Актуганова С.А.* Отражение поэтического наследия И.А.Бунина в его переводе**

В статье рассматривается наиболее ценная и значительная часть наследия И.А.Бунина в области перевода – «Песнь о Гайавате». Данное произведение в исполнении талантливого писателя признается классикой перевода. Анализ отрывка поэмы позволяет не только раскрыть особенности перевода поэтического текста, его основные принципы и критерии, но и показать равноценность перевода оригиналу.

поэтический перевод, бунинский перевод, поэзия, язык оригинала, язык перевода, эквивалентность

***Андреева О.А.* Образ матери в автобиографической прозе И.А. Бунина и М.М. Пришвина**

Работа посвящена изучению образа матери в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в романе «Кашеева цепь» М. Пришвина. В центре внимания находятся возвышенно-идеальный, реально-бытовой и обобщенно-национальный аспекты данного образа. Выявляются способы репрезентации образа матери, раскрытия авторской позиции.

автобиография, образ, герой, М. Пришвин, И. Бунин

***Багрецова Н.В.* О профессиональной компетенции технических переводчиков**

В фокусе статьи находится набор компетенций технического переводчика. Профессиональная составляющая определяется как билингвальная терминологическая компетенция (общетехническая и специальная). В ней предлагается выделять четыре компонента: когнитивный, функциональный, личностный и этический.

технический перевод, компетентностный подход, профессиональная компетенция, технический переводчик

Бондарева Л.М. М.В. Ломоносов – читатель и историограф в контексте немецкой культуры

Рассматриваются отдельные этапы жизни великого русского ученого, связанные с важными сферами его научной и творческой деятельности. Специальное внимание уделяется влиянию немецкой литературы на формирование интересов М.В. Ломоносова. Освещается судьба историографических трудов ученого в немецкой научной среде.

М.В. Ломоносов, немецкая поэзия, русская историография

Боровикова И.В. Англоязычные термины в норвежском экономическом дискурсе (на материале интернет-текстов по антикризисному менеджменту)

В статье рассматриваются примеры использования англоязычных терминов в норвежском экономическом дискурсе. Отмечается фонетическая и морфологическая адаптация заимствованных элементов при сохранении характерной для языка-источника семантики.

англоязычные термины, экономический дискурс, норвежский язык, интернет-тексты

Будаева Ц.Л. Передача эстетической функции паремий в переводе (на материале перевода бурятских пословиц на английский язык)

В статье рассматривается проблема передачи в переводе эстетической функции паремий на примере перевода бурятской пословицы на английский язык. Паремии, будучи малым жанром устного народного творчества, характеризуются такими формальными чертами, как лаконичность, емкость, ритмико-фонетическое оформление. В связи с этим передача в переводе эстетической составляющей паремических оборотов представляется достаточно актуальной проблемой в переводоведении.

перевод, паремия, эстетическая функция, бурятский язык, английский язык

Власова А.М. Сочувствие как форма социально-коммуникативного взаимодействия и её отражение в англоязычном художественном дискурсе

Данная статья посвящена исследованию возможностей вербального выражения интенции сочувствия в американском коммуникативном поведении. Предпринимается попытка представить классификацию коммуникативных ситуаций, связанных с негативными событиями, в результате которых выражается сочувствие.

коммуникативное поведение, американская коммуникативная культура, коммуникативная ситуация, сочувствие, речевой акт

Гнатюк А.С. Когнитивные основания классификации англоязычных терминов по аллергологии

В статье представляются современные изменения в терминологии аллергологии в соответствии с развитием этой области медицины и расширением концептов. В качестве примеров представлены изменения, закреплённые в обновлённой номенклатуре Всемирной организации здравоохранения, в частности разграничение терминов «гиперчувствительность», «аллергия», «анафилаксия».

аллергология, концепт, термины, гиперчувствительность, аллергия

Гостева Ж.Е. Фрейм man на материале английских паремий Frame Man: A Case Study of English Proverbs

Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию концепта мужчина на основе анализа английских пословиц, в которых концепт вербализуется как отражение национальной культуры и сознания. Методом, используемым для изучения взаимосвязи вербальных и ментальных единиц, выступает фрейм-анализ. Концепт представлен в виде фрейма, т.е. рекурсивной структуры взаимосвязанных слотов вместе с ограничениями на возможные или вероятные заполнители этих слотов. Анализируемый фрейм состоит из трех субфреймов, слоты которых заполнены информацией как

универсальной для представителей любой культуры или этноса, так и уникальной.

лингвокультурологические исследования, когнитивные исследования, концепт, фрейм, слот, терминал, паремии

Губочкина Л.Ю. Лингвистический антропоморфизм в контексте переводоведческой мысли

В статье рассматриваются образы лингвистического антропоморфизма в тексте художественного перевода. Проанализированы единицы перевода с точки зрения теории переводческих трансформаций. Прокомментированы решения переводчика в отношении исследуемых единиц перевода.

лингвоантропоморфизм, художественный перевод, переводческая трансформация

Давыдова А.В. Мотив движения времени в лирике И.А. Бунина для детей (на материале анализа сборника «Под открытым небом»)

Статья посвящена анализу поэтического сборника И. А. Бунина "Под открытым небом". Автор рассматривает развитие сквозного мотива движения времени. В контексте анализа стихотворений характеризуются образы календарного времени, времени суток, прошлого и настоящего, мгновения и вечности. Рассматриваются художественные приёмы, которые использует поэт в стихах для детей. творчество И.А. Бунина, лирика, детское чтение, мотив движения времени

Давыдова А.В. Образ мира в лирике М. Тарковского

Статья посвящена анализу образа мира в лирике современного русского поэта М. Тарковского. Автор анализирует тексты из сборника "Замороженное время" (2018). В статье рассматриваются образы города, Сибири и Поволжья, которые формируют образ мира у Тарковского, а также особенности образа его лирического героя.

художественная картина мира, хронотоп, образ лирического героя

Дашинимаева П.П. Психолингвистические основания метафоры «Перевод – это ходьба на канате»

В статье представлены психолингвистические основания к метафоре «Перевод – это ходьба на канате». Базовое основание «изолированность формы и содержания» описывается как эпистема, обуславливающая современные технологии исследования языка-речи-мышления-коммуникации. Другие основания – филогенез и онтогенез, внутрисемиотический перевод, эволюция науки в целом и когнитологии в частности, практика перевода.

перевод, психолингвистический, основание, форма, семантика, эпистема, внутрисемиотический

Джанумов С.А. Жанры русского фольклора в творчестве И.А. Бунина

В статье рассматриваются идейно-художественные функции фольклора в творчестве И.А. Бунина, а также фольклорные источники, которые писатель использовал в некоторых своих произведениях. Предмет исследования настоящей статьи – заговоры и заклинания, календарная и семейно-обрядовая поэзия в стихотворениях и прозе И.А. Бунина.

фольклор, примета, гадание, заклинание, заговор, календарная и семейно-обрядовая поэзия, творчество

Дорофеева М.В. Средства передачи деонтической модальности в переводах на английский язык рассказа И. А. Бунина «Муза»

В статье предлагается рассматривать деонтическую модальность как разновидность языковой модальности на основе признака ее соотнесенности с источником сообщения и его целеполагания в связи с существующими установками. Проводится сопоставительный анализ переводов на английский язык высказываний с деонтической модальностью, отобранных методом сплошной выборки из рассказа И. А. Бунина «Муза».

деонтическая модальность, перевод художественной литературы, переводческая трансформация, стратегия перевода

Дракунова Ю.А. Термины и профессиональные жаргонизмы в целлюлозно-бумажной промышленности

В статье описываются отличия терминов от профессиональных жаргонизмов, используемых при производстве целлюлозно-бумажной продукции, а также обозначены основные трудности при их переводе. термин, профессиональный жаргонизм, целлюлозно-бумажная промышленность

Дружинина М.В. Михаил Васильевич Ломоносов – гений дизайнерской мысли

В статье представлен краткий обзор научной литературы о жизнеописании и научно-исследовательской деятельности великого ученого М.В. Ломоносова. Акцент сделан на дизайнерских мыслях исследователя, которые не теряют сегодня своей роли и значимости в развитии современной науки и образования. В работе дано авторское определение понятию «педагогический дизайн» и заданы векторы его реализации в образовании.

М.В. Ломоносов, научно-исследовательской деятельности великого ученого, дизайнерские мысли исследователя, развитие современной науки и образования, педагогический дизайн

Ишенина Д.Н. Прижизненные издания переводов И.А. Бунина в фонде Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова

В фонде Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова хранятся прижизненные издания бунинских переводов поэм Д.Г. Байрона (1904, 1922, 1929) и Г.У. Лонгфелло (1899, 1918, 1935, 1941). Благодаря имеющимся в них следам бытования библиотечные экземпляры являются ценным источником для изучения не только истории библиотеки, но и книжной культуры Архангельска в целом.

прижизненное издание, редкая книга, Архангельская областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова, книжная культура

Кафанова О.Б. Ранние переводы А. Фета: элегии А. де Ламартина

В 1840 г. юный А. Фет перевел несколько элегий из сборника «Méditations poétiques» А. де Ламартина, открытием которого был «новый лиризм», воплощающий естественность чувств, переданных новым языком. Это было претворением в поэзии достижений сентиментализма и романтизма. Фету не вполне удалось передать главное открытие Ламартина; он остался в традициях «риторического лиризма» и несколько архаизированного языка.

перевод, элегия, «новый лиризм», «риторический лиризм»

Ковырина О.А. Образ дома в автобиографической прозе И.А. Бунина и М.М. Пришвина

В художественном пространстве автобиографической прозы И. Бунина и М. Пришвина образ дома играет важную роль, являясь смысло- и формообразующим элементом. Это пространство духовности, уюта и защищенности, обладающее особым духовно-нравственным измерением. На примере произведений Бунина «Жизнь Арсеньева» и Пришвина «Кашеева цепь» исследуется общее и различное в поэтике и семантике образа «дома».

автобиография, образ, дом, герой, М. Пришвин, И. Бунин

Кушникова Л.В. О переводческом метатексте в творческом наследии А.А. Фета

В статье обсуждается проблема метатекста и метаперевода на примере поэтического и переводческого творчества А.А.Фета. Цель статьи состоит в выявлении значимости создания переводческого метатекста для понимания перевода иноязычными и инокультурными реципиентами. Результатом исследования является описание некоторых когнитивных механизмов метадискурсивной деятельности переводчика, которые нашли отражение в творческом наследии великого русского поэта.

метатекст, метаперевод, когнитивные механизмы, метадискурсивная деятельность переводчика

Латухина Е.А., Петрова Т.В., Шурыкина Л.С. Опыт использования разработанного Приложения для разметки корпусов текстов «Карманный корпус v1.0»

Существующие лингвистические корпуса часто ориентированы на решение больших задач, что не всегда соответствует целям исследователей. В статье описывается Приложение «Карманный корпус v1.0» и его использование для маркировки и анализа малоразмерных корпусов. Приложение визуализирует основные параметры текста с помощью извлечения ключевых слов и анализа конкретных частотных лексем. Два небольших корпуса было размещено в Приложении на основе двух циклов стихотворений М. Волошина, проанализировано лексико-семантическое поле «свет-тьма». Результаты демонстрируют возможность использования Приложения в качестве лингвистического аналитического инструмента.

корпусная лингвистика, корпусный анализ, малоразмерный корпус, семантическая разметка

Меренкова Е.И. К вопросу о переводческой деятельности писателя и поэта И.А. Бунина

В статье рассматривается творчество Ивана Алексеевича Бунина и особенности его переводческой деятельности. Приведены примеры произведений, описаны характерные черты переводов, прослежен путь становления Ивана Алексеевича не только как писателя, но и как переводчика, оценён вклад в развитие русского перевода и словесности.

переводчик, Бунин, Гамлет, произведение, язык, творчество, «Жизнь Арсеньева»

Никитина М.В. Жанр фрагмента в творчестве И.А. Бунина

В данной статье рассматривается специфика жанра фрагмента, занимающего важное место в творчестве И.А.Бунина. Многие миниатюры Бунина отличает установка на документальность и ярко выраженная фрагментарная композиция, напоминающая дневниковые

записи. На примере миниатюр 1930-х годов показано становление и композиционное своеобразие жанра фрагмента, выделены основные жанрообразующие принципы.

жанр, миниатюра, фрагмент, модель мира, композиция

Николина Н.Н. Проблема перевода детской речи (на примере романа Эммы Донохью «Room»)

Используя в качестве рассказчика ребенка, некоторые авторы моделируют детскую речь. В романе Э. Донохью «Room» для этого используются фразеологизмы, грамматические ошибки, которые при переводе не передаются и олицетворения, которые передаются не полностью. Грамматические потери компенсируются лексикой с диминутивами. Большое количество опущений при переводе упрощает речь и образ главного героя.

англоязычный роман, перевод, детская речь, фразеологизм

Петров А.В. Образ Русского Севера в творчестве поэта Алексея Гушана

В статье рассматривается, с помощью каких лингвистических средств раскрывается образ Русского Севера в творчестве современного российского поэта Алексея Николаевича Гушана. К ним относятся топонимы, диалектизмы, перифразы, лексемы, называющие природные северные реалии и северные артефакты. Данные средства органично включаются в образно-выразительный строй стихотворений поэта.

топоним, диалектизм, артефакт, перифраза, метафора

Поликарпов А.М., Томилова Д.Н. Ненцы и их культура в западноевропейском медиадискурсе

В статье изучаются основные характеристики медиадискурса на материале анализа западноевропейских медиатекстов, связанных с ненцами и их культурой. Уточняется термин «медиадискурс» на основе рассмотрения его жанровых особенностей и модели коммуникации адресанта и адресата.

западноевропейский медиадискурс, интердискурсивность, языковое манипулирование, ненцы, культура ненцев

Поликарпова Е.В., Плахина В.Н. Географический образ Арктики в концепции колористики (на примере книги Н.М. Бызовой «Приближая Арктику»)

Кажущееся внешнее однообразие цвета Арктики на самом деле оказывается яркой колористикой, во многом природно-обусловленной, контрастной, имеет преходящую изменчивую природу, вторит естественным природным краскам, повторяя цветовые характеристики, релевантные для населяющей Арктику фауны и произрастающей там флоры. В формировании колористики арктического пространства играют роль местные народы, их наряды и архитектура.

колористика, природная обусловленность, контрастность, флора и фауна, постоянство и переходность цвета, фазовая изменчивость, природное происхождение, хозяйственная деятельность человека

Попова Е.А. Малая родина в жизни и творчестве И.А. Бунина

Статья посвящена малой родине И.А. Бунина, находящейся на территории современной Липецкой области, тому, как она отражена в его произведениях. Эти произведения Бунина относятся к числу прецедентных текстов региональной направленности и входят в Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. Большое внимание уделено в статье концептосфере бунинских текстов, в которых описывается Елец.

Липецкий край, прецедентный текст региональной направленности, Провинциальный (Липецкий) свертхтекст, И.А.Бунин, концептосфера Провинциального текста, историко-культурная доминанта

Таирова И.А. Пророки и пророчества в художественном мире И.А. Бунина

В статье рассматривается образный ряд библейских, коранических

и литературных пророков в поэтических и прозаических текстах И.А. Бунина. Концепт «пророк» и мифологема пророчества представлены как квинтэссенция поэтического мироощущения.

Бунин, пророчество, Магомет, Лот, Иеремия, Осия

***Тарасова Н.И.* Сенсуализм в текстах И.А. Бунина как автора и переводчика (перевод французской поэзии)**

В статье исследуются рассказы цикла «Темные аллеи» и стихотворение Леконта де Лиля «Золотой диск» в переводе Бунина. Лингвостилистический анализ демонстрирует, что сенсуализм является характерной чертой стиля И.А. Бунина как автора и как переводчика.

сенсуализм, синестезия, ностальгизация, перевод

***Тяпкина Н.А.* События Гражданской войны и иностранной интервенции глазами писателей-современников А.Зуева и М.Чернокова**

Данная статья является частным случаем изучения Северного текста русской литературы. В статье рассмотрены особенности авторского взгляда Александра Зуева и Михаила Чернокова на исторические события начала двадцатого века на Русском Севере. Художественное своеобразие и связь произведений с историко-биографическими обстоятельствами проанализированы на материале повести А.Зуева «Тайбола» и повести М.Чернокова «Житие Васьки Змиева».

северный текст русской литературы, Гражданская война, иностранная интервенция

***Филимонцев Д.А.* Исследование типологии англоязычных терминологических единиц в подязыке информационной безопасности**

В статье на примере сферы информационной безопасности исследуется проблема типологии англоязычных терминологических единиц. Показывается переход от классификации терминов на основе

морфологического строения (простые, сложные, многокомпонентные термины) к классификации, в основе которой лежит принадлежность терминов к уровням логико-структурной схемы темы (глобальные, ведущие, локальные ключевые слова).

термин, подъязык, информационная безопасность, морфологическое строение, ключевое слово

***Филиппов К.А., Григорьева Л.Н.* Немецкий словарь М. В. Ломоносова – проблема толкования слов с разной частеречной принадлежностью**

В данной статье на основе словаря немецкого языка М.В. Ломоносова предпринимается анализ слов, частеречная принадлежность которых (особенно в диахроническом ракурсе) продолжает и по сей день оставаться предметом лингвистических дискуссий. В ходе исследования была разработана методика рассмотрения и толкования выявленных в немецкоязычных текстах Ломоносова слов, причисляемых к разным частям речи.

М.В. Ломоносов, немецкий язык М.В. Ломоносова, часть речи, колебание частеречной принадлежности слов

***Хамидуллина В.П.* Современный переводной процесс в детской литературе Татарстана (на примере литературной сказки)**

В статье отражены основные тенденции перевода литературной сказки. Дается сравнительный анализ переводного процесса на примерах переводов XX-XXI вв. русской и татарской литературной сказки. Раскрываются традиции казанской переводческой школы, основанные на сохранении национальных кодов текста. Обозначены проблемы и перспективы.

литературная сказка, художественный перевод, национальный код

***Хусаинова Р.Р.* Некоторые особенности перевода аграрной терминологии с русского языка на немецкий**

Данная статья посвящена теоретическим вопросам перевода аграрной терминологии с русского языка на немецкий. Аграрные термины представляют собой один из наиболее древних и развитых лексических пластов. Данная группа выражает ряд специфических черт внутрисистемной организации, что дает возможность установить типологию ее содержательных, формальных, парадигматических и синтагматических признаков.

терминология, аграрная терминология, терминосистема, словообразование, аналог

Чеснокова Т.А. Об электронных банках художественных текстов в Швеции

Электронные библиотеки в Интернете предоставляют все большие возможности для чтения, обучения, перевода и научной работы. Художественные тексты в электронном формате более доступны, чем бумажные издания, к примеру, шведских авторов в России. Поэтому использование Интернет-ресурсов для изучения шведского языка и литературы играет неоценимую роль. В данной статье приводится характеристика основных электронных банков шведской художественной литературы.

Швеция, шведская литература, шведский язык, цифровое чтение, электронный банк, библиотека, перевод

Шарафутдинова Н.С. Трудности перевода русских технических терминов-эпонимов на немецкий язык

Данное исследование посвящено рассмотрению технических терминов-эпонимов в русском и немецком языках. Выявлены и описаны положительные свойства и недостатки эпонимических терминов. На примере авиационной терминологии подробно проанализированы случаи, вызывающие трудности при переводе русских терминов-эпонимов на немецкий язык.

термин, эпоним, термин-эпоним, эпонимический компонент, технический перевод

Шенурева О.А. Языковые средства репрезентации света в современном немецкоязычном дискурсе (на примере романа Томаса Хетхе «Herzfaden. Roman der Augsburger Puppenkiste»)

В статье предпринята попытка рассмотреть основные лингвистические особенности репрезентации света в тексте романа Томаса Хетхе «Herzfaden. Roman der Augsburger Puppenkiste»

свет, восприятие света, репрезентация света, языковые средства

Шурупова О.С. Древняя Русь в поэзии И.А. Бунина

Статья посвящена исследованию образов и мотивов поэзии И.А. Бунина, связанных с Древней Русью. Особенности средневековой литературы оказали значительное влияние на ряд произведений И.А. Бунина. В данных стихах получили отражение как бунинское восприятие Родины, так и мироощущение страдающего человека XX столетия.

И.А. Бунин, поэзия, Древняя Русь, житие, летопись, «Слово о полку Игореве»

Щукина В.А. Ольфакторная картина мира в творчестве И.А. Бунина

В статье рассматривается ольфакторная составляющая мировосприятия И.А. Бунина, отразившаяся в его творчестве. На примере прозаических и поэтических текстов определяется роль ароматов в художественном мире писателя. Анализируются ассоциативные связи между запахами и образами, воспоминаниями, чувствами в произведениях И.А. Бунина.

ольфакторная картина мира, ольфакторная образность, ольфакторная память, ольфакторные ассоциации

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Актуганова Софья Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Андреева Ольга Андреевна – студент-бакалавр Института филологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (научный руководитель О.А. Ковыршина).

Багрецова Нина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Бондарева Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор, доцент Института образования Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

Боровикова Ирина Вячеславовна – старший преподаватель кафедры английской филологии, языков северных стран и лингводидактики, аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель А.М. Поликарпов).

Будаева Цындыма Львовна - ведущий специалист отдела международных связей «Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова».

Власова Александра Михайловна – аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель А.М. Поликарпов).

Гнатюк Алексей Сергеевич – аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель А.М. Поликарпов).

Гостева Жанна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Григорьева Любовь Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Губочкина Любовь Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета.

Давыдова Алёна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры литературы ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Дашинимаева Полина Пурбуевна – доктор филологических наук, профессор, доцент, директор Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского университета.

Дорофеева Мария Владимировна – ведущий библиотекарь Центра МИР Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель А.М. Поликарпов).

Дракунова Юлия Александровна - старший преподаватель кафедры английского языка ВШСГНиМК, директор лингвистического центра "Полиглот" САФУ имени М.В. Ломоносова.

Дружинина Мария Вячеславовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Ишенина Дарья Николаевна - библиотекарь Регионального центра консервации документов и сохранения книжных памятников Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова.

Кафанова Ольга Бодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогических инноваций и психологии АНО ДПО «ИБИН».

Ковырина Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Кушнина Людмила Вениаминовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университет.

Латухина Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры прикладной математики и высокопроизводительных вычислений ВШИТАС САФУ имени М.В. Ломоносова.

Меренкова Екатерина Игоревна – студент-бакалавр кафедры романогерманских языков и перевода Института филологии Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина (научный руководитель Пешкова Д.Ю.)

Никитина Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Николина Наталия Николаевна – ассистент кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Окончук Ксения Олеговна – слушатель программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства».

Петров Андрей Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Петрова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и речевой культуры ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Плахина Виктория Николаевна – студент-бакалавр, кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель Е.В. Поликарпова)

Поликарпов Александр Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК, директор НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства» САФУ имени М.В. Ломоносова.

Поликарпова Елена Вакифовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Попова Дарина Игоревна – слушатель программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства».

Попова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, заведующий кафедрой русского языка и литературы института филологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Таирова Ирина Александровна - кандидат филологических наук, доцент Российской новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»).

Тарасова Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова.

Томилова Дарья Николаевна – кандидат филологических наук, учитель иностранного языка, ГБОУ НАО «Средняя школа № 3» г. Нарьян-Мара.

Тяпкина Наталья Андреевна – аспирант кафедры литературы ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель М.Ю.Елепова).

Узких Антон Александрович – слушатель программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» НОЦ «Интегративное переводоведение приарктического пространства».

Филимонцев Дмитрий Александрович – аспирант кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод» Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Филиппов Константин Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Хамидуллина Вера Петровна – магистр педагогических наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), член Союза писателей Республики Татарстан, Союза российских писателей, председатель комиссии по детской литературе СРП.

Хусаинова Римма Раисовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана.

Чеснокова Татьяна Анатольевна – литературовед, кандидат филологических наук, переводчик со скандинавских и французского языков, член СП РФ.

Шарафутдинова Насима Саатовна – Доктор филологических наук
Доцент Профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки»
Ульяновский государственный технический университет

Шепурева Ольга Александровна – заведующий отделом «Центр международных информационных ресурсов» Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики ВШСГНиМК САФУ имени М.В. Ломоносова (научный руководитель А.М. Поликарпов).

Шурупова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Института филологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Шурыкина Людмила Сергеевна – студент-бакалавр ВШИТиАС САФУ имени М.В. Ломоносова.

Щукина Вероника Александровна - кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Деятельность научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства» в 2021–2022 гг.	4

Раздел 1. И.А. Бунин – выдающийся писатель, поэт и переводчик (материалы всероссийской научно-практической конференции, 10 ноября 2020 г.)

<i>Актуганова С.А.</i> Отражение поэтического наследия И.А.Бунина в его переводе	36
<i>Андреева О.А.</i> Образ матери в автобиографической прозе И.А.Бунина и М.М. Пришвина	40
<i>Давыдова А.В.</i> Мотив движения времени в лирике И.А. Бунина для детей (на материале анализа сборника «Под открытым небом»)	44
<i>Джанумов С.А.</i> Жанры русского фольклора в творчестве И.А. Бунина..	49
<i>Дорофеева М.В.</i> Средства передачи деонтической модальности в переводах на английский язык рассказа И. А. Бунина «Муза».....	54
<i>Ишенина Д.Н.</i> Прижизненные издания переводов И.А. Бунина в фонде Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова	61
<i>Ковыршина О.А.</i> Образ дома в автобиографической прозе И.А. Бунина и М.М. Пришвина.....	67
<i>Меренкова Е.И.</i> К вопросу о переводческой деятельности писателя и поэта И.А. Бунина	72
<i>Никитина М.В.</i> Жанр фрагмента в творчестве И.А. Бунина	79
<i>Попова Е.А.</i> Малая родина в жизни и творчестве И.А. Бунина	85
<i>Таурова И.А.</i> Пророки и пророчества в художественном мире И.А. Бунина	94

<i>Тарасова Н.И.</i> Сенсуализм в текстах И.А. Бунина как автора и переводчика (перевод французской поэзии).....	100
<i>Шурупова О.С.</i> Древняя Русь в поэзии И.А. Бунина.....	107
<i>Щукина В.А.</i> Ольфакторная картина мира в творчестве И.А. Бунина....	114

Раздел 2. Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней (материалы всероссийской научно-практической конференции, 18-20 ноября 2021 г.)

<i>Багрецова Н.В.</i> О профессиональной компетенции технических переводчиков	121
<i>Бондарева Л.М.</i> М.В. Ломоносов – читатель и историограф в контексте немецкой культуры	133
<i>Боровикова И.В.</i> Англоязычные термины в норвежском экономическом дискурсе (на материале интернет-текстов по антикризисному менеджменту)	139
<i>Будаева Ц.Л.</i> Передача эстетической функции паремий в переводе (на материале перевода бурятских пословиц на английский язык).....	145
<i>Власова А.М.</i> Сочувствие как форма социально-коммуникативного взаимодействия и её отражение в англоязычном художественном дискурсе	149
<i>Гнатюк А.С.</i> Когнитивные основания классификации англоязычных терминов по аллергологии	156
<i>Григорьева Л.Н., Филиппов К.А.</i> Немецкий словарь М. В. Ломоносова – проблема толкования слов с разной частеречной принадлежностью	160
<i>Губочкина Л.Ю.</i> Лингвистический антропоморфизм в контексте переводоведческой мысли.....	165
<i>Давыдова А.В.</i> Образ мира в лирике М. Тарковского	170
<i>Дашинимаева П.П.</i> Психолингвистические основания метафоры «Перевод – это ходьба на канате»	176

<i>Дракунова Ю.А.</i> Термины и профессиональные жаргонизмы в целлюлозно-бумажной промышленности	186
<i>Дружинина М.В.</i> Михаил Васильевич Ломоносов – гений дизайнерской мысли.....	188
<i>Латухина Е.А., Петрова Т.В., Шурыкина Л.С.</i> Опыт использования разработанного Приложения для разметки корпусов текстов «Карманный корпус v1.0»	196
<i>Николина Н.Н.</i> Проблема перевода детской речи (на примере романа Эммы Донохью «Room»).....	201
<i>Петров А.В.</i> Образ Русского Севера в творчестве поэта Алексея Гушана	206
<i>Тяпкина Н.А.</i> События Гражданской войны и иностранной интервенции глазами писателей-современников А.Зуева и М.Чернокова	210
<i>Филимонцев Д.А.</i> Исследование типологии англоязычных терминологических единиц в подязыке информационной безопасности	215
<i>Хамидуллина В.П.</i> Современный переводной процесс в детской литературе Татарстана (на примере литературной сказки).....	222
<i>Хусаинова Р.Р.</i> Некоторые особенности перевода аграрной терминологии с русского языка на немецкий	227
<i>Чеснокова Т.А.</i> Об электронных банках художественных текстов в Швеции.....	230
<i>Шарафутдинова Н.С.</i> Трудности перевода русских технических терминов-эпонимов на немецкий язык	236

Раздел 3. Интегративное переводоведение

<i>Гостева Ж.Е.</i> Фрейм тап на материале английских паремий.....	241
<i>Кафанова О.Б.</i> Ранние переводы А. Фета: элегии А. де Ламартина	247
<i>Кушникова Л.В.</i> О переводческом метатексте в творческом наследии А.А. Фета	256

<i>Поликарпов А.М., Томилова Д.Н.</i> Ненцы и их культура в западноевропейском медиадискурсе	263
<i>Поликарпова Е.В., Плахина В.Н.</i> Географический образ Арктики в концепции колористики (на примере книги Н.М. Бызовой «Приближая Арктику»).....	271
<i>Шепурева О.А.</i> Языковые средства репрезентации света в современном немецкоязычном дискурсе (на примере романа Томаса Хетхе «Herzfaden. Roman der Augsburger Puppenkiste»)	277

Переводческая мастерская

Переводы английской поэзии	283
Аннотированный список статей	289
Сведения об авторах	303